

БИБЛИОТЕКА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

НАУКА И БИБЛИОТЕКА

Сборник научных трудов

Выпуск 10

Санкт-Петербург
2024

УДК 02:050
ББК 78.3я5
Н34

Рецензенты:

доктор исторических наук С.Н. Искюль,
кандидат технических наук Ф.М. Лурье

Редакционная коллегия:

Н.С. Андреева, И.М. Беляева, Н.Н. Елкина,
В.А. Клишева, Н.В. Колпакова (отв. ред.), М.П. Лепехин,
Р.Н. Ненашев, О.В. Скворцова, О.В. Холмогорова

Н34 Наука и библиотека: сборник научных трудов.
Вып. 10 / отв. ред. Н.В. Колпакова. — Санкт-Петербург: БАН,
2024. — 214 с.
(Серия: Летопись Библиотеки Академии наук).

ISBN 978-5-336-00338-7 (вып. 10)

Библиотека Российской академии наук продолжает издание сборников научных трудов в серии «Летопись Библиотеки Академии наук».

Десятый выпуск научных трудов традиционно составляют труды сотрудников библиотеки, а также работы представителей других учреждений, тематически связанные с его проблематикой.

К 80-ЛЕТИЮ БРОНИРОВАННОГО ФОНДА БАН

Гусева С.Ю.	
Бронированный фонд: 80 лет в составе БАН	5
Кульматова Т.В., Гусева С.Ю.	
Книжный склад Императорской Академии наук и выставка произведений русской печати в Софии 1910 г.	15
Горская Л.И.	
Традиции библиографического описания изданий Академии наук: от реестров и описей до баз данных	21
Гусева С.Ю., Жукова А.В., Хаздан С.Е.	
«От Книжной палаты до Бронированного фонда изданий Российской академии наук: к 80-летию Бронированного фонда в составе БАН». Обзор книжной выставки	33
Хаздан С.Е.	
Обстоятельства передачи Бронированного фонда Библиотеке АН СССР в 1944 году (по материалам СПбФ АРАН)	42
Пономарева Н.В.	
План подготовки каталога всех изданий Академии наук и его реализация во второй половине XX в.	50

**К 200-ЛЕТИЮ БИБЛИОТЕКИ БОТАНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
им. В.Л. КОМАРОВА РАН**

Карамышева Л.М., Панкратова Г.Н., Осадчая Е.А.	
Руководители библиотеки БИН: от истоков до наших дней	54
Панкратова Г.Н.	
Формирование фонда библиотеки Ботанического института им. В.Л. Комарова РАН	70
Белинская М.А., Карамышева Л.М., Тилева Е.А.	
Судьба одной коллекции: работы художника Кавахара Кэйга в составе «Рисованной японской флоры» Филиппа Франца фон Зибольда	79
Зими́на М.С.	
«Жемчужины» в фондах библиотеки БИН	91
Ма́кеева Е.К.	
Уильям Кёртис и его основные труды	105
Овчинникова С.И.	
Особенности обслуживания читателей библиотеки БИН (отдела БАН при БИН)	113
Сы́тин А.К.	
О покупке книг из Горенской библиотеки графа Алексея Кирилловича Разумовского	120
Дунаева Ю.А.	
Книга Марии Сибиллы Мериан «Метаморфозы суринамских насекомых» как источник ботанической информации	128

ИССЛЕДОВАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ

Потеев М.И. «Математические начала» глазами искусственного интеллекта	137
Федотова П.И. У истоков норманизма: Петр Петрей и его «История Великого княжества Московского»	150
Великова Т.Д., Мамаева Н.Ю., Подгорная Н.И. Методика комплексного обследования фондов библиотек ФЦКБФ РНБ	162
Митрофанов В.В. О статусе библиотеки С.Ф. Платонова: 1918–1925 гг.	169
Стасевич В.А. Амман и Аммиан	178
Кульматова А.В. Образ Абэ-но Сэймэя в романе «Оммёдзи» Юэмэакура Баку и его современные интерпретации	183
Мельникова Ю.А. Особенности реставрации книг, отремонтированных скотчем, на примере книги М.А. Алданова «Заговор» из фонда Литературы русского зарубежья ОФО БАН	190
Золотарев В.М. Формирование и становление проекта «ОПТИКА» — ФЦП «Интеграция». Историческая справка	197

РЕЦЕНЗИИ

Искюль С.Н. Французские издания предреволюционной эпохи (1787–1788) в фондах научно-исследовательского отдела редкой книги Библиотеки Российской академии наук. Каталог. Авторы-составители: О.В. Субботина, И.Е. Кулименова. Санкт-Петербург: БАН. 2024. 159 с.	204
Батхан В.В. «Человек в квадрате». Роман Ненашев. Санкт-Петербург: «АураИнфо». 2022. 96 с.	210

С.Ю. Гусева

**БРОНИРОВАННЫЙ ФОНД:
80 лет в составе БАН**

Гусева Светлана Юрьевна — кандидат философских наук, главный хранитель фондов, Научно-исследовательский отдел изданий Академии наук Библиотека Российской академии наук Санкт-Петербург, Россия, e-mail: bronfond@rasl.nw.ru

АННОТАЦИЯ

В статье представлен краткий обзор деятельности Бронированного фонда академических изданий Российской академии наук в составе БАН за 80 лет. Обозначены основные этапы формирования библиотечного подразделения. Особое внимание уделено проблемам комплектования, каталогизации, хранения, использования, изучения и раскрытия фонда.

Ключевые слова: академические издания, издания Академии наук, Бронированный фонд, Библиотека Российской академии наук, Научно-исследовательский отдел изданий Академии наук.

Цель настоящего сообщения — представить краткий обзор 80-летней деятельности Бронированного фонда академических изданий Российской академии наук в составе БАН. В последние годы появились интересные публикации, в которых обозначены проблемы, связанные с изучением истории появления нового подразделения в структуре БАН в годы Великой Отечественной войны. Авторы этих публикаций: А.А. Балакина, Н.В. Бекжанова [1, 2], С.Е. Хаздан [3]. Большая работа по изучению документов, отражающих историю Бронированного фонда, ведется в Архиве БАН. Сотрудники Научно-исследовательского отдела изданий Академии наук выражают огромную благодарность А.А. Балакиной за ценные консультации и предоставленные архивные материалы, без которых было бы сложно описать процесс формирования нового подразделения Библиотеки.

Само понятие «Бронированный фонд» начинает использоваться в документах Академии наук СССР в 1930-е гг. В Библиотеке Академии наук Бронированным фондом называли Архивное собрание изданий АН СССР [4, с. 62]. В настоящее время это подразделение носит название сектора Академического собрания Научно-исследовательского отдела изданий Академии наук. В Архиве БАН хранится «Положение о бронировании фонда академических изданий» (датой его создания, предположительно, следует считать 1930 год). В документе указывается, что «Бронированный фонд академических изданий является специальным фондом внутреннего пользования, выдача книг из которого производится на основании особых правил» [5]. В карточках Генерального алфавитного каталога БАН советского периода пометка «Брон. фонд» означает принадлежность книги или журнала к фонду Академического собрания.

В 1930-е гг. еще одно учреждение, Книгохранилище академических изданий, которое являлось преемником основанной в 1728 г. Книжной

палаты, по роду своей деятельности связанное с Типографией Академии наук и Библиотекой Академии наук, оно получило название Бронированного фонда академических изданий Президиума Академии наук СССР. С конца 1930-х годов деятельность данного учреждения регулировалась «Академкнигой», а 20 марта 1944 г. было издано Постановление Президиума Академии наук СССР «О передаче “Академкнигой” Бронированного фонда Президиума Академии наук СССР Библиотеке Академии наук СССР» [6, с. 65, 74–75]. Работа по изучению обстоятельств передачи Бронированного фонда в БАН продолжается. Но для нас очень важен сам факт появления в 1944 г. нового библиотечного подразделения — Бронированного фонда Президиума АН СССР. Архивное собрание изданий АН СССР, которое ранее в документах БАН называлось бронированным фондом, в 1944 г. было переименовано в Академическое собрание [4, с. 62].

Современные специалисты по библиотековедению дают следующее определение бронированного фонда: «Бронированный фонд — особо выделенная часть экземпляров произведений, созданных данным научным, учебным или иным подобным учреждением, представляющих интеллектуальный результат (продукт) его деятельности в продолжение всего периода существования учреждения. Сохраняется в статусе неприкосновенного исторического артефакта» [7, с. 28]. Бронированный фонд, включенный в состав БАН, — это фонд печатной продукции Академии наук, который условно можно разделить на две части. Одна часть представляет собой некий неприкосновенный запас литературы, издаваемой Академией наук и академическими учреждениями с первых лет их существования до настоящего времени. Эта часть фонда, выполняющая мемориальную функцию, находится в распоряжении Президиума Академии наук. Вторая часть фонда может быть использована для формирования и пополнения книжных собраний научных организаций (в первую очередь академических), учреждений культуры, находящихся в нашей стране и за рубежом, для даров и для экспонирования. Оперативное управление Бронированным фондом осуществляет Библиотека Академии наук.

Читая материалы, содержащие сведения о деятельности Бронированного фонда, можно обратить внимание на то, что долгое время статус этого подразделения в составе БАН не был четко определен. Сотрудник, стоявший во главе Бронированного фонда, мог занимать разные библиотечные должности и называться его заведующим. Не стал постоянной величиной и штат Бронированного фонда. Актуальной была и остается проблема размещения, хранения академических изданий.

В 1982 г. вышел из печати второй выпуск «Организационно-распорядительной документации Библиотеки Академии наук СССР», в котором были представлены Положения об отделах БАН. В этом сборнике документов Бронированный фонд называется отделом — самостоятельным структурным подразделением. Официальное название подразделения — Отдел бронированного фонда изданий Академии наук СССР (фонд Президиума Академии наук СССР) [8, с. 57–59]. 1986 г. — время организации объединенного отдела изданий Академии наук (ОИАН). В его состав было включено три подразделения, сотрудники которых работали с изданиями Академии наук: отдел бронированного фонда, сектор

академического собрания, ранее входивший в отдел рукописной и редкой книги, и группа библиографов научно-библиографического отдела (НБО), участвовавших в создании ежегодника «Библиография изданий АН СССР» [6, с. 101]. Руководитель отдела стал называться заведующим отделом с сохранением должности заведующего сектором Бронированного фонда.

Сотрудники Бронированного фонда на протяжении многих десятилетий решали задачи, которые ставили перед ними Президиум Академии наук и Дирекция БАН. Однако магистральными направлениями деятельности этого библиотечного подразделения всегда оставались комплектование, каталогизация, организация, хранение и использование академических изданий. Конец 1944 — первая пол. 1971 гг. в истории Фонда — время, когда этим подразделением руководили специалисты, работавшие в партийных, военных, академических учреждениях, опытные администраторы и хозяйственники. С конца 1944 по 1951 гг. Фонд возглавлял Александр Николаевич Хренов (1894–?) — партийный работник, фронтовик, который перед началом Великой Отечественной войны руководил «Академкнигой» и понимал специфику деятельности нового подразделения БАН [10, с. 800]. Для размещения академических изданий (827 133 библ. ед.) требовались площади [6, с. 75–76]. Инвентаризация фонда растянулась на несколько лет из-за нехватки кадров и трудностей с учетом изданий, временно хранившихся в разных районах города [12, с. 578–581]. Но сотрудниками уже налаживалась работа по комплектованию, регистрации новых поступлений и по рассылке академических изданий в научные организации РСФСР, союзных республик и зарубежных стран. Литература из Бронированного фонда демонстрировалась на официальных мероприятиях, приуроченных к 220-летию юбилею Академии наук [13, с. 6].

С ноября 1951 по апрель 1957 гг. Бронированный фонд возглавлял Михаил Ефимович Федосеев (1891–?) — партийный деятель, талантливый администратор, хорошо знакомый с работой Бронфонда еще со времени блокады Ленинграда. В военное время на него как на Уполномоченного Президиума Академии наук СССР по ленинградским учреждениям АН СССР и начальника Ленинградского академического хозяйственного управления легла основная нагрузка по организации присоединения Бронированного фонда к БАН [10, с. 770–771]. Под руководством М.Е. Федосеева были закончены работы по инвентаризации Бронированного фонда. Другим важным достижением первой половины 1950-х гг. стало создание основного ядра алфавитного карточного каталога нового подразделения [12, с. 579]. По состоянию на 01.01.1953 г. в Бронированном фонде числилось 968 462 библ. ед.

Несколько месяцев 1957 г., согласно документам Архива БАН, Бронированный фонд возглавлял Василий Алексеевич Гиренков (1904–1957) — участник Великой Отечественной войны, партийный работник, преподаватель основ марксизма-ленинизма в подразделениях МГБ СССР. До поступления на должность заведующего Фондом он работал в библиотеке Ленинградского Дома ученых [9, с. 173; 11].

С 10.10.1957 по 22.06.1971 гг. руководство Фондом осуществлял Василий Федорович Экономов (1904–1992). Это заметная фигура в исто-

рии БАН советского периода. 1 марта 2024 г. исполнилось 120 лет со дня рождения В.Ф. Экономова. В 1934 г. он окончил Коммунистический институт журналистики им. В.В. Воровского, в 1949 г. — Высшую партийную школу при ЦК КПСС. В годы Великой Отечественной войны участвовал в партизанском движении, отмечен многими правительственными наградами, в том числе орденом Красной Звезды, медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Распоряжением Президиума Академии наук он был назначен сначала зам. директора по кадрам Библиотеки Академии наук, а позже — заведующим Бронированным фондом [10, с. 862]. Дважды избирался депутатом Василеостровского районного Совета Ленинграда, был основателем Добровольной народной дружины БАН. В.Ф. Экономов сумел организовать эффективную работу подразделения по получению, сохранению, выдаче академической литературы, не терял связи с коллективом после ухода на заслуженный отдых.

В 1971 г. заведующей Бронированным фондом была назначена Юлия Михайловна Тарасова (1934–2008) — выпускница исторического факультета Воронежского государственного университета и факультета русского языка и литературы Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена, сотрудник, знакомый с проблемами сохранности и реставрации документов. Ю.М. Тарасова работала в БАН с 1961 года — несколько месяцев библиотекарем и 10 лет — реставратором ОГК [10, с. 728–729]. Под руководством новой заведующей в 1973 г. был осуществлен переезд Бронированного фонда в поселок Коломяги. Подразделение в связи с завершением этого масштабного мероприятия и за успехи, достигнутые в социалистическом соревновании, неоднократно награждалось почетными грамотами. Статья о Бронированном фонде в 1983 г. была напечатана в газете «Ленинградская правда» [14]. В 1986 г. в БАН был организован комплексный Отдел изданий Академии наук. Ю.М. Тарасова стала первой заведующей этим отделом с сохранением должности зав. сектором Бронированного фонда. Она руководила отделом до 2004 г., в последние годы своей жизни исполняла обязанности главного хранителя Бронированного фонда.

Ю.М. Тарасова, несомненно, является самым известным сотрудником Бронфонда последней четверти XX — начала XXI вв. В июле текущего года мы будем отмечать важную юбилейную дату — 90 лет со дня рождения Юлии Михайловны. Планируется подготовка книжно-иллюстративной выставки, посвященной ее трудовой деятельности. Ю.М. Тарасова принимала активное участие в общественной, научной жизни библиотеки, как руководитель Комиссии по сохранности книжных фондов была одним из организаторов мероприятий по спасению изданий, хранящихся в БАН, после пожара 1988 г. [15]. Многие специалисты нашей Библиотеки хорошо помнят сотрудников, трудившихся вместе с Ю.М. Тарасовой, — К.П. Воронову [9, с. 150], Е.Д. Полевик [10, с. 589], М.В. Воронову [9, с. 150], О.М. Виноградову [9, с. 137], Л.А. Казанцеву [9, с. 305], А.В. Крейцера [9, с. 381], Е.А. Кудрявцеву [9, с. 392–393], А.Н. Соколову [10, с. 691–692], А.В. Королеву [9, с. 365].

В 2004–2020 гг. ОИАН БАН возглавляла кандидат филологических наук Наталья Михайловна Баженова [9, с. 45–46]. Именно благодаря ее

усилиям в 2008 г. отдел получил статус научно-исследовательского подразделения БАН. Все подразделения отдела, включая Бронированный фонд, начали активно участвовать в компьютеризации библиотечных процессов. Наталья Михайловна уделяла внимание вопросам наставничества, вместе с сотрудниками Кабинета библиотековедения много сил и времени отдавала работе со студентами, избравшими своей профессией библиотечную деятельность, понимала необходимость передачи знаний и опыта новому поколению сотрудников БАН, привлекала молодежь к работе в Бронированном фонде. Наталья Михайловна и сейчас оказывает поддержку научным сотрудникам в их работе по изучению истории академических учреждений. В настоящее время руководителем ОИАИ БАН является Татьяна Васильевна Кульматова.

Рассказывая о судьбе Бронированного фонда в составе БАН, необходимо дать характеристику основных направлений его деятельности. Прежде всего — это комплектование. Бронированный фонд комплектуется научными изданиями, которые в советский период выходили под грифом АН СССР, в наши дни — под грифом Российской академии наук или ее учреждений. Общеакадемические издательства, издательства региональных отделений РАН, учреждений РАН, издающие научную литературу, до 2014 г. были обязаны доставлять в Бронированный фонд книжную и журнальную продукцию в течение 10 дней со дня выхода первой партии тиража в специально оговоренных количествах. С конца 1945 г. в Бронированный фонд поступало 25 экз. каждого названия вышедших из печати академических монографий и периодических изданий на русском языке и языках народов СССР и 40 экз. изданий на иностранных языках, с конца мая 1963 г. — по 7 экз. всех изданий Академии наук, по 3 экз. реферативных журналов [12, с. 582–584].

Во второй половине 1995 г. количество монографий и периодических изданий, доставлявшихся в Фонд, резко уменьшилось. В начале нового столетия Президиум Академии наук издал Постановление «О Бронированном фонде академических изданий Российской академии наук» № 198 от 24 июня 2003 г. В этом документе зафиксировано последнее официальное название подразделения — Бронированный фонд академических изданий Российской академии наук. В Постановлении указывается, что с 2000 г. Бронированный фонд комплектуется изданиями, выходящими под грифом Российской академии наук или ее учреждений, в следующих количествах: монографиями в двух экземплярах, периодическими изданиями — в одном экземпляре.

Следует обратить внимание на то, что вся литература, поступающая в Фонд, ставится на учет, обрабатывается самими сотрудниками подразделения. Ведутся инвентарные книги, заполняются карточки алфавитного каталога на каждое новое название монографии и годовой комплект журналов. Изданиям, поступающим в фонд, присваиваются шифры. Обработанная литература завязывается в пачки из бумаги крафт, пачки подписываются, к каждой прикрепляется бирка с шифром. Обработанные издания переносятся или перевозятся в книгохранилища. Сведения об изданиях Бронированного фонда можно найти в служебных алфавитных каталогах, один из которых находится в удаленном книгохранилище.

Сотрудники Бронированного фонда не только принимают участие в комплектовании своего структурного подразделения монографиями, периодическими и продолжающимися изданиями, материалами конференций, но и участвуют в формировании фондов отечественных и зарубежных научных учреждений. Эта составляющая работы Бронированного фонда наиболее полно раскрыта в публикациях Юлии Михайловны Тарасовой [16, 17]. Согласно статистическим данным, Бронированным фондом в 1944–1989 гг. было отправлено в академические библиотеки союзных республик 630 847 библиотечных единиц [16, с. 81], в 1944–2004 гг. в научные учреждения зарубежных стран — 142 237 изданий. Бронированный фонд принимал участие в комплектовании библиотек и библиотечных центров США, Финляндии, Югославии, Польши, Словакии, Индии. В 2001 г. по просьбе Президиума РАН было передано 49 изданий из Бронированного фонда президенту РФ В.В. Путину для подарка Шанхайскому университету [17, с. 172–173].

Если в советский период ежегодный объем поступлений в Бронированный фонд достигал 35–40 тыс. экз., то в 2017–2023 гг. он снизился до 250–500 экз. В наши дни все академические научные издания, находящиеся в Бронированном фонде в количестве 1–2 экз., выполняют мемориальную функцию и не подлежат выдаче читателям, передаче в другие фонды, изъятию в иных целях без специального разрешения Президиума РАН. Временная выдача этих изданий из Бронированного фонда может быть разрешена директором Библиотеки РАН только в целях экспонирования и репродуцирования.

Издания, имеющиеся в Бронированном фонде в количестве более двух, не включенные в состав особо ценных фондов, могут использоваться для докомплектования подразделений Библиотеки РАН (БАН), библиотек академических учреждений, даров, гуманитарной помощи и других научных и культурных целей. В связи с уменьшением количества изданий, поступающих в Бронированный фонд, работа по передаче академических изданий в другие учреждения уже не так масштабна, как в советский период. В 2004 г. литература из Бронированного фонда была передана в Ирак Багдадскому университету (500 ед. хр.); в 2005 г. гуманитарная помощь была оказана школе в Беслане, пострадавшей от террористического акта (450 ед. хр.); в 2007 г. академические издания были отправлены в научные и культурные учреждения Тобольска (более 1 000 ед. хр.), в Южный Научный центр РАН (более 13 800 ед. хр.). В 2010-е годы монографии из Бронированного фонда выдавались в основном в библиотеки академических институтов и подразделения БАН.

Важная составляющая работы подразделения — организация фонда, обеспечение сохранности академической литературы. Известно, что большая часть изданий из Бронированного фонда до его вхождения в состав БАН традиционно хранилась на Васильевском острове. В справочной литературе в качестве мест хранения академических изданий указываются здание Академии наук, помещения Азиатского Музея и Старого Гостиного двора, складские помещения около здания Биржи. В документах Академии наук неоднократно обращалось внимание на недостаток площадей для хранения фонда, плохие условия его содержания.

В 1924 г. многие ценные издания, находившиеся в Книгохранилище (так в 1920-е годы назывался Бронированный фонд), пострадали от наводнения [18, с. 161]. На спасенных сотрудниками академических учреждений экземплярах стоят штампы с текстом на русском и французском языках «Повреждено наводнением 23 сентября 1924 г.».

В период присоединения Бронированного фонда к БАН книги хранились в зданиях на Васильевском острове и на Литейном пр., д. 53а. В документах, которые включены в книгу В.П. Леонова «Библиотечный синдром», местами временного размещения частей Бронированного фонда называются Сампсониевский собор, бывшая конюшня и манеж Ново-Михайловского дворца [12, с. 578]. Перевезенная в БАН литература и новые поступления долгое время хранились на первом этаже главного здания Библиотеки, но в конце 1960-х годов снова обозначилась проблема нехватки помещений для академических изданий. Как уже упоминалось, в 1973 г. Бронированный фонд (тогда его объем достиг 1 110 000 ед. хр.) был перемещен в находящееся в собственности Академии наук здание в Коломягах с помещениями складского типа, не очень приспособленными для книгохранения. Во второй половине 1980-х гг. новые поступления из-за перегруженности площадей уже не могли быть размещены в коломяжских хранилищах [6, с. 79–80; 17, с. 173]. Академическая литература, изданная с 1987 г. по настоящее время, хранится в здании № 2 БАН на Тифлисской улице, д. 1. Но сотрудники Отдела изданий Академии наук и представители инженерно-технических служб нашей Библиотеки регулярно проверяют состояние помещений и фонда, хранящегося в Коломягах. Следует вспомнить о том, что после пожара в БАН в 1988 г. все специалисты отдела под руководством Ю.М. Тарасовой приняли активное участие в спасении литературы, пострадавшей от огня и воды. Ими было просушено более 93 тыс. библиотечных единиц [13, с. 8]. В наши дни для сотрудников Фонда проблема сохранности академических изданий остается актуальной из-за протечек, которые, к сожалению, нередко случаются в здании дореволюционной постройки.

Долгое время важным направлением работы Бронированного фонда была выставочная деятельность. Традиции участия нашего подразделения в книжных выставках возникли еще в дореволюционный период. Сотрудники Бронированного фонда готовили материалы для книжных выставок, посвященных юбилейным датам Академии наук, награждались почетными медалями и грамотами ВДНХ. Выставки организовывались в БАН и на площадках в Ленэкспо, в Ледовом дворце, книги выдавались для временного экспонирования в другие учреждения и регионы. Любимыми темами, к которым обращались сотрудники Бронированного фонда при подготовке к выставкам, были сюжеты из российской истории, академическое книгоиздание, история Санкт-Петербурга, пушкиниана, востоковедение, история российского флота [13, с. 6–7].

С 1987 г. по распоряжению Президиума Академии наук СССР Бронированный фонд стал выполнять функции научно-методического центра бронированных фондов академических изданий союзных республик, научных центров и отделений Академии наук. БАН сотрудничала с Библиотекой Польской Академии наук в Варшаве, имеющей в своем составе бронированный фонд. Специалистами Бронированного фонда было раз-

работано «Типовое положение об отделе (секторе) бронированного фонда изданий Академии наук СССР, Академии наук союзной республики» с Приложением, представляющим собой анкету для заполнения: «Комплектование, хранение, использование бронированного фонда изданий АН» [19]. К сожалению, контакты с коллегами из других регионов прекратились в связи с изменениями в политической жизни бывших союзных республик и стран социалистического лагеря.

Сегодня Бронированный фонд является подразделением Научно-исследовательского отдела изданий Академии наук. На 01.01.2024 г. в Бронированном фонде хранилось 1 842 323 библиографических единиц. Сотрудники продолжают участвовать в комплектовании фонда новой научной литературой. Монографии и журналы поступают в Бронированный фонд через Отдел комплектования библиотечного фонда, литература продолжает приходить из ряда академических учреждений, среди которых следует отметить Ботанический институт им. В.Л. Комарова РАН, Институт химии силикатов им. И.В. Гребенщикова РАН. Особую значимость приобретает ретроспективное комплектование фонда научными изданиями, например, материалами конференций, сборниками статей академических учреждений, которые издавались небольшими тиражами и не поступали в фонд. Так, через отдел комплектования в Бронфонд было направлено 28 изданий из библиотеки Жана Бланкова (Бродовикова Ивана Борисовича) (1931–2023), потомка русских эмигрантов, слависта, переводчика.

Литература из Бронированного фонда востребована современными российскими библиотеками. С мая 2023 г. Бронированный фонд под руководством Дирекции и Отдела ретроспективного комплектования и Обменно-резервного фонда БАН принимает участие в формировании библиотек Русского географического общества. В 2023 г. из Бронированного фонда через ОРКОРФ БАН в подразделения РГО было передано более 800 библиотечных единиц. Это монографии, сборники статей, периодические издания, относящиеся к разделу наук о Земле, а также историческая, этнографическая, культурологическая, регионоведческая, филологическая литература.

Сотрудники Бронированного фонда участвуют в выставочной деятельности Отдела изданий Академии наук. Четыре издания XVIII в. из Бронированного фонда в 2016–2018 гг. экспонировались в петербургском музее «Нарвская застава» и были возвращены в БАН после проведения выставочных мероприятий.

В подразделении продолжается создание традиционного карточного алфавитного каталога и ведется работа по формированию электронных баз данных «Бронированный фонд Монографии (ОИАН)», «Бронированный фонд периодика (ОИАН)». Датой начала создания электронного каталога Бронированного фонда следует считать 20 апреля 2006 г. В течение многих лет сотрудники использовали в своей деятельности программные продукты WinISIS. В 2023 г. в подразделении установлена система автоматизации библиотек ИРБИС64. В базах данных Бронфонда насчитывается уже более 25 000 электронных документов.

В заключение следует отметить, что Бронированный фонд является уникальным историко-культурным собранием изданий Академии наук, отражающим основные этапы 300-летнего развития фундаментальной

отечественной науки, и нуждается в дальнейшем исследовании и раскрытии. Сотрудники ОИАиН БАН планируют продолжить работу с архивными документами и подготовить серию публикаций, освещающих историю одного из старейших учреждений Академии наук, вошедшего в состав Библиотеки 80 лет назад.

Список источников

1. Балакина А.А., Бекжанова Н.В. Библиотека Российской академии наук (БАН): хроника военных лет, январь–апрель 1944 года // Петербургская библиотечная школа. 2019. № 3. С. 115–133.
2. Балакина А.А., Бекжанова Н.В. Библиотека Российской академии наук (БАН): хроника военных лет, сентябрь–декабрь 1944 года // Петербургская библиотечная школа. 2020. № 1. С. 3–21.
3. Хаздан С.Е. Отдел бронированного фонда в составе Библиотеки АН СССР: первая бригада (январь–март 1944 г.) // Наука и библиотека: сборник научных трудов. Санкт-Петербург: БАН, 2022. Вып. 5. С. 155–159.
4. Щербакова Т.П. Архивное собрание академических изданий в БАН СССР // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. Москва; Ленинград: Наука, 1966. С. 60–66.
5. Положение о бронировании фонда академических изданий // Архив БАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 60. Л. 1.
6. Лютова К.В., Тарасова Ю.М. Академические издания в фондах Библиотеки Российской академии наук. Санкт-Петербург: БАН, 1992. 112, [1] с.
7. Библиотечный фонд: словарь-справочник / науч. ред. Ю.Н. Столяров; [сост., предисл. Е.И. Ратниковой, Н.З. Стародубовой, Л.М. Толчинской]. Москва: ИНФРА-Москва, 2016. 158, [2] с. — (Библиотека малых словарей «ИНФРА-М»).
8. Организационно-распорядительная документация Библиотеки Академии наук СССР / отв. ред. К.В. Лютова. Ленинград: БАН, 1982. Вып. 2. Положения об отделах. 101, [1] с.
9. Биографический словарь сотрудников Библиотеки Российской академии наук / гл. ред. и сост. В.П. Леонов. Санкт-Петербург, 2014. Кн. 1. 568 с. — (Великая Россия: Российская биографическая энциклопедия; т. 13).
10. Биографический словарь сотрудников Библиотеки Российской академии наук / гл. ред. и сост. В.П. Леонов. Санкт-Петербург, 2014. Кн. 2. С. 569–1143. — (Великая Россия: Российская биографическая энциклопедия; т. 14).
11. Приказы по личному составу. Приказ № 11 от 15.01.1957 // Архив БАН. Ф. 1. Оп. 1 л. Д. 20. Л. 19.
12. Леонов В.П. Библиотечный синдром. Санкт-Петербург: Облик, 1996. 629 с.
13. Тарасова Ю.М. Бронированный фонд академических изданий // Научная книга. 2005. № 3. С. 4–10.
14. Викторова Е. Для будущих ученых: работа у них такая // Ленинградская правда. 1983. 10 июля (№ 160). С. 4.
15. Тарасова Ю.М. Роль комиссии по сохранности в спасении и восстановлении пострадавших фондов // БАН: 10 лет после пожара: материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 16–18 февраля 1998 г. Санкт-Петербург: БАН, 1999. С. 82–86.
16. Тарасова Ю.М. Бронированный фонд Президиума АН СССР как источник комплектования академических библиотек // 275 лет Библиотеке Академии наук: сборник докладов юбилейной научной конференции, 28 ноября — 1 декабря 1989 г. / отв. ред. В.П. Леонов. Санкт-Петербург: БАН, 1991. С. 77–85.
17. Тарасова Ю.М. Бронированный фонд академических изданий как источник комплектования академических библиотек // Книга и мировая цивилизация: Материалы одиннадцатой международной научной конференции по проблемам книговедения. Москва, 20–21 апреля 2004 г. В 4 т. Т. 3. Москва: Наука, 2004. С. 170–174.
18. Научные учреждения Академии наук СССР: краткое обозрение ко дню десятилетия, 1917–1927. Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1927. 169 с.

19. Типовое положение об отделе (секторе) бронированного фонда изданий Академии наук СССР, Академии наук союзной республики // Архив БАН. Ф. 1. Оп. 5в. Д. 48. 3 л.

GUSEVA S. The Safekeeping fund as a part of the Russian Academy of Sciences Library for 80 years

Guseva Svetlana — Candidate of Philosophical Sciences, Chief Conservator of funds of the Research Department of Academy of Sciences Editions Russian Academy of Sciences Library Saint-Petersburg, Russia, e-mail: bronfond@rasl.nw.ru

ABSTRACT

The article provides a brief overview of the activities of the Safekeeping fund of the Russian Academy of Sciences' academic editions as a part of the Russian Academy of Sciences Library for 80 years. The main stages of the formation of the library division are outlined. Special attention is paid to the problems of acquisition, cataloging, storage, using, research and disclosure of the content of the fund.

Keywords: academic editions, Russian Academy of Sciences editions, safekeeping fund, Russian Academy of Sciences Library, Research Department of Academy of Sciences Editions.

Т.В. Кульматова, С.Ю. Гусева

КНИЖНЫЙ СКЛАД ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК И ВЫСТАВКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКОЙ ПЕЧАТИ В СОФИИ 1910 г.

Кульматова Татьяна Васильевна — кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник, руководитель ОИАН БАН, Научно-исследовательский отдел изданий Академии наук
Библиотека Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия, e-mail: kulmatova@gmail.com

Гусева Светлана Юрьевна — кандидат философских наук, главный хранитель фондов, Научно-исследовательский отдел изданий Академии наук, Библиотека Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия, e-mail: bronfond@rasl.nw.ru

АННОТАЦИЯ

Книжный склад Императорской Академии наук (ИАН) занимался не только хранением и распространением тиражей ее изданий, являлся библиографирующим учреждением ИАН, но и принимал участие в международных книжных выставках. Статья посвящена участию Склада в болгарской выставке 1910 г. Выставка имела широкий резонанс, все 160 экспонировавшихся изданий ИАН были переданы в дар Софийскому университету и другим учреждениям. Публикуемый список позволяет реконструировать это событие.

Ключевые слова: Книжный склад Академии наук, Иван Андреевич Кубасов, выставка произведений русской печати в Софии.

Начало XX в. — канун войн и революции — важный период в истории Императорской Академии наук (ИАН), отмеченный расцветом ее книгоиздательской деятельности, появлением новых продолжающихся и периодических изданий, увеличением тиражей. Особую значимость в этот период приобретает и деятельность Книжного склада ИАН.

В это время работа Книжного склада велась в нескольких направлениях: прием из Академической типографии и хранение тиражей ее изданий, их распространение (бесплатная рассылка по спискам академикам, научным учреждениям, дары, продажа). Помимо этого, Склад также выполнял роль библиографирующего учреждения Академии наук (задолго до Бюро международной библиографии при ИАН [1]). КATALOGИ середины XIX — начала XX в., составленные на высоком профессиональном уровне, выходят за рамки книготорговых и дают представление о библиографическом репертуаре изданий Академии наук за 200 лет ее деятельности. Сотрудниками Склада также составлялись указатели к периодическим изданиям ИАН. Коллективом велась обширная работа. Так, в течение одного только 1910 г. был выполнен целый ряд библиографических работ:

- сдана в печать «Роспись отчетам по присуждению премий»;
- продолжался набор «нового полного каталога академических изданий» (известного в БАН как каталог Кубасова);
- дважды (в марте и октябре) был дополнен, исправлен и отпечатан «подвижной каталог изданий Отделения русского языка и словесности ИАН (ОРЯС)»;

- закончен вспомогательный алфавитный указатель статей, помещенных в «Известиях ИАН» V серии;
- продолжено составление вспомогательного алфавитного указателя к 75 томам «Записок ИАН» и к 88 томам «Сборника ОРЯС ИАН»;
- начат список словарей, материалов к ним и грамматик, изданных ИАН [2].

Помимо обязательных работ, перечисленных выше, Склад принимал участие в организации и проведении книжных выставок, в том числе международных. В литературе подробно освещена история книжной выставки в Лейпциге в 1914 г., во время проведения которой началась Первая мировая война. Книги и экспонаты, привезенные на выставку, были оставлены в Музее полиграфического производства в Лейпциге и смогли вернуться в Россию только после войны [3, с. 220]. Возможно, часть книг была предоставлена для экспонирования Книжным складом. Во всяком случае, известно, что заведующий Складом — Иван Андреевич Кубасов (1875–1937) дважды побывал в Лейпциге в 1913 г., где встретился с комиссионером ИАН Зоргенфреем, посетил его книжный склад, обсудил с ним новый контракт ИАН, а также «ознакомился с бюро по устройству открывающейся в 1914 г. выставки печатного дела и графики и выяснил условия и степень возможного участия на этой выставке Академии наук» [4, с. 341]. В 1914 г. И.А. Кубасов вновь побывал в Лейпциге, где «обсудил с Зоргенфреем проект нового контракта, выработанный в окончательной форме Издательской комиссией, а также в течение недели знакомился с Международной Выставкой печати, в устройстве которой, как известно, Академия приняла значительную долю участия» [5, с. 433].

В 1910 г. (с 25 июня по 12 июля) Главным управлением по делам печати России в Софии была организована и проведена выставка произведений русской печати за 1908 и 1909 годы. Главным уполномоченным по устройству этой выставки стал действительный статский советник Александр Александрович Башмаков (1858, Одесса — 1943, Париж) — русский публицист, правовед, этнограф, панславист, видный деятель Славянского движения. По инициативе П.А. Столыпина он был назначен на должность главного редактора газеты «Правительственный Вестник» и занимал ее (с перерывом) вплоть до 1913 г. И.А. Кубасов совмещал работу на Книжном складе ИАН с работой помощника редактора в «Правительственном вестнике», поэтому неудивительно, что он был назначен помощником главного уполномоченного выставки [2, с. 297; 7, с. 1376–1377]. И.А. Кубасов как заведующий складом ИАН выступил с важной инициативой: предложил Академии наук представить на софийской выставке ее труды за последние два года — 1908 и 1909. В связи с этим он обратился к неперемемному секретарю ИАН Сергею Федоровичу Ольденбургу (1863–1934) с письмом, которое сохранилось в СПФА РАН [6, л. 57]. Приведем его ниже.

«Многоуважаемый Сергей Федорович.

Отправляясь в Софию на выставку русского печатного дела в качестве помощника Главного Уполномоченного по устройству выставки, я хотел бы использовать этот случай для экспонирования изданий Императорской Академии Наук. Из част-

ных переговоров по сему поводу с Главным Уполномоченным (А.А. Башмаков) выяснилось, что изданиям Академии будет отведено на выставке подобающее место и что устройство витрин или щитов не вызовет затрат, мне же участие на выставке как Заведывающего Книжным Складом может лишь облегчить дело экспонирования академических изданий. Вот почему я позволяю себе обратиться к Вам с почтительнейшей просьбой разрешить отправить в Софию (или точнее — в Одессу, для направления в Софию) ящик изданий Академии хотя бы за последние два года и некоторых выдающихся изданий и серий, могущих наиболее заинтересовать славян. Список изданий, которые, по моему мнению, было бы желательно экспонировать, при сем приложен. Прилагаются при сем и №№ 122 и 125 «Правит.[ельственного] Вестника» со статьями, из которых можно видеть, какие фирмы принимают участие в выставке и какие меры принимает Главное Управление по делам печати для успеха выставки, равно как и правила по устройству выставки.

Повергаю свою просьбу Вашему благосклонному усмотрению, имею честь быть к услугам Вашим

15 июня 1910 г.
Императорской Академии Наук

Заведывающий Книжным Складом
Ив. Кубасов.

Составленный И.А. Кубасовым список был одобрен Правлением Академии. Первоначально он включал 189 изданий (публикуется ниже), но потом был сокращен до 160 изданий.

После завершения выставки неперменный секретарь выступил на Общем собрании с заявлением. Он отметил, что «участие на выставке, равно как и отправка, не была сопряжена с затратами. 160 экземпляров академических изданий, преимущественно за последние два года, таким образом, оказались в числе экспонатов выставки, где им было отведено одно из лучших мест (в зале художественного отдела), и где они заняли особую витрину. По отзыву Заведующего Книжным Складом, подолгу находившегося на выставке при витрине склада, посетители выставки (их перебивало за время существования выставки — по 12 июля — до 30 000 человек) проявляли интерес к академическим изданиям, обращались к Заведующему с рядом вопросов касательно экспонированных изданий и издательской деятельности Академии и с любопытством знакомились с каталогами (каталоги изданий Отделения Русского языка и словесности тут же раздавались [!] интересующимся). Успеху выставки, а стало-быть и интересу к экспонатам Академии значительно способствовало то обстоятельство, что время открытия выставки совпало с порою ряда съездов в Софии, а именно — общественных и политических деятелей, учителей, врачей, журналистов, соколов и др. Реальным подтверждением интереса к академическим изданиям могут служить несколько запросов, обращенных в течение лета в Книжный Склад от некоторых болгарских книжных магазинов (между прочим, от Бурмова, Панайотова, Петрова и др.).

По просьбе профессора Софийского Университета, члена-корреспондента нашей Академии Л. Г. Милетича* (члена болгарского комитета по устройству выставки), академические экспонаты по закрытии выставки, с моего разрешения, временно оставлены в Софии на ответственность профессора Милетича, возбудившего ходатайство о передаче всех

* Милетич Любомир (1.01.1863, Штип (Македония) — 1.06.1937, София) — филолог-славист, чл.-кор. ИАН по ОРЯС с 1.12.1901 г. (См.: Российская академия наук: персональный состав. Москва, 2009. Кн. 1. С. 497: портр.).

академических изданий, бывших на выставке, в Библиотеку Софийского Университета и отчасти в другие просветительные учреждения Софии.

Ввиду всего вышеизложенного, прошу уважить ходатайство профессора Милетича и разрешить ему передать часть академических изданий, бывших на выставке в Софии, в библиотеку Софийского Университета, часть же — в другие просветительные учреждения» [7, с. 1376–1377]. Предложение было одобрено, о чем положено было сообщить для исполнения в Книжный Склад.

Таким образом, выставка имела успех, вызвала широкий отклик и способствовала распространению изданий Академии наук за границей, укреплению русско-болгарских научных и культурных связей. Заслуга в этом принадлежит Книжному складу Академии наук и его заведующему — Ивану Андреевичу Кубасову.

Ниже в приложении публикуется список изданий Императорской академии наук, предназначенных для экспонирования на выставке в Софии, составленный И.А. Кубасовым и обнаруженный нами в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук в фонде Книжного склада ИАН [6, л. 58–60].

ПРИЛОЖЕНИЕ

189 экз.

Список изданий Императорской Академии Наук, отправленных на выставку в Софию

Записки VIII серии, Физ.-мат. отд-ния (тт. 18, 21, 23–27),
Записки Историко-филол. отд-ния (т. 8–10),
Известия ИАН. 1910,
Известия ОРЯС (т. 14),
Труды Ботанического музея (вып. 5–7),
Труды Геологического музея (т. 3, вып. 1–3),
Ежегодник Зоологического музея (т. 14–15)
Приложение к Ежегоднику Зоологического музея (Ошанин)
Византийский временник. Т. 14, вып. 1–4; т. 15, вып. 1–4
Сборник Музея по антропологии — вып. 6, 7
Памятники старославянского языка — т. 1, вып. 1–6; т. 2, вып. 1
Исследования по русскому языку — т. 1, вып. 1; т. 2, вып. 1–6
Энциклопедия славянской филологии — вып. 1, 2, 12
Известия Центральной сейсмической комиссии — т. 3, вып. 2
Bibliotheca Buddhica — III; IX, III; X, 1–3; XI; XII, XIII
Словарь русского языка — т. 4, вып. 1–3
Срезневский. Материалы для словаря — т. 3, вып. 1–3
Пекарский. Словарь якутского языка — т. 3, вып. 1–2
Пекарский. Образцы народной литературы якутов — вып. 1–3
Радлов. Опыт словаря — вып. 21–23
Научные результаты путеш. Пржевальского. т. 3, ч. 1
Научные результаты экспедиции для раскопки мамонта
Труды Васильевского. Т. 2, вып. 1.
Сочинения Буслаева. Т. 1, 2
Вернадский. Опыт описательной минералогии. Т. 1, вып. 2
Гиппинг. Нева и Ниеншанц. Ч. 1, 2

Венгеров. Источники словаря. Т. 2
Сборник отчетов. Т. 2
Сочинения Кольцова: без пер., в пер., в 30 л. обр.
Сочинения Лермонтова. Т. 1
Пушкин. Сочинения. Т. 1, 2
Сочинения императрицы Екатерины II т. 1–5, 7–12
Сочинения Державина, роскошное изд.
Переписка Пушкина. Т. 1, 2
Пушкин и его современники вып. 1–8, 11–12
Сочинения Веселовского Т. 3, 4, вып. 5
Сочинения Ломоносова т. 1–5
Статьи по славяноведению вып. 1–3
Сборник статей в честь Ламанского т. 1, 2
Кондаков. Македония
Яцимирский. Григорий Цамблак
Барон [Хр.], Виссендорф [Г.]. Латышские песни. Т. 3, вып. 3
Бенешевич. Четвероевангелие. Вып. 1
Бенешевич. Кормчая. Вып. 3
Liapouoff. Sur les figures d'équilibre. P. 2
Radloff. Chuastuanit
Rosenberg. Notices de littérature Parsie
Bielenstein. Die Holzbauten der Litter. P. 1
Missions scientifiques pour la mesure d'un arc de Méridien
Русская библиография по естествознанию. Т. 4
Отчеты Императорской академии наук и по ОРЯС — 10 экз.
Памятные книжки на 1910 г. — 33 экз.
Сборник постановлений — 2 экз.
Список членов ИАН — 3 экз.
Каталог выставки Тургенева — 1 экз.
Сочинение императрицы Екатерины II (роскош. изд.) т. 11, 12
Лернер. Труды и дни Пушкина

Список источников

1. Соркин А.М. Из истории первого библиографического учреждения в системе Академии наук: [о Бюро международной библиографии ИАН] // Труды БАН СССР и ФБОН АН СССР. 1962. Т. 6. С. 234–250.
2. Отчет о деятельности ИАН по Физико-математическому и Историко-филологическому отделениям за 1910 г., сост. неперменным секретарем академиком С.Ф. Ольденбургом и читанный в публичном заседании 29 дек. 1910 г. Санкт-Петербург, 1910. 304, 4 с.
3. Соркин А.М. Участие России в международной выставке печатного дела и графики 1914 г. // Книга: исследования и материалы: сборник. Москва, 1971. Т. 22. С. 214–220.
4. Отчет о деятельности ИАН по Физико-математическому и Историко-филологическому отделениям за 1913 г., сост. неперменным секретарем академиком С.Ф. Ольденбургом и читанный в публичном заседании 29 дек. 1913 г. Санкт-Петербург, 1913. 348 с.
5. Отчет о деятельности ИАН по Физико-математическому и Историко-филологическому отделениям за 1914 г., сост. и. о. неперменного секретаря академиком А.А. Шахматовым и читанный в публичном заседании 29 дек. 1914 г. Петроград, 1914. 460 с.
6. СПФА РАН. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 367. Л. 57–60.
7. [Протоколы заседаний Общего собрания ИАН] // Известия императорской Академии наук. VI серия. 1910. № 17 (1 дек.). С. 1376–1377.

Kulmatova Tatyana — Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Researcher, Head of the DEAS RASL, Scientific Research Department of the Russian Academy of Sciences editions Russian Academy of Sciences Library
Saint-Petersburg, Russia, e-mail: kulmatova@gmail.com

Guseva Svetlana — Candidate of Philosophical Sciences, Chief Curator of Funds, Scientific Research Department of the Russian Academy of Sciences editions, Russian Academy of Sciences Library
Saint-Petersburg, Russia, e-mail: bronfond@rasl.nw.ru

ABSTRACT

The book warehouse of the Imperial Academy of Sciences (IAS) was not only involved in holding and distributing copies of its publications, was the bibliographic institution of the IAS, but also took part in international book exhibitions. The article is devoted to the participation of the Warehouse in the Bulgarian exhibition of 1910. The exhibition had a wide resonance, all 160 exhibited publications of the IAS were donated to the Sofia University and to the other institutions. The published list allows us to reconstruct this event.

Key words: Book warehouse of the Academy of Sciences, Ivan Andreevich Kubasov, exhibition of works of Russian printing in Sofia.

Л.И. Горская

**ТРАДИЦИИ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ
ИЗДАНИЙ АКАДЕМИИ НАУК:
от реестров и описей до баз данных**

Горская Лариса Игоревна — кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский отдел изданий Академии наук БАН, Библиотека Российской академии наук Санкт-Петербург, Россия, e-mail: Lvaganova@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В статье представлен обзор развития практики библиографического описания изданий Академии наук. Специфические особенности библиографических записей на академические издания рассматриваются на примере книгопродавческих росписей, начиная с первых книготорговых объявлений в газете «Санкт-Петербургские ведомости» 1728 г. и заканчивая современными библиографическими базами данных Бронфонда — особого подразделения научно-исследовательского отдела изданий Академии наук БАН.

Ключевые слова: Библиотека Российской академии наук, Бронированный фонд изданий Академии наук, издания Академии наук, библиографическое описание, книготорговые каталоги, базы данных, WINISIS, ИРБИС.

Уникальный фонд печатных изданий Академии наук начинает формироваться практически одновременно с первыми шагами этого нового для страны научного учреждения во многом благодаря организации в 1727 г. при Академии собственной типографии.

Исторически складываются два центра собирания академических книг — Библиотека и Книжная палата АН. В середине XIX века к ним присоединяется Архив Академии наук, в котором с 1852 г. начинают собирать архивный экземпляр всех ее изданий. Эти центры хранения сформировали два направления библиографирования изданий Академии наук, которые условно можно назвать учетно-книготорговым и регистрационно-библиографическим. В рамках каждого устанавливаются свои специфические требования, вырабатываются соответствующие им приемы, правила библиографического описания.

В статье речь пойдет о развитии практики библиографического описания документов, составляющих в настоящее время Бронированный фонд академических изданий Научно-исследовательского отдела изданий Академии наук.

С начала научной и книгоиздательской деятельности Академия наук стремится информировать общество о результатах научных изысканий академиков путем публикации и распространения их трудов через специальные организации, действующие на разных принципах, — это Библиотека, собирающая научную литературу и на безвозмездных началах предоставляющая доступ к ней, и Книжная палата, содействующая в том числе коммерческой реализации печатной продукции АН.

Потребность АН в налаживании стабильной торговли своими изданиями инициировала подготовку библиографической информации о поступающих в Книжную палату документах, способствовала организации регулярного информирования о ее печатной продукции сначала в виде книготорговых объявлений на страницах газеты «Санктпетербургские ведомости», а затем и в виде отдельных изданий реестров, росписей и каталогов книг.

Первая роспись книгам, поступившим в Книжную лавку Академии наук, издана в 1728 г. на немецком языке [1]. В 1730-х гг. такие реестры выходили регулярно, но в них описывались привозные издания, т.к. ассортимент Книжной палаты на первых порах в основном состоял из иностранных книг. Автономным объектом библиографического описания академические издания впервые становятся в газете «Санктпетербургские ведомости», где с 1728 г. публикуются объявления о поступивших в Книжную лавку для продажи и запланированных к печати изданиях АН.

Первое такое объявление было напечатано в № 102 за 21 декабря 1728 г. Библиографическая информация о каждом документе (это были 4 календаря) достаточно подробна: приводится название, сведения о языке оригинала, с которого сделан перевод, сведения о прибавлениях, об иллюстративном материале (указывается количество иллюстраций, их содержание, техника исполнения), формат издания, переплет, разная цена экземпляров в зависимости от особенностей их полиграфического оформления.

В приложении под названием «Супплемент» к этому же номеру газеты дана еще одна роспись 11 изданиям, доступным для продажи в Академической палате и находящимся в печати. Состав и последовательность элементов библиографических записей в целом аналогичны «основному» списку, за исключением цены (она не указывалась) и раскрытия содержания сборника. Однако записи не всегда точны. Все описания даны на русском языке независимо от языка издания, в весьма вольном переводе, без упоминания переводчика и языка оригинала. Также не всегда указывается автор, встречаются неточные сведения о количестве иллюстративного материала.

Под номером 1 в «Супплекменте» описан первый том первого научно-го продолжающегося издания АН «*Commentarii Academiae scientiarum Imperialis Petropolitanae*» («Комментарии [или издания] Академии наук Императорской Санктпетербургской. Первая часть на 1726 год»), опубликованный в 1728 году в Академической типографии. Библиографическая запись состоит из библиографического описания, аннотации и росписи содержания сборника. Библиографическое описание включает заглавие, выходные данные (город, типография, год издания), физическую характеристику (формат, иллюстративный материал с указанием количества и вида). Все элементы отделяются друг от друга запятыми.

В аннотации дана характеристика полиграфических особенностей издания (сведения о бумаге), разъяснены методические приемы (посвящение издания Петру II, наличие и содержание предисловия, расположение материала в книге). Содержание всех трех разделов сборника (соответствующих трем «классам» наук — математика, физика, история) пред-

ставлено в виде краткого описания каждой статьи, состоящего из имени и фамилии автора, приведенных в родительном падеже, и заглавия публикации.

Это очень важный, на наш взгляд, момент развития практики библиографического описания академического издания, привлекающий внимание к содержательной стороне книги, выводящий данные источники за рамки книготорговой библиографии.

На протяжении XVIII века книгопродавческие росписи Академии наук регулярно появлялись на страницах газеты «Санктпетербургские ведомости», неоднократно выходили отдельными изданиями под типовым заглавием «Роспись российским книгам, портретам и ландкартам, которыя при Императорской Академии наук в Санктпетербурге напечатаны и в книжной лавке при оной же Академии без переплету продаются». В настоящее время известно о 40 академических росписях XVIII века¹.

Но, как пишет известный исследователь истории библиографического описания Н.А. Никифоровская, библиографические записи в них не только не совершенствовались, но иногда оказывались более примитивными, чем в рассмотренном выше реестре 1728 года [2]. Некоторые сведения могли быть искажены, сокращены, пропущены вообще, в том числе фамилии авторов, даже при их наличии в книге. Последовательность элементов, установленная в первом опыте, тоже соблюдалась не всегда.

Ситуацию можно объяснить несколькими причинами: отсутствием профессиональных сотрудников, умеющих работать с академической книгой, приоритетом коммерческих целей библиографирования — действие книжной торговли. Еще одну причину Т.Ф. Афанасьева [3, с. 170] видит в недолговечности реестров, временном характере их содержания, когда каждая последующая опись делала ненужной предыдущую. Тем не менее эти скудные сведения первоначально вполне удовлетворяли современников в связи с малочисленностью академических изданий, когда каждый опубликованный научный труд становился заметным событием.

Несмотря на то, что в большинстве росписей записи были составлены чрезвычайно кратко и зачастую небрежно, в целом к концу XVIII века описания книг стали более совершенными с точки зрения состава и последовательности элементов. На первом месте, как правило, указывалась фамилия автора (в родительном падеже), имя приводилось после фамилии, точнее воспроизводилось заглавие, указывался год и формат издания, иногда — наличие иллюстраций.

Таким образом, в XVIII веке формируется особая формула книготорговой библиографической записи академического издания, в которой акценты сделаны не только на внешние, коммерческие характеристики издания, но и на его содержательные, научные качества, что выражается

¹ В «Сводном каталоге русской книги гражданской печати 1725–1800» описано 40 книготорговых академических росписей на русском языке (32 в 3 т. и 8 — в т. «Дополнения. Разыскиваемые издания. Уточнения» (М., 1975)). Н.В. Здобнов указывает 27 учтенных академических росписей (Здобнов Н.В. История русской библиографии до начала XX века. Изд. 2-е. Москва, 1951. С. 52), К.И. Шафрановский сообщает о 28 росписях на русском языке и 30 на иностранных языках (Шафрановский К., Файдель Э. Двухсотлетие первого каталога изданий Академии наук // Вестн. АН СССР. 1935. № 1. С. 76).

в раскрытии содержания важных научных работ с перечислением всего авторского состава сборника.

В XIX веке публикация в газете «Санктпетербургские ведомости» (приложение «Известия») объявлений о новых академических изданиях, поступающих в Книжную палату и магазины комиссионеров АН, продолжается. А вот отдельно изданных академических книготорговых росписей становится значительно меньше. Различные библиографические источники содержат сведения о 21 книготорговом каталоге изданий АН на русском и иностранных языках за XIX в., включая прибавления [4].

С 1831 по 1846 годы выходит 6 каталогов на немецком языке под типовым заглавием «Verzeichniss der nicht russischen Bücher...» [5]. Это каталоги книг, напечатанных АН на иностранных языках. Они предназначены для комиссионеров АН: Вильгельма Грефа и Ивана Петровича Глазунова в Санкт-Петербурге, Карла Кноблоха и Людвиг Фосса в Лейпциге. Каталоги датируются 1831, 1835, 1837, 1840, 1842, 1846 годами. С 1854 г. каталоги иностранных изданий АН публиковались уже на французском языке.

Текст в «Verzeichniss» представлен в форме таблицы, в трех графах которой дано краткое библиографическое описание издания, цена в рублях серебром и в марках. Для продолжающихся изданий указана цена как за весь имеющийся в наличии комплект, так и за отдельный том.

К сожалению, составители книготорговых каталогов не придавали особого значения качеству библиографических описаний. По их усмотрению применяется тот или иной состав и последовательность элементов описания. Сведения о количестве страниц в издании отсутствуют, однако приводится точное число гравюр. Распространенными случаями являются сокращения как названия в целом, так и отдельных слов из него.

Не будет преувеличением сказать, что и в целом среди книготорговых каталогов АН XVIII — первой половины XIX вв. трудно найти такой, в котором все описания были бы составлены единообразно и правильно. Пропуск или искажение отдельных элементов библиографического описания, произвольное применение сокращений слов, вольный перевод заглавия и прочие неточности в описании создают серьезные трудности в их использовании. Стоит отметить, что вплоть до 1860-х гг. [6, с. 61–62] библиографическое описание в каталогах остается кратким. Все это, конечно, снижает ценность каталогов, но на протяжении XVIII–XIX веков они остаются важными и единственными источниками информации об академической печати. Таким образом, первая половина XIX в. ничего существенного в практику книготоргового описания академических изданий не внесла.

Во второй половине XIX в. происходит незначительное увеличение количества книготорговых каталогов академических изданий, при этом их качественные изменения весьма существенны.

Этому способствует ряд факторов: развитие общей практики библиографирования, накопление своего «академического» опыта, а также возросшая в условиях книгоиздательского бума обоюдная потребность общества и Академии наук (как коллективного автора) в качественных

библиографических источниках, способствующих эффективному продвижению научной книги к ее потенциальному читателю. И, наконец, важную роль играет приход в профессию эрудированных специалистов, знатоков книжного дела, библиографии, профессионально связанных с уникальными фондами Академии наук.

Имена составителей каталогов второй половины XIX в. удалось установить Т.В. Кульматовой [7], это хранители Книжного магазина АН: Август Вейхардт, Петр Иванович Лерх, Владимир Петрович Шемиот и Николай Иванович Позняков.

В каталогах второй половины XIX в. начинают даваться тщательно составленные полные описания изданий с указанием содержания отдельных томов, добавочными описаниями и системой ссылок.

А. Вейхардт подготовил и выпустил в свет три каталога: 1854 г., 1856 г. (прибавление) и 1857 г. При А. Вейхардте книготорговые каталоги АН приобрели тот облик, который оставался присущ им вплоть до 1920-х гг. Его работы отличают подробные уточненные библиографические описания, составленные единообразно. Библиографические записи включают сведения о формате, цене, точное число гравюр. Место издания не указано, что вполне оправдано целевым назначением каталогов — отражать издания АН; сводные описания периодических изданий содержат подробную спецификацию.

9 каталогов академических изданий было подготовлено В.П. Шемиотом, из них 5 — на русском языке. Данные книготорговые каталоги подробным образом изучены и детально описаны в ряде публикаций Т.В. Кульматовой [8].

Подводя итоги XIX веку, заметим, что практика описания академических изданий книготоргового направления значительно усовершенствовалась. Библиографическая формула приобрела близкий к современному вид: записи стали более унифицированными, упорядочился их состав, стабилизировалась последовательность элементов описания, для их разделения начинают применять предписанные знаки пунктуации (фамилия автора отделяется от инициалов запятой, также как инициалы — от заглавия).

Библиографические записи включают, как правило, следующие сведения: фамилия и инициалы автора, заглавие работы, сведения о переводе, точное число гравюр и другого иллюстративного материала, год издания, место издания чаще всего опускается, что оправдано общим объектом библиографирования, количество страниц, наличие приложений, формат, цена. При описании периодических изданий применяются сводные описания с подробной спецификацией. Используются условные знаки, позволяющие установить отсутствие или ограниченную экзemplарность издания на Книжном складе. Повысилась точность и корректность воспроизведения сведений, что может свидетельствовать о повышении профессионального уровня составителей, знании общеевропейских тенденций и правил каталогизации.

В процессе библиографического отражения академических изданий с одной стороны намечается тенденция своеобразного подведения итогов путем фиксации в одном каталоге (дополненном систематическими прибавлениями) всего уникального печатного фонда АН. С другой —

новые каталоги начинают отражать только доступные к продаже документы, исключив все издания, отсутствующие в магазине на момент выхода каталога.

Книготорговая библиография Академии наук начала XX в. — малоизученная тема, это период чрезвычайно сложный по политическим, социальным, культурным событиям, период радикальных перемен жизни всей страны, нуждающийся в тщательном сборе и анализе разбросанных по разным источникам материалов, в том числе архивных документов.

Продолжают выходить книготорговые каталоги изданий Академии наук. Заметным явлением начала XX в. стал «Каталог изданий Императорской Академии наук» в 3 частях, подготовленный и опубликованный в 1912–1916 гг. И.А. Кубасовым [9]. С 1907 по 1921 год он был Заведующим Книжным складом АН. В данном замечательном библиографическом труде отражены издания АН почти за 190 лет ее книгоиздательской деятельности, в общей сложности с 1726 года по 1916 г. Предполагалось продолжать издание, подготавливая стереотипные выпуски. Отдельным изданием планировался ежегодный выпуск каталога, отражающего вновь выходящие издания Академии наук. В период заведования Книжным складом Кубасовым было подготовлено и издано одно Прибавление к каталогу, в котором в общем алфавитном ряду даны описания книг и периодических изданий АН с 1911 по 1916 год [10].

Библиографические описания представляют собой профессионально составленные унифицированные записи, подготовленные со знанием общих правил каталогизации и сохраняющие черты академической книготорговой библиографии. Все элементы описания на своем месте (фамилия автора приводится в именительном падеже, отделена запятой от инициалов), разделены предписанными знаками пунктуации, в качестве которых используется точка, запятая, квадратные (для самостоятельно формулируемых сведений) и круглые скобки (для обозначения источника при аналитической росписи), используются и специальные «книготорговые» знаки для обозначения недоступных для продажи и малочисленных изданий, условия использования которых также ограничены.

Становление нового советского государства внесло значительные изменения в систему книгоиздательской, книготорговой и библиотечной деятельности Академии наук. В середине 1920-х гг. происходит практическое разделение издательско-полиграфического комплекса на два самостоятельных предприятия — издательство и типографию. В апреле 1923 г. создано самостоятельное учреждение — Издательство Российской академии наук.

В 1920 г. Книжная лавка АН получает название Книгохранилище академических изданий Академии наук, в 1927 — Книгохранилище Академии Наук СССР. В 1930 г. Книгохранилище Академии Наук СССР входит в состав Издательства Академии наук СССР в качестве Сектора распространения (в 1938 г. преобразованного в Контору по распространению изданий АН СССР — «Академкнигу»). Именно к этому учреждению перешли функции по подготовке книготорговых каталогов изданий АН.

Книгохранилище как накопленный массив изданий Академии наук в том же 1930 году получает название Бронированного фонда академических изданий Президиума Академии наук СССР. Его деятельность до 1944 г. регулировалась Академкнигой. В 1944 г. Бронированный фонд в количестве 827 133 библиотечных единиц передан БАН.

Но еще до образования Сектора в середине 1920-х гг. сделан значительный шаг в налаживании системы учета изданий Академии науки. С 1924 г. информирование о новых академических изданиях становится регулярным.

После выхода в 1924 г. «Прибавления к Каталогу изданий Российской Академии наук (по 1-е декабря 1923 года)», в Российской государственной академической типографии по распоряжению Академии наук СССР начинают печатать Информационные бюллетени под типовым заглавием «Новые издания Академии наук Союза Советских Социалистических Республик вышедшие в свет в [месяце] [...] года»². Выпуски выходят регулярно, с 1923 по 1937 год, распространяются бесплатно и отражают новую литературу, подготовленную и изданную Академией наук СССР и ее Комиссиями. Именно эти источники можно считать прообразом текущего библиографического указателя БАН «Библиографии изданий Академии наук», первый том которого вышел в 1957 г.

Название, как и периодичность выпусков с течением времени меняется: ежегодные (за 1923 г.) — ежеквартальные (1924–1926 гг.) — ежемесячные выпуски (1927–1937 гг.). В среднем каждый выпуск содержит описания 20 изданий АН, что составляет 6–8 страниц. Выпуски не имеют титульного листа. Нумерация библиографических записей и пагинация в пределах года сплошная.

В этих каталогах впервые применяется группировка материала в соответствии со структурой Академии наук — такой способ расположения библиографических записей станет основным для ежегодника. В отдельные подразделы выделены издания Общего Собрания, Отделений и Комиссий АН.

Библиографические описания выполнены единообразно, максимально точно и полно. Расписывается содержание сборников и продолжающихся изданий (например, «Доклады Академии наук Союза Советских Социалистических Республик», материалы комиссий и комитетов, журнал «Природа»). В аналитическом описании указаны: все авторы статьи (на первом месте инициалы), ее название, наличие, тип и количество иллюстративного материала (в квадратных скобках: [с 7 рис.] — только этот элемент не сохранится в ежегоднике), первая страница, с которой начинается публикация.

После передачи в 1944 г. Академкнигой всего огромного массива академических изданий в БАН первоочередной задачей библиотеки было создание условий для его использования и инвентаризация. Адреса размещения фонда менялись, что значительно осложняло налаживание его работы. Результатом инвентаризации, законченной в 1952 г., стал кар-

² «Новые издания Академии наук Союза Советских Социалистических Республик вышедшие в свет в [месяце] [...] года» — информационный книготорговый бюллетень, выходивший с 1923 по 1937 г. Периодичность: 1923 год — 1 раз в год; с 1 янв. 1924 по 31 дек. 1926 г. — ежеквартальные выпуски; с 1 янв. 1927 по дек. 1932 г. — ежемесячные выпуски. В ОИАИ БАН имеются выпуски за 1923–1932 гг.

точный алфавитный каталог. Это специфический справочно-поисковый аппарат служебного пользования. Его основная функция — учет изданий, составляющих Бронированный фонд АН, хранящийся в БАН. Поэтому записи в каталоге отличаются от традиционных библиотечно-библиографических, они содержат краткое библиографическое описание и сведения о движении экземпляра.

В начале 2000-х гг. начался новый этап развития библиографического описания изданий АН, составляющих ее неприкосновенный документальный запас. В 2006 г. под руководством Н.М. Баженовой, возглавляющей в то время Отдел изданий АН, сотрудники Отдела автоматизации В.В. Рубцов и Н.Н. Елкина приступили к разработке электронного каталога для сектора Бронфонда.

Первоначально в качестве программного обеспечения был выбран ППП CDS\ISIS\М версии 3.071. В дальнейшем разработчики перешли на поддерживаемый ЮНЕСКО ППП WINISIS, находящийся в свободном доступе и достаточно легко адаптируемый под конкретные потребности учреждения.

Созданный мультибазовый комплекс включал библиографические — БД для описания монографий и БД для описания периодических изданий — и ряд вспомогательных БД. Первый ввод в БД монографий состоялся уже в 2006 г., в БД периодических изданий — в 2011 г. За период 2006–2023 гг. в электронный каталог Бронфонда было введено 7448 записей на книги и 2591 запись на периодические издания.

Следует отметить, что БД Бронфонда в WINISIS — это базы собственной генерации, записи составлялись сотрудниками сектора самостоятельно, при работе непосредственно с академическими изданиями. Объектами описания являлись преимущественно новые поступления в Бронфонд. Однако практиковался и ретроспективный ввод для отдельных элементов фонда, например, книг, возвращенных в отдел с выставок или из каких-либо библиотек.

Полнота записей была намного выше традиционных книготорговых записей. Формат электронного каталога в целом и дружественный интерфейс ППП WINISIS позволяли вводить разную информацию, создавая записи, помогающие не только вести учет фонда, фиксировать его движение, но и глубже его изучать.

О каждом документе заполнялось 25–30 полей (при этом подавляющее большинство — вручную). Помимо традиционных библиографических сведений, характеризующих стандартные печатные документы (поля 200, 205, 225, 700, 702, 712, 600, 610 и т.д.), выделим данные, составляющие специфику библиографических записей на академические издания из Бронфонда. Обязательными элементами являлись: для поля 215 «Физическая характеристика» — измеряемый вручную формат издания, для поля 904 «Тираж» — подробные сведения об основном и дополнительном тиражах (количественная характеристика, цена, дата подписания в печать и дата печати, типография), для поля 101 «Язык документа» — язык перевода. Поле 210 «Область выходных данных» включало: место, дату издания, имя и адрес издателя / распространителя / издательства, типографию или место изготовления, дату подписания в печать. В поле 712 «Организации вторичной ответственности»

вводили информацию об академической организации в соответствии со структурой АН. Обязательными полями были: поле 310 «Примечания о переплете», поле 517 «Суперобложка», 019 «Место хранения». Движение фонда фиксировалось в поле 990 «Поступление» (дата поступления, номер акта, исходный и конечный пункты поступления, цена, по которой документ поступил) и поле 991 «Выдача» (дата выдачи, номер сопроводительного документа, исходный пункт выдачи (хранилище Бронфонда) и место выдачи). Также детально расписывались периодические издания.

Приведем пример библиографической записи на книгу:

Абдуллаева, Эльмира Башировна.

Музыкальный фольклор даргинцев : исследование и материалы [Текст]. Научное издание / Э.Б. Абдуллаева ; отв. ред. д. искусств. Т.С. Рудиченко ; Ин-т языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН. — Махачкала : Изд-во ДНЦ РАН (адреса нет), 2007. — ПБОЮЛ Зулумханова (Махачкала, ул. М. Гаджиева, 34). — Подписано в печать: 20.07.2007. — 216 с. : 14,5 × 20,5 см. — На рус. яз. — 300 экз. (осн. тираж)

ISBN: 978-5-91431-003-6

УДК: нет

Рубрики: культура Дагестана

Хранилище: ЦБ/ВО, корпус 2, хранилище 201

Поступление: 20080109 * ИЯЛИ ДНЦ РАН: акт N. 7 — 1 экз. 40.00 руб. (1 экз.) — хранилище 201.

Учетный номер: 2007-453, Muster-File-Number 977 Дата ввода: 11.01.2008

В 2023 г. базы были конвертированы в ИРБИС. При этом общее количество записей (более 25 000) увеличилось за счет описаний периодических изданий, так как по правилам ИРБИС на каждый номер любого периодического издания составляется отдельная запись (для сравнения: объем БД периодических изданий WINISIS — 2 591 запись, БД ИРБИС — 17 296).

Перевод баз Бронфонда в единую централизованную АБИС позволил достигнуть немаловажные цели: ведение унифицированных записей по общебиблиотечным правилам (что обеспечивает беспрепятственный обмен информацией с другими подразделениями БАН), облегчение труда оператора (так как появилась возможность копировать записи из общих БД электронного каталога библиотеки, лишь дополняя их необходимой для внутреннего пользования информацией) и открытый доступ к БД сотрудникам БАН. При этом подчеркнем, что БД Бронфонда — это базы служебного пользования, не предназначенные читателям.

При самостоятельном вводе отсутствующего в электронном каталоге БАН издания каталогизатор работает с 7 вкладками (из 14 потенциально возможных в ИРБИС): «Дублетность», «Инвентарь», «Экземпляры», «Основное БО», «Коды», «Технология», «Систематизация». Содержательная часть библиографической характеристики отражается преимущественно во вкладке «Основное БО». Здесь оператор заполняет стандартный набор полей и подполей, их состав зависит от объекта описания, но в целом он значительно скромнее БД WINISIS. Часть информации, вводимая ранее в БД WINISIS, не нашла поддержки в БД ИРБИС и была исключена. Речь идет, например, о ключевых словах, типографиях, датах

печати и подписания в печать, о дополнительном тираже, о фиксации изменений состава редколлегии журнала в каждом номере в течение года и др.

Отметим специфические сведения. К ним относятся: сокращенное и полное наименование академического учреждения, представленное в иерархическом порядке в соответствии со структурой АН (поле 972 «Другие коллективы, не входящие в заголовок»), формат, тираж (количественно и только основной), переплет, иллюстративный материал (поле 215 «Количественные характеристики»), цена (поле 10 «ISBN»), дата и канал поступления, номер акта, количество экземпляров, место хранения (поле 910 «Сведения об экземплярах», вкладка «Экземпляры»). Часть введенных сведений является служебными «техническими» данными, обеспечивающими многоаспектный поиск информации (вкладки «Коды», «Технология»).

Результат электронной библиографической обработки имеет вид привычной глазу линейной библиографической записи, объем которой можно регулировать изменениями формата вывода на экран.

Мы перечислили далеко не полный перечень сведений, составляющих современную электронную запись из БД Бронфонда. Но и этой информации достаточно, чтобы понять, как вырос уровень библиографического описания изданий АН, впитав в себя лучшие традиции академической библиотечной и книготорговой библиографии.

На протяжении трех столетий разные учреждения, тесно связанные с Академией наук, предпринимают активные и весьма успешные меры по библиографическому отражению ее изданий, начиная с книгопродавческих газетных объявлений, реестров и росписей (в виде приложений к той же газете и отдельно изданных), книготорговых и библиотечных каталогов, библиографических указателей и заканчивая современными базами данных.

Ведущая роль в сохранении, описании и изучении документального массива Академии наук в настоящее время принадлежит БАН.

Список источников

1. Осипов В.О. Книготорговая библиография. Москва: Книга, 1973. 263 с. С. 20–21.
2. Никифоровская Н.А. Библиографическое описание в России: очерк истории до середины XIX в. / под ред. С.П. Лупшова; АН СССР, Б-ка. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1981. 127 с.
3. Афанасьева Т.Ф. «Реестры» книг XVIII в. Московской синодальной типографии // Книга в России до середины XIX века. Ленинград, 1978. С. 169–177.
4. Книготорговые каталоги первой половины XIX века: указатель: учеб. пособие по курсу «Общ. и книготорг. библиогр.» / Моск. полигр. ин-т; [ред. В.О. Осипов]. Москва, 1976. 48 с.; Книготорговые каталоги 50–70 гг. XIX века: указатель: учеб. пособие по курсу «Общ. и книготорг. библиогр.» / Моск. полигр. ин-т; [сост. Н.Н. Агеева, И. Трегубенко, Н. Шаталова и др.; ред. В.О. Осипов]. Москва, 1978. 72 с.; Книготорговые каталоги 80-х годов XIX века: указатель: учеб. пособие по курсу «Общ. и книготорг. библиогр.» / Моск. полигр. ин-т; [ред. В.О. Осипов]. Москва: МПИ, 1981. 71 с.; Книготорговые каталоги 90-х годов XIX века: указатель: учеб. пособие по курсу «Общ. и книготорг. библиогр.» / Моск. полигр. ин-т; [сост. М.В. Иванищенкова и др.]. Москва: МПИ, 1984. 108 с.
5. Verzeichniss der nicht russischen Bücher, welche im Verlage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften erschienen und zu beistehenden Preisen bei ihren Com-

missionairen den Herren W. Gräff und I. Glasunoff in S.-Petersburg und C. Snobloch in Leipzig zu haben sind. Saint Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akad. der Wissenschaften, 1831. 8 p.

6. Цветкова М.В. Обзор общих библиографических указателей и каталогов изданий АН СССР // Труды БАН и ФБОН АН СССР. Москва; Ленинград, 1959. Т. 4. С. 60–83.

7. Кульматова Т.В. Книготорговые каталоги Академической типографии и их составители: (вторая половина XIX — первая четверть XX в.) // Книжная культура: опыт прошлого и проблемы современности: к 285-летию основания Академической типографии в России: материалы V Междунар. науч. конф. (Москва, 24–26 окт. 2012 г.): в 2 т. Т. 1, ч. 1. Культурно-историческое пространство и книжная культура. Москва: Наука, 2012. С. 199–203.

8. Кульматова Т.В. Книготорговые каталоги Императорской академии наук в XIX в.: (1831–1894) // Труды Международного библиографического конгресса (Санкт-Петербург, 21–23 сент. 2010 г.). Ч. 3. Библиографические исследования в гуманитарных науках; Источниковедение в библиографии; Библиографические аспекты изучения книжной культуры; История библиографии. Санкт-Петербург: РНБ, 2012. С. 267–277. [11] с.; Кульматова Т.В. В.П. Шемиот — составитель первого систематического указателя изданий Академии наук // Историко-библиографические исследования: сб. науч. тр. / РНБ. Санкт-Петербург, 2002. Вып. 9. С. 52–65; Кульматова Т.В. Первый систематический указатель изданий Императорской Академии наук и его составитель — хранитель Книжного магазина В.П. Шемиот // Шемиот В.П. Систематический и алфавитный указатель изданий Императорской Академии наук: в 2 ч. с прибавлениями / Б-ка акад. наук. Репринт. изд. 1872 г. Санкт-Петербург, 2007. Ч. 1. С. V–XXII. (Мемориальный проект).

9. [Кубасов И.А.] Каталог изданий Императорской академии наук = Catalogue des livres publiés par l'Académie impériale des sciences. Санкт-Петербург, Петроград: Акад. наук, 1912–1916. Ч. 1–3.

Ч. 1. Периодические издания, сборники, отчеты и серии. На русском и иностранных языках. С 1726 г. по 1-е июня 1912 г. 1912. [6], 148 с.

Ч. 2. Отдельные издания на русском языке. С 1726 г. по 1-е июня 1915 г. 1915. II, 184 с.

Ч. 3. Отдельные издания на иностранных языках. С 1726 г. по 1-е марта 1916 г. Петроград, 1916. IV, 162 с.

10. [Кубасов И.А.] Прибавление к Каталогу изданий Академии наук. С 1911 г. по 1 ноября 1916 г. Петроград, 1916. [2], 32, [1] с.

11. Киселев М.Ю. Документы по истории Академической типографии в Архиве Российской академии наук // Книжная культура: Опыт прошлого и проблемы современности: к 285-летию основания Академической типографии в России: материалы V Междунар. науч. конф., Москва, 24–26 окт. 2012 года. Т. 1 / отв. ред. В.И. Васильев; сост.: Д.Н. Бакун, М.А. Ермолаева. Москва: Наука, 2012. С. 182–186.

12. Каталоги издательские, книготорговые, библиотечные (1917–1929): указатель / Рос. гос. б-ка и др.; [сост. Т.А. Воробьева и др.]. Санкт-Петербург: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 1996. 366, [2] с. (Книжный мир России: КМР. под общ. ред. В.И. Харламова).

GORSKAYA L. Traditions of bibliographic description of publications of the Academy of Sciences: from registers and inventories to databases

Gorskaya Larisa — Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Researcher of Scientific Research Department of Publications of the Academy of Sciences RASL, Russian Academy of Sciences Library

Saint-Petersburg, Russia, e-mail: Lvaganova@yandex.ru

ABSTRACT

The article provides an overview of the development of the practice of bibliographic description of Academy of Sciences' publications. The specific features of bibliographic records for academic publications are considered on the example of bookselling inventories, starting with the first bookselling advertisements in the newspaper «St. Petersburg Vedomosti» in

1728 and ending with modern bibliographic databases of the Safekeeping Fund, a special division of the Scientific Research Department of Publications of the Academy of Sciences RASL.

Keywords: Russian Academy of Sciences Library, Safekeeping Fund of Publications of the Academy of Sciences, publications of the Academy of Sciences, bibliographic description, bookselling catalogs, databases, WINISIS, IRBIS.

С.Ю. Гусева, А.В. Жукова, С.Е. Хаздан
**«ОТ КНИЖНОЙ ПАЛАТЫ ДО БРОНИРОВАННОГО ФОНДА
ИЗДАНИЙ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК:
к 80-летию Бронированного фонда в составе БАН»**
Обзор книжной выставки

Гусева Светлана Юрьевна — кандидат философских наук, главный хранитель фондов, Научно-исследовательский отдел изданий Академии наук, Библиотека Российской академии наук Санкт-Петербург, Россия, e-mail: bronfond@rasl.nw.ru

Жукова Анита Витальевна — кандидат культурологии, младший научный сотрудник, Научно-исследовательский отдел изданий Академии наук, Библиотека Российской академии наук Санкт-Петербург, Россия, e-mail: anita138807@gmail.com

Хаздан Софья Евгеньевна — главный библиотекарь, Научно-исследовательский отдел изданий Академии наук, Библиотека Российской академии наук Санкт-Петербург, Россия, e-mail: freken_book@mail.ru

АННОТАЦИЯ

12 марта 2024 г. в Библиотеке Российской академии наук (БАН) прошел научный семинар, посвященный 80-летию Бронированного фонда в составе Библиотеки, ему же была посвящена книжная выставка, организованная сотрудниками Отдела изданий Академии наук БАН. Данная статья посвящена экспонатам этой выставки.

Ключевые слова: Бронированный фонд Библиотеки Российской академии наук, Бронированный фонд, история Библиотеки Российской академии наук, история Бронированного фонда Библиотеки Российской академии наук, книжная выставка.

Бронированный фонд академических изданий является преемником одного из старейших учреждений Академии наук — Книжной палаты, созданной в 1728 г. В нем хранятся издания Академии со времени ее основания до наших дней. Фонд насчитывает более 1,8 млн ед. хр. Он не предназначен для обслуживания читателей и обмена литературой с другими библиотеками, его задачей является сохранение издательского наследия Академии наук и формирование фондов библиотек, в первую очередь относящихся к академическим учреждениям. В разные периоды своего существования фонд назывался: Книжной палатой, Книжной лавкой, Книжным магазином, Книжным складом, Книгохранилищем академических изданий (с 1920 г.), Бронированным фондом академических изданий Президиума Академии наук (с 1930-х гг.). Перед началом Великой Отечественной войны фонд находился в ведении «Академкниги», с 1944 г. оперативное управление Бронированным фондом стала осуществлять Библиотека Академии наук. В 1986 г. Бронированный фонд был включен в состав Отдела изданий Академии наук (ОИАН БАН) на правах сектора.

12 марта 2024 г. в Библиотеке Российской академии наук была открыта выставка «От Книжной палаты до Бронированного фонда изданий Российской академии наук: к 80-летию Бронированного фонда в соста-

ве БАН», которая предваряла работу научного семинара «Бронированный фонд: 80 лет в составе БАН», организованного Научно-исследовательским отделом изданий Академии наук. В комплексном научном мероприятии приняли участие представители Дирекции, сотрудники и читатели Библиотеки, гости из Санкт-Петербургского государственного института культуры. Выставку открыла директор БАН О.В. Скворцова, с приветственным словом на семинаре выступила зам. директора по библиотечной работе И.М. Беляева, воспоминаниями поделился научный руководитель БАН В.П. Леонов, вели семинар зам. директора по научной работе Н.В. Колпакова и главный хранитель Бронированного фонда С.Ю. Гусева. Экскурсия по выставке была проведена библиотекарем К.Б. Фрейдиной.

Данная статья посвящена обзору книжной выставки. Перед ее организаторами стояла задача — на пяти витринах центральной площадки третьего этажа Главного здания Библиотеки на примере хранящихся в Бронированном фонде изданий, документов, артефактов, опубликованных исследований проиллюстрировать основные этапы формирования подразделения БАН, рассказать о магистральных направлениях его деятельности. В основу концепции представленной выставки был положен хронологический принцип.

После учреждения в 1727 г. Типографии Императорской Академии наук для реализации и хранения ее издательской продукции, в следующем, 1728г., была образована Книжная палата, ставшая местом распространения и продажи произведений гражданской печати в Петербурге. Функциями палаты в то время было хранение изданий, напечатанных в академической типографии, их обмен, продажа и рассылка по России и за рубеж. Из палаты издания Академии наук поступали в Библиотеку, основанную в 1714 г.

На 1-й витрине выставки были представлены научные работы, раскрывающие историю Книжной палаты в XVIII в., а также копии листов газеты «Санктпетербургские ведомости», где присутствуют самые ранние упоминания о Книжной палате и списки предлагавшихся читателям изданий. В сообщении от 21 декабря 1728 г. «...объявляется, что при здешней Императорской Академии наук, где книги продаются, также разные календари на предбудущий 1729 год получить можно, а именно...» [9]. Деятельности Книжной палаты, Академической типографии, Книжной лавки, истории книготорговли в XVIII в. посвящены труды А.А. Зайцевой [11], А.Д. Бочагова [4], Г.А. Копанева [15], П.И. Фафурина [38], П.И. Хотеева [41] и многих других исследователей, публикации которых посетители выставки могли увидеть на витрине.

Сотрудниками Книжной палаты была начата работа по библиографированию академических изданий: с 1735 г. составлялись росписи, реестры, а затем и каталоги академических изданий, в которых рекламировались книги, печатавшиеся в Академической типографии, и иностранные издания для продажи в России [24, с. 66.]. На выставке продемонстрированы примеры такой работы — книготорговые каталоги Императорской академии наук с ценами [14, 31] и посвященная им статья Т.В. Кульматовой [20].

С деятельностью Книжной палаты также связано начало процесса введения обязательного экземпляра в России, о котором идет речь

в статье В.П. Леонова, Н.М. Баженовой и О.В. Скворцовой «Библиотека Академии наук — книжная палата РАН» [23]. В 1751 г. Канцелярия Академии Наук дала указание Книжной лавке «со всех печатающихся при Академии книг и прочего, что бы оно ни было, собрав в Книжной лавке с начала Академической типографии по нынешнее время по два экземпляра на хорошей бумаге и переплеть один в библиотечный, а другой в голландский переплет, отдать в Императорскую библиотеку» [24, с. 84]. У посетителей выставки была возможность познакомиться с образцами издательской продукции Академии наук XVIII и XIX вв., напечатанными в Академической типографии. На вид они довольно скромны. Обложка-обвертка выполнена из синей или серой бумаги, переплет книг заказывали их владельцы, которые приобретали эти издания через Книжную лавку. Богатство переплета зависело от благосостояния владельца и его эстетического вкуса. В этом разделе выставки в качестве подложки (фона) для книг была использована мраморная бумага, предоставленная Т.В. Кульматовой, имитирующая «волнистую» бумагу, использовавшуюся в то время в переплете.

Большая часть изданий, представленных на 2-й витрине выставки, была посвящена истории Книжной лавки, Книжного магазина, Книжного склада, Книгохранилища в XIX–XX вв. Деятельность этих учреждений была связана с хранением, продажей и безвозмездным распространением изданий Академии наук: рассылкой книг академикам, отправкой литературы в отечественные и зарубежные научные учреждения.

XIX столетие в истории Бронированного фонда стало «веком каталогов». Особого внимания заслуживает деятельность А. Вейхардта (August Weichardt, 1815–1859), служившего хранителем Книжного магазина в 1850–1858 гг. и составившего каталог изданий Императорской академии наук на иностранных языках (1854 г.), спустя два года к нему вышло прибавление (1856 г.) [17]. От Академии наук руководство Книжным магазином в это время осуществлял академик А.А. Куник, который и курировал создание каталога [20, с. 199]. Через семь лет после А. Вейхардта, с 1865 по 1893 гг., хранителем Книжного магазина служил В.П. Шемиот (1832–1903) [18]. Он стал составителем «Систематического и алфавитного указателя изданий Академии наук», остающегося востребованным и сегодня [42].

Начало XX в. — период деятельности Книжного склада. 14 лет (1907–1921 гг.) место его хранителя занимал И.А. Кубасов (1875–1937) [19]. С 1911 по 1915 гг. И.А. Кубасовым при участии работников Книжного склада С.К. Пилкина и Н.П. Москалюка был выпущен трехтомный книготорговый каталог с указанием наличия изданий, но не исключаящий из списка и распроданные издания, отсутствующие на Складе [16; 20, с. 202–203]. Позже вышли дополнения к нему: в 1915, 1918 и 1923 гг.

Сотрудники Книжного склада вели серьезную библиографическую работу, осуществляли обмен изданиями с русскими и зарубежными учреждениями, формировали списки лиц и учреждений для рассылки академических изданий. Кроме того, они создавали каталоги и указатели, составляли аналитические описания статей из сборников и периодических изданий. По этой причине при И.А. Кубасове Книжный склад по предложению Непременного секретаря Академии наук был переиме-

нован: «... Склад выполняет в настоящее время не только функции Склада, но ведет и другую обширную и серьезную работу, далеко выходящую за пределы деятельности обыкновенного склада изданий; Положено переименовать Книжный склад Академии наук в «Книгохранилище изданий при Российской академии», о чем сообщить в Правление и Книгохранилище академических изданий» (2 октября 1920 г.) [30, с. 82].

На выставке демонстрировались две наиболее значимых библиографических работы Склада — систематический указатель В.П. Шемиота [42] и каталог И.А. Кубасова (современные переиздания) [16], а также публикации о них. Представлены материалы о переименовании Книжного склада в Книгохранилище академических изданий в 1920 г. и работа Н.В. Пономаревой о библиографировании изданий Академии наук [29].

К началу 1930 гг. пришло осознание ценности сформировавшегося в Книгохранилище документального массива, его важности для истории Академии наук и для формирования библиотечных фондов при академических институтах, сеть которых в советское время широко распространялась. В связи с этим были введены ограничения на использование изданий Книгохранилища академических изданий. Он получил статус Бронированного фонда Президиума АН СССР.

Следующий раздел выставки был посвящен хронике БАН периода Великой Отечественной войны [2]. В 1944 г. Бронированный фонд вошел в состав БАН [2, 40]. На выставке был представлен текст Постановления Президиума Академии наук Союза ССР от 20 марта 1944 г. «О передаче «Академкнигой» бронированного фонда Президиума АН СССР Библиотеке АН СССР», публикация главного библиотекаря С.Е. Хаздан об этом событии [40], статья из «Биографического словаря сотрудников БАН», посвященная бригадиру и первой заведующей Отделом бронированного фонда — А.А. Петровой [28]. Документы о Бронированном фонде военного и послевоенного времени включены в книгу научного руководителя БАН, доктора педагогических наук, профессора В.П. Леонова «Библиотечный синдром» [22, с. 577–586].

Значимый этап существования Бронированного фонда БАН связан с деятельностью Юлии Михайловны Тарасовой. Работа Ю.М. Тарасовой в Бронированном фонде началась в 1971 г. и продолжалась более 30 лет. Материалы по истории Бронированного фонда этого периода были продемонстрированы на 3-й и 4-й витринах выставки. Выпускница исторического факультета Воронежского государственного университета и факультета русского языка и литературы Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена, Ю.М. Тарасова пришла в БАН в 1961 году. До перехода в отдел Бронированного фонда несколько месяцев работала библиотекарем и около 10 лет — реставратором. В 1973 г. под руководством Ю.М. Тарасовой был осуществлен переезд Бронированного фонда в здание, построенное Академией наук в пос. Коломяги для хранения фондов академических учреждений. За успешное выполнение этого производственного задания и за трудовые успехи коллектив Бронированного фонда награждался почетными грамотами. В 1983 г. в газете «Ленинградская правда» была напечатана статья о Бронированном фонде [5]. И грамоты, и газетную статью, которые висели на стене в рабочем кабинете Ю.М. Тарасовой в Коломягах,

можно было увидеть на витрине. Здесь же были выставлены образцы пачек с литературой из книгохранилищ Бронированного фонда.

В 1986 г. в БАН был создан отдел изданий Академии наук, объединивший три подразделения: Бронированный фонд, сектор Академического собрания и группу библиографов Научно-библиографического отдела, составлявших ежегодник «Библиография изданий Академии наук СССР». Ю.М. Тарасова стала первой заведующей этим отделом. На витрине были размещены научные труды [34–37], а также фото Ю.М. Тарасовой с сотрудниками отдела В.А. Васильевой и Н.М. Петровой. В статьях Ю.М. Тарасовой изложена история Бронированного фонда и Академического собрания, часть ее публикаций посвящена проблемам сохранности библиотечных фондов. Ю.М. Тарасова, как бывший реставратор книг, принимала активное участие в организации работ по спасению изданий БАН после пожара 1988 г.

На 4-й витрине были представлены материалы, рассказывающие о выставочной деятельности Бронированного фонда. На экспозиции демонстрировались издания, которые дают представление об академических выставках XX в., освещавших жизнь и научную деятельность М.В. Ломоносова, К.М. Бэра [3, 33]. Коллектив Бронированного фонда принимал участие в подготовке выставок, посвященных юбилейным датам Академии наук. Пушкиниана также была одной из любимых выставочных тем [25, 26]. Также в этом разделе можно было увидеть черновик тезисов доклада Ю.М. Тарасовой «Япония в академических изданиях» и материалы к выставке, организованной совместно с Отделом литературы стран Азии и Африки БАН. В дополнение к книгам была представлена сувенирная продукция и журнал «Япония сегодня» (2004. № 1), раскрытый на статье «Цветы и бумага» [43].

Книги по истории российского флота (к этой теме Ю.М. Тарасова обращалась на протяжении многих лет своей трудовой деятельности) также стали частью экспозиции [3, 13, 44]. Отделом был подготовлен каталог книжной выставки, посвященной 300-летию Российского флота [13]. Особое место на выставке было отведено календарю на 1993 г., текст к которому написан М.Ю. Гордеевой, сотрудником НИОРК БАН.

На 4-й витрине выставки также можно было увидеть издания XVIII в. из Бронированного фонда, связанные с жизнью и деятельностью Е.Р. Дашковой. В 2016–2018 гг. четыре части «Собеседника любителей русского слова» экспонировались в петербургском музее «Нарвская застава». Для этих изданий специалистами Отдела реставрации и консервации фондов БАН был изготовлен специальный футляр и четыре папки из бескислотного картона.

Последняя, 5-я витрина выставки освещала вопросы комплектования Бронированного фонда. Большая часть книг и журналов, хранящихся в фонде, выпускаются академическими издательствами. Однако некоторые издания, например, тома «Библиотеки всемирной литературы», поступали в это подразделение БАН через коллектор массовых библиотек. На выставке можно было увидеть один из томов этой серии — поэмы Гомера [7].

На выставке были продемонстрированы дары неакадемических издательств, поступившие в Бронированный фонд. Среди них — моногра-

фия о Петербурге начала XVIII в., выпущенная издательством «Дмитрий Буланин» [1] и брошюра экс-Президента Российской академии наук В.Е. Фортова (1946–2020) о перспективах развития академической науки [39]. Большой интерес представляют книги с экслибрисами, поступившие в БАН из собрания Жана Бланкова (1931–2023), потомка русских эмигрантов, слависта. В фонд периодически направляются академические труды с автографами составителей, редакторов [27]. Один выставочный объект отражает работу Бронированного фонда по ретроспективному комплектованию [12].

Среди экспонатов выставки присутствовали издания, переданные в Бронфонд Дирекцией БАН. Очень интересна книга А.В. Соколова (1934–2023) о постсоветской гуманитарной интеллигенции [32]. 90-летие этого известного ученого отмечалось в феврале 2024 г. Рядом с книгой А.В. Соколова — труд В.П. Леонова о БАН [21]. Одна из интересных иллюстраций этой книги — редкая групповая фотография, сделанная 20 лет назад, когда сотрудниками Академического собрания и Бронированного фонда в феврале 2004 г. была подготовлена выставка, посвященная 70-летию А.В. Соколова. На фоне выставки в читальном зале Академического собрания были сфотографированы сотрудники БАН. Среди них — ведущие специалисты нашей Библиотеки — Н.М. Розова и Ю.М. Тарасова.

Подготовленная сотрудниками ОИАН БАН выставка — наглядное свидетельство того, что Бронированный фонд является уникальным собранием изданий Академии наук XVIII–XXI вв., имеющим большую научную и историко-культурную ценность. В настоящее время Бронированный фонд продолжает выполнять важные функции подразделения БАН: комплектование, кумулирование изданий РАН, обеспечение сохранения во времени издательской продукции Академии наук, участие в формировании библиотечных фондов научных учреждений, участие в просветительской деятельности Библиотеки.

Список источников

1. Анисимов Е.В. Юный град: Петербург времен Петра Великого. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2003. 363, [1] с.
2. Балакина А.А., Бекжанова Н.В. Библиотека Российской академии наук (БАН): хроника военных лет, январь–апрель 1944 года // Петербургская библиотечная школа. 2019. № 3. С. 115–133.
3. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке: военно-экономический потенциал России / АН СССР, Ин-т истории СССР. Москва: Наука, 1973. 616 с.
4. Бочагов А.Д. Книжная палата Академии наук, 1728–1740. Санкт-Петербург: ред. журн. «Библиограф» (Н.М. Лисовского), 1893. 24 с.
5. Викторова Е. Для будущих ученых: работа у них такая // Ленинградская правда. 1983. 10 июля (№ 160). С. 4.
6. Выставка в память академика К.М. Бэра. Путеводитель по выставке в память академика К.М. Бэра / сост. М.М. Соловьев; [ред. акад. В.И. Вернадский]; АН СССР, Комиссия по истории знаний. Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1927 (тип. изд-ва Сев.-зап. промбюро ВСНХ). 25 с.
7. Гомер. Илиада; Одиссея: пер. с древнегреч. / [вступ. Ст. С. Маркиша; примеч. С. Ошерова; ил.: Г. Епифанов и М. Пиков]. Москва: Худож. лит., 1967. 766 с., ([Биб-

лиотека всемирной литературы. Серия первая. Литература Древнего Востока, античного мира, средних веков, Возрождения, XVII и XVIII вв.; т. 3)).

8. Гусева С.Ю. Бронированный фонд академических изданий: прошлое и настоящее // Наука и библиотека: сб. науч. тр. Санкт-Петербург, 2023. Вып. 8. С. 61–64.

9. Для известия // Санкт-Петербургские Ведомости. 1728. 21 дек. (№ 102). С. 412.

10. Зайцева А.А. Книжная лавка Академии наук в конце XVIII в. // Русские книги и библиотеки в XVI — первой половине XIX в.: сб. науч. тр. Ленинград: 1983. С. 121–135.

11. Зайцева А.А. Книжная торговля в Санкт-Петербурге во второй половине XVIII века / Библиотека Российской академии наук. Санкт-Петербург: БАН, 2005. 365 с.

12. Избранные произведения прогрессивных китайских мыслителей нового времени. (1840–1898): [пер. с китайского / сост. и общ. ред. Н.Г. Сенина и Ян Хин-шуня]; АН СССР, [Ин-т философии]. Москва: Изд-во АН СССР, 1961. 299 с.

13. К 300-летию российского флота: кат. кн.-ил. выст., организ. в Б-ке Рос. акад. наук / [сост. Т.В. Малкова]. Санкт-Петербург: БАН, 1996. 34 с.

14. Каталог русских книг, изданных Императорской Академией наук и находящихся в продаже у ее комиссионеров. [Санкт-Петербург, 1857]. IV, 72 с.

15. Копанев Н.А. Зарубежные издания, продававшиеся в московской книжной лавке Академии наук 1749–1753 гг. // Книготорговое и библиотечное дело в России в XVII — первой половине XIX в. Ленинград, 1981. С. 22–28.

16. Кубасов И.А. Каталог изданий императорской Академии наук. Санкт-Петербург, 1912–1919. Ч. 1–3.

17. Кульматова Т.В. Август Вейхардт и реорганизация книжных магазинов Академии наук // Петербургская библиотечная школа. 2014. № 2 (46). С. 41–47.

18. Кульматова Т.В. В.П. Шемиот — составитель первого систематического указателя изданий Академии наук // Историко-библиографические исследования: сб. науч. тр. Санкт-Петербург, 2002. Вып. 9. С. 52–65.

19. Кульматова Т.В. И.А. Кубасов — штрихи к портрету библиографа; список основных работ И.А. Кубасова // Историко-библиографические исследования: сб. науч. тр. Санкт-Петербург, 2008. Вып. 11. С. 154–180.

20. Кульматова Т.В. Книготорговые каталоги Академической типографии и их составители (вторая половина XIX — первая четверть XX в.) // Книжная культура: опыт прошлого и проблемы современности: к 285-летию основания Академической типографии в России: материалы V Междунар. науч. конф., Москва, 24–26 октября 2012 года. Москва, 2012. Т. 1. С. 199–203.

21. Леонов В.П. Библиотека Академии наук: опыт биографии / В.П. Леонов; Рос. акад. наук, Б-ка Рос. акад. наук. Москва: Наука, 2013. 199 с.

22. Леонов В.П. Библиотечный синдром: записки директора БАН. Санкт-Петербург, 1996. 629 с.

23. Леонов В.П., Баженова Н.М., Скворцова О.В. Библиотека Академии наук — книжная палата РАН: начальный этап, XVIII в. // Российская книжная палата — культурная память отечества: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию Рос. книж. палаты (Москва, РКП, 23 мая 2007). Москва, 2007. С. 131–136

24. Лютова К.В., Тарасова Ю.М. Академические издания в фондах библиотеки Российской академии наук: к 275-летию первой гос. науч. б-ки России. Санкт-Петербург: БАН, 1992. 114 с.

25. Мейлах Б.С. Художественное мышление Пушкина как творческий процесс / АН СССР, Ин-т русской литературы. Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, [Ленингр. отд-ние], 1962. 249 с. Прил.: Автографы А.С. Пушкина. Репродукции.

26. Михайлова Н.И. «Парнасский мой отец»: [о В.Л. Пушкине]. Москва: Сов. Россия, 1983. 189 с.

27. О землетрясениях и сопутствующих явлениях исторического Туркестана: кат. материалы газ. 1870–1889 гг., с дополнениями / Б-ка РАН, НИОБИБ, Ин-т физики земли им. О.Ю. Шмидта, Лаб. сейсмо тектоники и сейсм. микрорайонирования; авт.-сост.: С.Ю. Нечаев; ред. кол.: Н.В. Колпакова (отв. ред.) [и др.]. Санкт-

Петербург: БАН, 2023. 259 с. (Природные опасности: материалы и исследования; вып. 4, № 1).

28. Петрова Александра Алексеевна // Великая Россия: российская биографическая энциклопедия. Т. 14, кн. 2: Биографический словарь сотрудников Библиотеки Российской академии наук. Санкт-Петербург, 2014. С. 574.

29. Пономарева Н.В. Библиографирование академических изданий: проблема сохранения научного наследия РАН // Сохранение культурного наследия библиотек, архивов и музеев: материалы науч. конф., СПб., 14–15 февр. 2008 г. Санкт-Петербург, 2008. С. 106.

30. Протоколы заседаний Общего собрания Российской академии наук: 1920 г.: с приложением перечня заседаний и алфавитного указателя. [Б. м.], [Б. г.]. 121 с.

31. Роспись российским книгам и портретам, которые при Имп. Академии наук в Санктпетербурге напечатаны и в книжной лавке при оной же Академии без переплету продаются. [Санкт-Петербург: Тип. Акад. наук], 1773. [20] с.

32. Соколов А.В. Диалоги с постсоветской гуманитарной интеллигенцией / Б-ка Рос. акад. наук. Санкт-Петербург: БАН, 2006. 583 с.

33. Состоящая под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством выставка «Ломоносов и Елизаветинское время». Программа выставки / Имп. АН. Санкт-Петербург: тип. Имп. АН, 1911. [4] с., 21 л.

34. Тарасова Ю.М. Бронированный фонд академических изданий // Научная книга. 2005. № 3. С. 4–10.

35. Тарасова Ю.М. О некоторых изданиях по Японии в Бронированном фонде Библиотеки РАН // Россия и Япония: сб. науч. тр. Санкт-Петербург, 2007. С. 81–86.

36. Тарасова Ю.М. Отдел изданий Академии наук Библиотеки РАН: краткая история и перспективы развития // Наука и техника: вопросы истории и теории. Санкт-Петербург, 1998. Вып. 14. С. 27.

37. Тарасова Ю.М. Проблемы сохранения фондов академических изданий в Библиотеке РАН // Сохранение культурного наследия библиотек, архивов и музеев: материалы науч. конф. (Санкт-Петербург, 14–15 февраля 2003 г.). Санкт-Петербург, 2003. С. 104–108.

38. Фафурин Г.А. Новый источник по истории международной книжной торговли в Петербургской академии наук в последней трети XVIII века // Петербургская академия наук в истории академий мира: к 275-летию Академии наук: материалы Междунаrodn. конф. Санкт-Петербург, 1999. Т. 2. С. 78–92.

39. Фортов В.Е. Основные направления развития Российской академии наук. Москва: «Шанс», 2013. 55 с.

40. Хаздан С.Е. Отдел бронированного фонда в составе Библиотеки АН СССР: первая бригада (январь–март 1944 г.) // Наука и библиотека: сб. науч. тр. Санкт-Петербург, 2022. Вып. 5. С. 155–159.

41. Хотеев П.И. Немецкая книга и русский читатель в первой половине XVIII века / Б-ка Рос. акад. наук. Санкт-Петербург: БАН, 2008. 372, [1] с.

42. Шемиот В.П. Систематический и алфавитный указатель изданий Императорской Академии наук: в 2 ч. с приб. Репринт. изд. 1872 г. Санкт-Петербург: Альфарет, 2007. — (Серия «Мемориальный проект»). Ч. 1. 524 с.; Ч. 2. 532 с.

43. Шишкина Г. Цветы и бумага // Япония сегодня. 2001. № 1. С. 30–31.

44. Euler L. Théorie complete de la construction et de la manoeuvre des vaisseaux, mise a la portée des ceux, qui s'appliquent a la navigation. Saint Petersburg: De l'Imprimerie de l'Académie Impériale des sciences, 1773. [16], 354 с.

GUSEVA S., ZHUKOVA A., KHAZDAN S. “From the Book Chamber to the Safekeeping Fund of Publications of the Russian Academy of Sciences: to the 80th anniversary of the Safekeeping Fund as part of the RASL”: review of the book exhibition

Guseva Svetlana — Candidate of Philosophy, Chief Library collection keeper, Research Department of Publications of the Academy of Sciences, Russian Academy of Sciences Library

Saint-Petersburg, Russia, e-mail: bronfond@rasl.nw.ru

Zhukova Anita — Candidate of Cultural Studies, Junior Researcher, Research Department of Publications of the Academy of Sciences, Russian Academy of Sciences Library
Saint-Petersburg, Russia, e-mail: anita138807@gmail.com

Khazdan Sofya — Chief librarian, Research Department of Publications of the Academy of Sciences, Russian Academy of Sciences Library
Saint-Petersburg, Russia, e-mail: freken_book@mail.ru

ABSTRACT

On March 12, 2024, the Library hosted a scientific seminar dedicated to the 80th anniversary of the Safekeeping Fund as part of the RASL, and a book exhibition created by employees of the Publications Department of the Academy of Sciences of the RASL was dedicated to the same event. This article is dedicated to reviewing this exhibition.

Key words: Safekeeping Fund of the Russian Academy of Sciences Library, Safekeeping Fund, history of the Russian Academy of Sciences Library, history of the Safekeeping Fund of the Russian Academy of Sciences Library, book exhibition.

УДК 008.023
ББК 78.35(2)

С.Е. Хаздан

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПЕРЕДАЧИ БРОНИРОВАННОГО ФОНДА БИБЛИОТЕКЕ АН СССР В 1944 ГОДУ (по материалам СПбФ АРАН)

Хаздан Софья Евгеньевна — главный библиотекарь, Научно-исследовательский отдел изданий Академии наук БАН, Библиотека Российской академии наук Санкт-Петербург, Россия, e-mail: freken_book@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В марте 1944 года началась передача Бронированного фонда Президиума Академии наук СССР Библиотеке АН СССР. Событиям, связанным с его местоположением с 1934 по 1944 годы и приемом Библиотекой в 1944-ом посвящена наша статья.

Ключевые слова: Бронированный фонд Президиума АН СССР, блокада Ленинграда, бригада, магазин «Академкнига».

Бронированный фонд академических изданий Президиума Академии наук СССР (АН СССР)¹, отметивший в прошлом году 295-летие со дня основания, в этом году празднует 80-летие вхождения в состав Библиотеки Российской академии наук (БАН). 20 марта 1944 года вышло Постановление Президиума АН СССР «О передаче Академкнигой Бронированного фонда Президиума Академии наук СССР Библиотеке Академии наук СССР», но Постановление Президиума АН СССР — формальная веха. Началу передачи фонда предшествовал ряд событий, а сам процесс начался еще до принятия этого документа.

Важным источником по изучению этого периода в истории подразделения является записка «О бронированном фонде академических изданий» (далее — Записка), обнаруженная нами в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПбФ АРАН) [1]. Это экземпляр с машинописным текстом на семи страницах без подписи и даты. Отсутствует также указание конкретного лица или учреждения, которому он адресован. Оригинал Записки хранится в фонде 158 «Библиотека Академии наук (БАН) СССР», это значит, что документ предназначался для внутреннего пользования и, по-видимому, был составлен сотрудниками БАН по заданию дирекции. Кроме того, мы опираемся на ряд других архивных источников, а также публикаций [2–13].

Для Бронированного фонда переломным стал 1934 год: 25 апреля председатель Совета народных комиссаров СССР (СНК СССР) В.М. Молотов подписал постановление «О переводе АН СССР в Москву» [1, л. 135; 12, с. 228]. Вслед за Академией наук в Москву были переведены

¹ Далее — Бронированный фонд, Фонд.

ее издательство² и Сектор распространения изданий³. Ответственность за Фонд была возложена на ленинградский филиал Издательства АН СССР, но он вскоре был закрыт [10, с. 453].

В Записке местонахождение Бронированного фонда до переезда издательства обозначено как пакгауз⁴ на Тифлисской улице Васильевского острова [1, л. 135], то есть Южный пакгауз Фондовой биржи. Сегодня в этом здании находится Зоологический музей РАН. После переезда Издательства склад, оборудованный стеллажами, был передан «институту огнеупоров»⁵ [1, л. 135].

Вывезенный из пакгауза Фонд был разделен. Одну часть перевезли во флигель бывшего главного здания Академии наук, где, по-видимому, в то время располагалось Административно-хозяйственное управление ленинградских учреждений АН СССР. Другую часть разместили в одном из хранилищ БАН. Сведений о последующей релокации Бронированного фонда из хранилища БАН на данный момент нет, а из бывшего главного здания АН СССР Фонд был выселен «Ленинградским Геологическим трестом» [1, л. 135–135 об.]. Дата передачи флигеля здания АН СССР тресту в Записке не приведена, но созданное в 1929 году «Ленинградское районное геологоразведочное управление...»⁶ было преобразовано в Ленинградский геологоразведочный трест только в 1931 году, а перестало существовать в 1933-м (упоминание об этих фактах есть в описании фонда Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, ЦГА СПб) [5]. Таким образом, переезд должен был состояться в 1931 или 1932 году.

Бронированный фонд снова объединили в одном хранилище, под которое приспособили бывший манеж Великого Князя Владимира Александровича, располагавшийся во дворе Владимирского дворца (сегодня это — Санкт-Петербургский Дом ученых РАН). Неприемлемые условия для хранения изданий (сырость) стали причиной их спешной эвакуации [1, л. 135 об.]. Вследствие этого Фонд снова был разделен. Часть книг разместилась в прежнем здании Академии наук, другая оказалась в «подвальных складах» на Литейном проспекте: Записка обозначает местоположение складов «под магазином Академкнига» [1, л. 135 об.]. В действительности магазин располагался в доме № 57, а склад, переданный БАН в 1944 году вместе с Фондом, — в доме 53а по Литейному проспекту. Третья часть Бронированного фонда была отвезена в «подвалы на Васильевском Острове против здания бывшей Фондовой биржи» [1, л. 135 об.].

В годы Великой Отечественной войны выполнение Бронированным фондом его функций и его дальнейшее комплектование были приостановлены [8, с. 79]. Передача Бронированного фонда Библиотеке АН СССР была запланирована еще в апреле 1941 года. Для этого Ленин-

² С 1963 года — издательство «Наука».

³ В 1938 году Сектор был преобразован в магазин «Академкнига» [11, с. 175].

⁴ Пакгауз — складское помещение временного типа, предназначенное для кратковременного хранения и обеспечивающее удобную погрузку и разгрузку товаров, но не для работы с книжным фондом.

⁵ По-видимому, имеется в виду Всесоюзный институт огнеупоров, образованный в 1932 г.

⁶ Ленинградское районное геологоразведочное управление Главного геологоразведочного управления Высшего совета народного хозяйства СССР.

градское административно-хозяйственное управление (ЛАХУ) АН СССР должно было отыскать соответствующее помещение и оборудовать его стеллажами [1, л. 135 об.]. Но до начала войны помещение найдено не было, хотя подвалы против Фондовой биржи уже тогда были в зоне риска в отношении хранения книг вследствие повышенной влажности. Перевезти фонд из подвалов пытались в августе 1941-го, но план сорвался из-за отсутствия транспорта и нехватки рабочих рук. Летом 1943 года Уполномоченный по Ленинградским академическим учреждениям организовал комиссию, которая, осмотрев все три хранилища, обнаружила, «что нижние слои в книжных штабелях, сложенных непосредственно на каменном полу, сильно пострадали от сырости» [1, л. 136].

Зимой 1943 года (по-видимому, в декабре) в бывшем главном здании АН СССР лопнули трубы. Вновь прозвучал вопрос о необходимости перевезти Фонд в подходящее для него хранилище [1, л. 136]. Руководство Академии отреагировало в начале января 1944-го: 10 января «предложено “поставить перед Президиумом АН СССР вопрос о необходимости организовать работу по учету бронированного фонда изданий АН”» [6, с. 117]. Речь шла о проверке наличия изданий и их сохранности, но не об их перевозке. Что касается передачи Бронированного фонда Библиотеке, первая бригада из пяти сотрудников БАН «для приема и учета бронированного фонда» была создана только 10 марта⁷ [6, с. 125]. Ее возглавила библиотечкарь первого разряда Отдела обслуживания БАН Александра Алексеевна Петрова⁸ [13]. Распоряжение Президиума АН СССР «О ленинградских учреждениях Академии наук СССР» от 23 марта 1944 года, последовавшее за Постановлением, лишь узаконило уже начавшийся процесс: «...принять меры к сохранению бронированного фонда Академии наук, находящегося в Ленинграде <...>» [6, с. 127–128].

Согласно Записке, прием Фонда Библиотекой Академии наук начался 13 марта. Завершить же все работы по его перемещению следовало к 1 августа 1944 года. Во время приема литературы выяснилось, что в зоне риска находятся не только книги в подвалах против Фондовой биржи (ранее уже признанных неподходящими для хранения), но и на складах Литейного проспекта [1, л. 136 об.].

Библиотеке Академии наук следовало провести инвентаризацию Фонда. По Постановлению Президиума АН СССР от 20 марта 1944 года (пункт 1) в этой работе должны были участвовать также сотрудники «Академкниги» [2]. В сформированную в 1944 году Инвентаризационную комиссию вошли представитель Издательства АН СССР Иосиф Ефремович Тыслер⁹ (председатель комиссии), от «Академкниги» — Яков Исаакович Изаксон¹⁰, со стороны БАН — заведующий Научно-библиографическим отделом Борис Владимирович Дитман [3]. Последнего члена комиссии установить затруднительно: сведения о Б.Ю. Шипилло отсутст-

⁷ В статье 2022 г. допущена опечатка: первая бригада БАН была создана 10 марта, а не 10 января 1944 г. [17, с. 156].

⁸ В статье 2022 г. нами ошибочно указано, что А.А. Петрова руководила Отделом бронированного фонда семь лет [17, с. 158]. Позже мы выяснили, что в должности заведующей отделом А.А. Петрова была несколько месяцев, пока в конце 1944 г. или начале 1945 г. года ее не сменил А.Н. Хренов [13].

⁹ По сведениям на 1945 год — и.о. директора Издательства АН СССР.

¹⁰ Директор Ленинградского отделения магазина «Академкнига».

вуют в списках сотрудников как Ленинградского отделения издательства, так и БАН за 1945 год [4, л. 26–37, 38–39]. Комиссия собиралась 17 мая, подтверждением чему служит Протокол совещания, но других следов деятельности комиссии нами обнаружено не было [3]. В связи этим в 1952 году заведующий Фондом Михаил Ефимович Федосеев сделал вывод, что инвентаризация так и не была проведена. Следовательно, и взятые на себя обязательства по отношению к «Академкниге» выполнены не были [14; 9, с. 578]. Этот момент требует исследования: возможно, новые документы покажут, что картотека в 1944–1945 годах была, но по каким-то причинам не сохранилась.

150 грузовиков книг из подвалов против Фондовой биржи и из помещения на Литейном проспекте были вывезены к 1 июня силами сотрудников БАН. При эвакуации изданий из подвалов ведрами вычерпывали воду. ЛАХУ выделило для Фонда один из флигелей главного здания БАН. Хранилище располагалось на втором этаже, куда приходилось поднимать книги на лебедке [1, л. 136 об.].

Согласно Записке, прием фонда закончили к сроку — в июле 1944 года, но окончательные акты были подписаны заведующим Отдела бронированного фонда Александром Николаевичем Хреновым только через год — 28 июля 1945 года [15]. По-видимому, к назначенному времени часть работ не была завершена. К тому же 21 июля 1944 года «Академкнига» предупреждала о перевозке в Ленинград части фонда, хранящейся на складе в Москве — следовательно, еще не перевезенной и не принятой Библиотекой [7, с. 141]. Из письма БАН «Академкниге» от 13 июля 1944 года следует, что теперь новую литературу следует присылать уже в Ленинград, и что поступления были прерваны со второй половины 1941 года [7, с. 140].

На момент составления Записки «весь принятый материал зарегистрирован в актах» и в то время составлял 32 144 пачки и «сравнительно небольшое количество книг» в хранилище бывшего здания Академии наук [1, л. 137]. 27 июля 1944 года весь полученный БАН Фонд находился «в двух помещениях, расположенных за главным зданием Академии наук на Университетской набережной». Одно из них было подготовлено к хранению изданий, и вместило только 20% фонда (до 5 000 единиц хранения). Второе — оставшиеся 80%, но без стеллажей — штабелями, по 1 000 пачек в каждом [1, л. 137 об.; 7, с. 142–143]. Автор Записки называет содержащиеся без стеллажей книги «мертвым капиталом», попутно отмечая, что необходимых ресурсов для их приобретения, перевозки и самостоятельного монтажа у БАН нет.

К 4 августа положение не изменилось: начальник ЛАХУ М.Е. Федосеев сообщает академику Николаю Григорьевичу Бруевичу о местонахождении фонда в здании Академии наук, употребляя при этом словосочетание «весь бронированный фонд» (по-видимому, он был снова объединен). Нужны стеллажи. Издания еще не оценены¹¹ и не систематизированы [7, с. 144]. Еще через 3 дня, 7 августа БАН в лице директора И.И. Яковкина просит помощи по поводу установки стеллажей

¹¹ Возможно, этот факт является дополнительным подтверждением, что инвентаризация Фонда в 1944 г. не проводилась.

у И.Ю. Крачковского, председателя Библиотечной комиссии при Президиуме АН СССР в 1944–1946 гг. [1, л. 77–77 об.]. Крачковский в свою очередь отдает распоряжение управделами Академии Ивану Васильевичу Зубову [7, с. 144].

Объем принятого Библиотекой в 1944 году фонда составил 827 133 печатных единицы. Эта цифра фигурирует в Записке, в акте инвентаризационной комиссии от 25 июля 1944 года и в отчете БАН академику Бруевичу от 27 июля [1, 3; 7, с. 142–143]. Эту же цифру называет в статьях Ю.М. Тарасова [16, с. 5–6]. Учитывает ли приведенная выше цифра списанные в макулатуру 5117 экземпляров¹², пострадавших при прорыве трубы в бывшем главном здании Академии (из отчета академику Бруевичу¹³), неизвестно [7, с. 142–143]. Также БАН получила 52 264 карты и 125 пачек таблиц (которые, видимо, в количество печатных единиц включены не были) [1, л. 137].

Ко времени составления «Записки о бронированном фонде...» 17 человек из коллектива БАН потратили на перевозку и прием изданий 881 рабочий день. Их имена в Записке не названы. Поскольку работа производилась преимущественно бригадным методом, их список может быть только примерным (см. Приложение¹⁴). ЛАХУ привлекал к спасению Бронированного фонда также сотрудников академических институтов Ленинграда: Института языка и мышления им. Н.Я. Марра, Института русской литературы им. А.М. Горького, Института истории мировой культуры, Ленинградского отделения института истории, Физиологического института им. И.П. Павлова, Института востоковедения, Института этнографии, Зоологического и Ботанического институтов. Ими было потрачено 595 дней, к работе были привлечены 40 человек [1, л. 137].

Изучая Записку, мы заметили странную формулировку: «Между моментом регистрации книг в <...> каталогах и моментом приемки фонда Библиотекой прошло неск[оль]ко лет, когда эти каталоги никак не выверялись и не пополн[ялись]» [1, л. 137 об.]. Если начало передачи было в марте 1944 года, и документ датирован сотрудниками СПбФ АРАН тем же 1944 годом, «несколько лет» между приемом фонда и составлением каталогов пройти никак не могли. Либо учет принадлежащих издательству АН СССР изданий все же велся задолго до передачи в БАН¹⁵, и эти документы были перевезены вместе с изданиями, либо же Записка была ошибочно отнесена к 1944 году сотрудниками Архива. Как бы в доказательство первой версии документ упоминает машинописный каталог книг Бронированного фонда, переплетенный «в виде двух томов» и сопутствующий ему «карточный /учетный каталог/» [1, л. 137 об.]. Однако к моменту составления Записки (согласно архивному документу) сотрудники БАН только приступают к составлению учетного каталога, основой которого должны стать акты приемки. Специально для каталога

¹² Для списания их, по всей видимости, должны были сначала принять на баланс.

¹³ Стенограмма совещания по вопросу о структуре библиографического указателя изданий филиалов и баз АН... // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3–1944. Д. 3. Л. 6.

¹⁴ Уточнения в списке приведены по: Биографическому словарю сотрудников Библиотеки Российской академии наук: в 2 кн. / гл. ред. и сост. В.П. Леонов. Санкт-Петербург: Гуманистика, 2014. Кн. 1. 586 с.; Кн. 2. 576 с. (Великая Россия: российская биографическая энциклопедия; т. 13–14).

¹⁵ Возможно, и вовсе имеются в виду каталоги, составленные хранителями фонда в XIX — начале XX века.

имеющиеся в актах сведения дополняются «данными [о] заглавиях книг и журналов и т.п. различных печатных каталого[в] академических изданий», то есть все экземпляры одного издания описываются вкуче.

Шифры на издания предполагалось проставлять лишь после установки стеллажей, что, скорее всего, отражает невозможность проведения работы до приведения фонда в порядок, а не систему крепостных шифров¹⁶. Вновь задуманный каталог изданий Бронированного фонда предназначался не только и не столько для хранения в БАН, одной из главных его задач было выявление изданий, поступивших в фонд в количестве 50-ти и более экземпляров¹⁷. По результатам проверки планировалось выделить издания, представленные более чем двадцатью пятью экземплярами, а излишек вернуть в «Академкнигу» [1, л. 137 об.–138].

С конца 1944 года и до сих пор Бронированный фонд Президиума АН СССР остается при Библиотеке РАН. С 1934 года вплоть до передачи БАН Фонд неоднократно перевозили во временные помещения, не предназначенные для хранения книг. В перевозке и приеме литературы принимали участие около 17-ти сотрудников БАН, а также бригады коллег из академических учреждений Ленинграда, привлеченные для этого ЛАХУ. Основная часть работ по передаче Фонда Библиотеке завершилась в июле 1944 года, но позднее в Ленинград была привезена его часть, хранившаяся в Москве.

Нам предстоит выяснить, проводилась ли в 1944 году инвентаризация Фонда, и какова судьба его каталогов, составленных в 1940-х годах — до и после передачи Библиотеке АН СССР. Интересен процесс по установке стеллажей для Фонда в хранилищах БАН, начало которому положило письмо директора БАН И.И. Яковкина академику И.Ю. Крачковскому. Возможно, также удастся узнать авторов Записки и дату ее составления.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сотрудники Библиотеки АН СССР, принимавшие участие в работе с Бронированным фондом в 1944 г.

1. Петрова (урожд. Черняева) Александра Алексеевна Петрова (1917–1993), библиотекарь Отдела обслуживания БАН, заведующая Отделом бронированного фонда Президиума АН СССР.
2. Воронова (урожд. Зимина) Клавдия Петровна (1910–?), библиотечно-технический сотрудник Отдела хранения БАН.
3. Горюнова Мария Петровна (1924–?), грузчик, позже — библиотекарь I разряда.
4. Мудрова Антонина Степановна (1895–1957), Отдел хранения БАН.
5. Константинова Мария Евгеньевна (1916–?), грузчик АХО БАН.
6. Винтергальтер (урожд. Философова) Елена Ивановна (1890–1974), заведующая библиотекой Пулковской обсерватории.
7. Кочорова (урожд. Фирсова) Анна Ивановна (1905–?), ст. библиотекарь с апреля 1944 г.

¹⁶ До тех пор издания предназначались для рассылки и продажи, а не для постоянного хранения, поэтому шифры присвоены не были.

¹⁷ До 1939 г. (на рекомендательной основе) учреждения АН СССР отправляли в Фонд по 50 экземпляров каждого издания.

8. Федорова Ольга Васильевна (1899–?), отдел обработки БАН.
9. Решетникова Вера Михайловна (1896–?), отдел запасных фондов БАН.
10. Соколова (в замуж. Клименко) Вера Федоровна (1922–?), библиотекарь 1 разряда, и.о. грузчика книжного фонда.
11. Дмитриева (Федорова, Лыткина) Тамара Николаевна (1927–?), грузчик книжного фонда.
12. Боброва (урожд. Николашина) Евдокия Васильевна (1904–?), библиотекарь Отдела особых фондов БАН.
13. Беликова Антонина Ивановна (1893–?), ответственный хранитель книжного фонда БАН.
14. Дитман Борис Владимирович (1898–?), заведующий Научно-библиографическим отделом БАН.
15. Спица Прасковья Григорьевна (1895–?), заведующая Отделом хранения БАН.
16. Станчул (Доброхотова) Татьяна Александровна (1903–?), заведующая Отделом запасных книжных ресурсов БАН.
17. Гринберг Любовь Григорьевна (Абрамовна) (1903–1988), заведующая библиотекой Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

Список источников

1. Бронированный фонд академических изданий // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3–1944. Д. 7: Переписка о приобретении, поступлении, передаче изданий и о составлении библиографий, справка «о бронированном фонде академических изданий» и характеристика специальных книжных фондов библиотек учреждений АН СССР (3 августа — 29 декабря 1944). Л. 135–138.
2. Постановление Президиума АН СССР от 20 марта 1944 года // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3–1944. Д. 1. Л. 47–48.
3. Протокол совещания инвентаризационной Комиссии по передаче бронированного фонда Академии наук СССР // СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1944 г.). Д. 7: Переписка с академическими и неакадемическими учреждениями и отдельными лицами по издательским вопросам, о состоянии хранения библиотечных и архивных фондов. Л. 53.
4. Списки сотрудников по учреждениям: Издательство, Типография, Дом ученых, Контора «Академкнига» и Библиотека АН СССР (июль–ноябрь 1945 г.) // СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4а–1945. Д. 8. 76 л.
5. Северо-Западный геологоразведочный трест Всесоюзного геологоразведочного объединения «Союзгеологоразведка» ВСНХ СССР (1929–1933 гг.) // ЦГА СПб. Ф. Р-709. Оп. 1–2. 49 ед. хр. (1929–1933 гг.).
6. Балакина А.А., Бекжанова Н.В. Библиотека Российской академии наук (БАН): хроника военных лет, январь–апрель 1944 года // Петербургская библиотечная школа. 2019. № 3. С. 115–133.
7. Балакина А.А., Бекжанова Н.В. Библиотека Российской академии наук (БАН): хроника военных лет, май–август 1944 года // Петербургская библиотечная школа. 2019. № 4. С. 127–150.
8. Тарасова Ю.М. Бронированный фонд Президиума АН СССР как источник комплектования академических библиотек // 275 лет Библиотеке Академии наук: сб. докладов юбилейной научной конференции, 28 ноября — 1 декабря 1989 г. Санкт-Петербург, 1991. С. 77–85.
9. Леонов В.П. Библиотечный синдром: записки директора БАН. Санкт-Петербург: Облик, 1996. 629 с.
10. Библиотека Академии наук СССР в годы Великой Отечественной войны Советского Союза // История Библиотеки Академии наук СССР: 1714–1964 / БАН СССР; [сост. С.П. Лупшов и др.; отв. ред. М.С. Филиппов]. Москва; Ленинград: Наука, 1964. С. 427–461.
11. Байкова Ю.Б. Об особенностях развития ленинградской букинистической торговли в системе «Академкнига» (по материалам архива Санкт-Петербургской фирмы «Академкнига» РАН) // Известия высших учебных заведений: проблемы полиграфии и издательского дела. 2012. № 6. С. 174–181.
12. Перченко Ф.Ф. «Дело Академии наук» и «великий перелом» в советской науке // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР / сост. И.Г. Арефьев; ред. В.А. Куманев. Москва: Наука, 1995. С. 201–235.

13. Представителю советского контроля, обследовавшего бронированный фонд академических изданий Президиума АН СССР при Библиотеке Академии наук в Ленинграде // ОИАН БАН. Документация Бронированного фонда. Папка «Бронированный фонд: переписка разная за 1952 год, с 1 сентября (1 сентября — 31 декабря 1952 г.)». Л. 80.

14. Приказ по Библиотеке Академии наук СССР от 28 июля 1945 года (№ 89) // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1945 г.). Д. 17: Приказы по Библиотеке Академии наук СССР, 2 января — 31 декабря 1945 г. Л. 97.

15. Тарасова Ю.М. Бронированный фонд академических изданий // Научная книга. 2005. № 3. С. 4–10.

16. Хаздан С.Е. Отдел бронированного фонда в составе Библиотеки АН СССР: первая бригада (январь — март 1944 г.) // Наука и библиотека: сб. науч. тр. Санкт-Петербург, 2022. № 5. С. 155–159.

17. Хаздан С.Е. Александра Алексеевна Петрова: от бригадира до заведующей Отделом бронированного фонда // Наука и библиотека: сб. науч. тр. Санкт-Петербург, 2024. В печати.

КHAZDAN S. The Circumstances of transfer of Safekeeping Fund to the Library of the USSR Academy of Sciences in 1944

Khazdan Sofya — Chief librarian, The Research Department of Publications of the Academy of Sciences RASL, Russian Academy of Sciences Library
Saint-Petersburg, Russia, e-mail: freken_book@mail.ru

ABSTRACT

The transfer of the Safekeeping fund of the Presidium of the USSR Academy of Sciences to the Library of the USSR Academy of Sciences began in March 1944. The article is devoted to the events associated with its location from 1934 to 1944, and the acceptance of the Fund by the Library of the USSR Academy of Sciences.

Keywords: Safekeeping department, blockade of Leningrad, working group, book store «Academkniga».

УДК 016(061.2)(470+571)
ББК 78.552л1(2)

Н.В. Пономарева

ПЛАН ПОДГОТОВКИ КАТАЛОГА ВСЕХ ИЗДАНИЙ АКАДЕМИИ НАУК И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.

Пономарева Нина Васильевна — старший научный сотрудник Научно-исследовательского отдела библиографии и библиотековедения Библиотеки Российской академии наук, кандидат педагогических наук, доцент, Библиотека Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия, e-mail: nvronomareva@inbox.ru

АННОТАЦИЯ

В период празднования 220-й годовщины образования Академии наук состоялись выставки изданий Академии наук, подготовленные БАН и ФБОН. На них выявились не только достижения Академии наук в издании научной и научно-популярной литературы, но и проблемы ее отражения в библиографических указателях. Для ученых и историков библиографии представляет интерес план подготовки каталога изданий Академии наук и особенности работы по его реализации в Библиотеке Академии наук.

Ключевые слова: библиографирование изданий Академии наук, полный каталог изданий Академии наук, история библиографии, Библиотека Академии наук.

Вопросы библиографического отражения изданий Академии наук занимали внимание книгоиздателей и библиографов на всем протяжении существования. Об этом свидетельствуют вышедшие на протяжении XVIII и частично XIX века книгоиздательские «Росписи...» [1], указатели В.П. Шемиота [2]. В начале XX века издаются указатели И.А. Кубасова [3] и отраслевые указатели изданий Академии наук [4].

В период празднования 220-летия Академии наук в 1945 г. двумя главными академическими библиотеками (Библиотекой Академии наук СССР и Фундаментальной библиотекой общественных наук Академии наук СССР) были организованы выставки изданий Академии. При этом отсутствие регулярного и полного учета этих изданий не могло остаться незамеченным. В связи с этим были приняты соответствующие документы: Постановление Президиума Академии наук СССР от 11 апреля 1946 г. о составлении полного каталога всех изданий Академии наук за все время ее деятельности [5]. Работа была поручена Библиотеке Академии наук (БАН) и предполагала 3 части: Часть I — 1725–1824 гг., Часть II — 1825–1924 гг., Часть III — 1925–1945 гг. В первую очередь предлагалось составление II части каталога за 1825–1924 гг. Выбор для составления II части полного указателя был очевиден: активное развитие естественных наук в XIX веке повлекло за собой появление большого количества изданий Академии наук, которые не были адекватно отражены в имеющихся библиографических указателях.

Достаточно подробно обоснование этого выбора освещено в работах К.И. Шафрановского [6] и Т.В. Кульматовой [7].

В статье К.И. Шафрановского представлена издательская деятельность Академической типографии, ее библиографическое отражение в книгоиздательских «Росписях» и библиографических источниках (указатели В.П. Шемиота и И.А. Кубасова). Подведя итоги предыдущей работы, Шафрановский излагает основные проблемы и принципы составления II части каталога. В первую очередь проблемы заключались в объеме каталога и изданиях, подлежащих учету. Так, например, Главная астрономическая обсерватория в Пулковое была учреждена в рамках Академии наук, в дальнейшем существовала независимо от нее и вновь вошла в состав Академии наук в середине XX века. Исходя из этого, было решено включать в каталог только издания самой Академии наук и ее учреждений за то время, когда они находились в ее составе. Исключение было сделано только для изданий Российской академии. В каталог предполагалось вносить описания журналов, серий, сборников и монографий в целом и аналитические описания статей. Предполагалось учитывать научные, научно-популярные работы, отзывы и рецензии. Способ расположения материалов должен был быть алфавитным, при наличии предметного вспомогательного указателя. В качестве главной задачи было сформулировано создание единого сводного каталога или репертуара с описанием всех отдельных изданий и статей, помещенных в журналах, сериях и сборниках, изданных в 1825–1924 гг. и продолжение учета текущих изданий, начатого Библиотекой Академии наук в 1930 г.

В статье Т.В. Кульматовой более подробно рассмотрены проблемы работы над каталогом, получившим название «Столетнего», и состояние этой работы спустя более чем 60 лет (2008 г.). Достоинством этой работы, во многом уточнявшей и раскрывавшей подробности, связанные с составлением каталога, является публикация двух архивных документов, связанных с работой К.И. Шафрановского над II частью полного каталога изданий Академии наук.

Подводя итоги реализации плана составления каталога всех изданий Академии наук следует отметить, что, несмотря на усилия сотрудников двух подразделений БАН (Академического собрания — ныне Научно-исследовательского отдела изданий Академии наук и Научно-библиографического отдела — ныне Научно-исследовательского отдела библиографии и библиотековедения) и достигнутые ими результаты, план полностью осуществлен не был. При этом были как достижения, так и потери. Достижениями можно считать подготовленный, хотя и не в полной мере, и так и не опубликованный «Столетний каталог», реально существующий в машинописной форме и позволяющий наводить справки об изданиях Академии наук за этот период. Опыт подготовки мемориальных проектов НИОИАН мог бы послужить основанием для завершения и издания этой работы.

Еще одним достижением можно назвать регулярное, начиная с 1957 г., издание ежегодников «Библиография изданий Академии наук», отражающих документальный поток второй половины 20 века. Учитывая указатели, отражающие издания за 1930–1933 гг., а также мемориальный проект издания ежегодников за 1941–1945 гг., можно считать, что основания для полного отражения изданий Академии наук XX века заложены.

То, что не попадает в категорию достижений, связано с проблемами и Библиотеки, и России в целом. Те причины, по которым Библиотека

на протяжении длительного времени не могла издавать в полном объеме даже подготовленные в ее стенах указатели, сложно назвать недостатками работы ее сотрудников. Прежде всего это было связано с ограничениями объемов печатной продукции, в том числе и библиографических указателей, для Библиотеки (нехватка бумаги и полиграфические проблемы), что приводило к вымыванию ряда элементов библиографического описания из библиографической записи (сокращение сведений об ответственности: количества фамилий авторов и организаций; указание объема авторефератов и другие).

К сожалению, из структуры библиографических указателей изданий Академии наук постепенно исчезли отраслевые указатели, издававшиеся в первой трети XX века. Нет возможности издать печатный каталог изданий Академии наук (как это делает Библиотека конгресса со своими каталогами). Из всех видов библиографических указателей до настоящего времени сохранились лишь ежегодники и частично относящиеся к нашей теме персональные указатели, включающие не только издания Академии наук.

Таким образом, для реализации плана по составлению полного каталога изданий Академии наук у Библиотеки Академии наук еще имеются очень широкие возможности.

Список источников

1. Роспись оным книгам, которые по ныне Академией наук в Санктпетербурге напечатаны и в книжной лавке для продажи находятся. Санкт-Петербург, 1735; Каталог русских книг, изданных Академиею Наук и находящихся в продаже у ее комиссионеров. Санкт-Петербург, 1856.
2. [Шемиот В.П.] *Tableau general methodique et alphabetique des matieres continues dans les publications de L'Academie imperiale des sciences de St.-Petersbourg depuis sa foundation.* Saint Petersburg, 1872. Pt. 1: Publications en langues etrangeres. XII, 488, [1] p.; [Шемиот В.П.] Систематический и алфавитный указатель статей, помещенных в периодических изданиях и сборниках Императорской Академии наук, а также сочинений, изданных Академией отдельно, со времени ее основания по 1872 г. включительно. Санкт-Петербург, 1875. Ч. 2: Сочинения на русском языке. X, 402, [1] с.
3. [Кубасов И.А.] Каталог изданий Императорской академии наук. Санкт-Петербург, 1912–1916. Ч. 1–3.
4. Математика в изданиях Академии наук, 1728–1935: библиогр. указ. / сост. О.В. Динзе и К.И. Шафрановский; под ред. В.И. Смирнова; с предисл. А.Н. Крылова; Акад. наук СССР, Библиотека. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1936. 314, [1] с.; Геология в изданиях Академии наук. Вып. 1. 1828–1928 / сост. О.К. Смирнова, Э.П. Файдель, К.И. Шафрановский; под ред. и с предисл. Я.С. Эдельштейна; Акад. наук СССР, Библиотека. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1938. 470, [1] с.; Химия в изданиях Академии наук СССР. Вып. 1. 1728–1930 / сост. В.П. Алексеева, О.А. Чичагова, К.И. Шафрановский; Акад. наук СССР, Библиотека. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1947. 328, [3] с.
5. В Президиуме // Вестник АН СССР. 1946. № 7. С. 81.
6. Шафрановский К.И. К вопросу о библиографии изданий Академии наук // Труды Библиотеки Акад. наук СССР. Москва; Ленинград, 1948. Т. 1. С. 54–66.
7. Кульматова Т.В. К.И. Шафрановский и составление в БАН полного каталога изданий Академии наук // Чтения памяти Константина Илларионовича Шафрановского (1900–1973). Санкт-Петербург, 2011. С. 28–37.

PONOMAREVA N. The plan for the preparation of a catalog of all publications of the Academy of Sciences and its implementation in the 2nd half of the 20th century

Ponomareva Nina — Senior Researcher of the Research Department of Bibliography and Library Science of the Russian Academy of Sciences Library, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Russian Academy of Sciences Library
Saint-Petersburg, Russia, e-mail: nvponomareva@inbox.ru

ABSTRACT

During the celebration of the 220th anniversary of the formation of the Academy of Sciences, were held the exhibitions of publications of the Academy of Sciences prepared by the RASL and the FBON. They revealed not only the achievements of the Academy of Sciences in publishing scientific and popular science literature, but also the problems of its reflection in bibliographic indexes. The plan for preparing a catalog of publications of the Academy of Sciences and the specifics of its implementation in the Academy of Sciences Library are of interest to scientists and historians of bibliography.

Keywords: bibliography of publications of the Academy of Sciences, complete catalog of publications of the Academy of Sciences, the history of bibliography, Academy of Sciences Library.

Л.М. Карамышева, Г.Н. Панкратова, Е.А. Осадчая

**РУКОВОДИТЕЛИ БИБЛИОТЕКИ БИН:
от истоков до наших дней**

Карамышева Лариса Михайловна — главный библиотекарь, сектор организации работы с подразделениями БАН при НИУ (Оргсеть), Библиотека Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия, e-mail: lmk@rasl.nw.ru

Панкратова Галина Николаевна — сотрудник, заведующий отделом БАН при БИН (до 2019 г.), Библиотека Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия, e-mail: lmk@rasl.nw.ru

Осадчая Екатерина Александровна — инженер-программист, научно-исследовательский отдел информатики и автоматизации (НИОИА), Библиотека Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия, e-mail: oia@rasl.nw.ru

АННОТАЦИЯ

В статье в краткой форме приводятся основные биографические сведения о людях, возглавлявших библиотеку Ботанического института (отдел БАН при БИН), а также перечисляются основные заслуги этих деятелей как ученых и как библиотекарей. Текст дан в порядке хронологии их пребывания на посту главы библиотеки. Материал проиллюстрирован портретами.

Ключевые слова: историография, Библиотека Академии наук, Ботанический институт им. В.Л. Комарова, история науки.

История библиотеки БИН неразрывно связана с историей Аптекарского огорода, Ботанического сада, Музея и Ботанического института. Хроника создания библиотеки имеет свою предысторию. Еще до появления специальной библиотеки в начале XVIII века ботаники, служившие в Аптекарском огороде, пользовались библиотекой Медицинской канцелярии, а затем и Медико-хирургической академии, в самом же Саду были только случайные книги. И только в 1823 году (22.03.1823), после преобразования Аптекарского сада в Петербурге в Императорский Ботанический сад, который должен был стать главным ботаническим учреждением страны, встал вопрос об организации специальной библиотеки.

Директором Императорского сада был назначен Федор Богданович фон Фишер (Фридрих Эрнст Людвиг фон Фишер). Федор Богданович много сделал для своего детища. Поддерживаемый щедротами Александра I и вниманием монаршей семьи к этому учреждению, Фишер (по отзывам современников) своей неутомимой деятельностью успел довести Ботанический сад до такого цветущего состояния, какое только позволяли местные климатические условия [1]. Оранжереи Императорского сада считались в то время одними из богатейших в Европе. Для создания рисунков оранжерейных растений по инициативе Фишера в Ботанический сад были приглашены художники, среди которых Бессонов, Малинин, Матте, Сатори, Штоль и другие. В результате этой работы было создано 487 рисунков, отличавшихся большой фактической точностью и высокой художественностью. Эта коллекция вошла в состав первоначально-

го фонда библиотеки, организованной в 1824 году как научно-вспомогательное и справочное подразделение Сада.

Первым штатным библиотекарем был назначен **Лев (Людвиг) Львович Флери** (1776 — после 1845), приглашенный директором Сада Фишером на работу в организованную библиотеку Ботанического сада. Изначально в штате Императорского Ботанического сада числился только один библиотекарь, и он, как правило, совмещал эту должность с другими обязанностями. Лев Львович состоял одновременно и ученым секретарем для внутренней и внешней переписки, и библиотекарем. По отзыву Фишера, Флери имел отличные познания в языках и других науках; он также прекрасно зарекомендовал себя как библиотекарь на службе у министра народного просвещения графа А.К. Разумовского. Именно он был инициатором приобретения первых коллекций для библиотеки — коллекции Ф.Х. Стефана и графа А.К. Разумовского. При вступлении в должность Флери дал клятвенное обещание ни к какой масонской ложе не принадлежать и «верно и нелицемерно служить ... не щадя живота своего... Самодержавству и споспешествовать ... пользе Государственной». Этот Клятвенный лист хранится до сих пор в Архиве РАН [2]. Известно, что в возрасте 69 лет Флери оставил службу и покинул Россию.

В 1845 году библиотекарем был назначен **Федор Иванович Базинер** (1817–1862). Теодор Фредерик Юлиус Базинер — ботаник, натуралист, путешественник, исследователь Казахстана и Средней Азии, д-р философии; родился в Лифляндии (территория нынешней Латвии). По окончании Дерптского университета (ныне Тартуский университет в Эстонии) был командирован в 1841 году в Петербургский Ботанический сад для участия в качестве ботаника в экспедиции в Хиву; свои исследования он впоследствии описал в труде «Путешествии г. Базинера через киргизскую степь в Хиву». Позже эта книга была удостоена Демидовской премии. В 1845 году Федор Иванович получил место библиотекаря и секретаря по иностранной корреспонденции. Ф.И. Базинер был членом многих ученых обществ, имел степень доктора философии. По отзывам современников, он был чрезвычайно трудолюбивым человеком. Однако, в связи с плохим состоянием здоровья, был вынужден поменять климат. В 1849 году был перемещен на должность старшего помощника инспектора сельского хозяйства в южных губерниях. Его последнее место работы, которой он также всецело отдавался — Древесный питомник в Киеве, где он получил должность заведующего. На Базинера возлагались большие надежды — он должен был изучать садовые плантации в европейских странах, но в связи с ухудшением здоровья Федор Иванович был отправлен на лечение за границу, и умер по дороге на курорт, в Вене в 1862 году.

Преемником Ф.И. Базинера в должности библиотекаря с 1849 года по 1864 г. стал **Эрнест Карлович фон Берг**. Помимо выполнения библиотечных функций, Эрнест Карлович еще состоял и ученым секретарем, и хранителем кабинета сухих растений. Он хорошо разбирался в книжном деле и оказывал читателям всестороннюю библиографическую помощь, был автором ряда публикаций о библиотеке Ботанического сада и ее фондах, составителем первого печатного систематического каталога

(1852 г.). Каталог и поныне является опорным справочным историческим материалом библиотеки БИН. В СБО БАН хранится также единственный экземпляр этого издания с титульным листом. Эрнест Карлович был составителем еще одного библиографического издания — Каталога неопубликованных рисунков художников, приглашенных первым директором Императорского Ботанического сада Ф.Б. Фишером для отображения первичной коллекции растений Сада. За библиотечные заслуги в совокупности был удостоен званий Почетного корреспондента (1853 г.) и Почетного члена (1862 г.) Публичной библиотеки. В 1864 году Берг покинул столичный Санкт-Петербург и Ботанический сад и переехал в г. Лодзь на службу в Министерство народного просвещения.

Николай Егорович Цабель (1831–1910) — русский ботаник, публицист, издатель, редактор и педагог. Родился в Лифляндии в 1831 г. Окончил курс в Главном педагогическом институте в Санкт-Петербурге и был назначен старшим учителем естественных наук в Екатеринославскую губернскую гимназию (1853 г.) с обязательством прослужить в Министерстве Народного просвещения не менее 8 лет. Но уже в 1857 году ему удалось перевестись в Санкт-Петербург, в Павловский кадетский корпус учителем естественных наук. В 1863 году получил ученую степень магистра ботаники за диссертацию «О волокнистом строении стенок клеточек» и до 1866 года преподавал ботанику в Петербургском технологическом институте. Также был приват-доцентом в Санкт-Петербургском университете, и в течение двух лет (с 1864 по 1866 год) работал библиотекарем в библиотеке при Императорском Ботаническом саде. В 1866–1880 годах Н.Е. Цабель жил и работал в Крыму, где был директором Императорского Никитского ботанического сада и школы садоводства. Основал в Крыму общество садоводов и виноделов, а также журнал «Крымский вестник садоводства и виноделия», был редактором журнала «Сад и огород». С 1884 года жил и работал в Москве — исполнял обязанности инспектора женской гимназии. 7 декабря 1884 года жалован дипломом на потомственное дворянское достоинство. В Москве Николай Егорович Цабель состоял вице-президентом Общества любителей садоводства.

Сергей Матвеевич Розанов (1840–1870) — известный русский ботаник; был на посту библиотекаря весьма непродолжительное время. Первоначальное образование получил в Митавской гимназии, которая была прогрессивным учебным заведением и являла собой переходную форму от академической гимназии к университету. После окончания Санкт-Петербургского университета он три года стажировался в ботанических институтах Германии и Франции, где и опубликовал свои первые научные труды. По возвращении в Петербург в 1866 году Сергей Матвеевич был определен в Санкт-Петербургский Ботанический сад сначала библиотекарем, а с 1868 года — главным ботаником. Он был популяризатором ботаники — читал лекции по садоводству, но как ботаника его в большей степени занимало собственное детище — основанная им физиологическая лаборатория, поэтому вскоре библиотечные обязанности были возложены на преемника. С.М. Розанов был очень перспективным ученым, но его судьба сложилась не лучшим образом: в октябре 1870 года, Розанов, страдая болезнью легких и сердца, отпра-

вился на лечение в Италию, но на пути туда, 21 ноября, так и не доехав до Палермо, в возрасте тридцати лет скоропостижно скончался. Он был известен как ученый, как переводчик учебника ботаники Юлиуса Сакса и как учредитель Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей.

А преемник его, **Аполлон Сильвестрович Гуссаковский** (1841–1875) более известен нам, скорее, как русский композитор, нежели как ученый. Во 2-й половине 1850-х гг. занимался сочинительством музыки под руководством М.А. Балакирева, был близок «Могучей кучке». Н.А. Римский-Корсаков вспоминал: «Сочинения его — фортепианные вещи — были большею частью не окончены: множество скерцо без трио... Все это была прекрасная музыка бетховенско-шумановского стиля... талантливые наброски иногда оставались даже незаписанными, а лишь помнились Балакиревым наизусть» [3]. Однако уже в начале 1860-х годов Аполлон Сильвестрович оставил сочинительство музыки и занялся наукой. В 1863 году он окончил факультет естественных наук Санкт-Петербургского университета, стал химиком-почвоведом и был утвержден в ученой степени кандидата. Поступил на службу сначала в Департамент уделов, а затем был переведен в Департамент сельского хозяйства. В декабре 1864 года он был командирован за границу для изучения теории сельского хозяйства. По окончании командировки в 1867 г. Аполлон Сильвестрович вернулся в Санкт-Петербург и был назначен библиотекарем Императорского Ботанического сада и состоял в этой должности до 1868 года. После работы в Ботаническом саду преподавал в Петербургском земледельческом институте (ныне Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет им. С.М. Кирова). Умер в Санкт-Петербурге в 1875 году от чахотки.

Фердинанд Эмилиевич фон Гердер (Гердер Фердинанд Емельянович; Хердер Фердинанд Теобальд Максимилиан) (1820–1896) был известен как библиограф, ученый-садовод, фенолог. Родился в 1820 году в Баварии; окончил курс юридических наук в Гейдельбергском университете. Затем в Цюрихском университете посещал курс по естественным наукам, но по политическим мотивам вынужден был эмигрировать в Швейцарию, где и познакомился с Эдуардом Людвиговичем Регелем, выдающимся ученым-ботаником, садоводом, доктором философии, который впоследствии и вызвал его в Петербург. В 1856 году Ф.Э. Гердер поступил на службу в Императорский Ботанический сад помощником ученого садовода. Параллельно работе в Саду Гердер представил диплом на степень кандидата физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета (1860 г.). Через 10 лет (1866 г.) работы в Саду получил должность младшего консерватора, а в 1868 году — библиотекаря, которую занимал вплоть до отъезда за границу в 1892 году в связи со смертью своего покровителя и друга — Регеля. Фердинанд Эмилиевич фон Гердер известен прежде всего как составитель второго, дополненного и исправленного систематического каталога библиотеки Ботанического Сада, изданного в 1886 году, а также многими другими ценными библиографическими работами, опубликованными в основном в журнале *Botanisches Centralblatt*.

Семен Иванович Ростовцев (1861–1916) закончил естественное отделение физико-математического факультета Московского университе-

та, защитил магистерскую диссертацию «Материалы к изучению группы Ужовниковых папоротников»; был отправлен за границу на стажировку, занимался у известных профессоров Германии и Франции. По возвращении в Россию (1892 г.) два года занимал пост библиотекаря Императорского Ботанического сада; будучи библиотекарем читал лекции для посетителей Сада, например, «Цветет ли папоротник» или «О цветковых паразитных растениях...», параллельно читал лекции в Санкт-Петербургском университете. В 1894 году полностью погрузился в исследовательскую и преподавательскую деятельность как приват-доцент на кафедре ботаники в Московском университете. В 1907 году защитил диссертацию и получил степень доктора ботаники. Вошел в историю как русский ботаник (автор более 70 научных работ), переводчик и педагог, составитель популярнейшего карманного Определителя растений для экскурсий в окрестностях Москвы, а также как один из авторов статей по морфологии и систематике растений Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона и Энциклопедического словаря Гранат, крупнейших дореволюционных русских универсальных энциклопедий.

Владимир Ипполитович Липский (1863–1937) — выдающийся украинский и российский ученый-ботаник, историк ботаники, флорист, систематик, ботаник-географ, путешественник, организатор. Родился в семье потомственных священнослужителей, закончил естественное отделение Физико-математического факультета университета Св. Владимира в Киеве. С 1887 по 1894 год работал в разных должностях в Ботаническом саду Киевского университета: хранителем, ассистентом кафедры ботаники. С 1893 года по приглашению директора Петербургского Ботанического сада А.Ф. Баталина переезжает в Петербург. В Петербургском Ботаническом саду проработал в общей сложности более 20 лет, состоя сначала хранителем Гербария, затем — в течение одного года — библиотекарем, с 1895 года старшим хранителем и, наконец, главным ботаником, заведующим Отделом живых растений. В 1918 году возвратился на Украину, в Киев, где занял пост директора Ботанического сада АН УССР. В мае 1919 года избирается действительным членом АН УССР. В 1922–1927 годах был Президентом АН УССР, а позже и президентом Академии наук СССР. С 1928 по 1933 год Владимир Липский работал директором Одесского ботанического сада, после чего подал в отставку в связи с нежеланием поддерживать идеи Трофима Лысенко. В 1936 году он совершил последнюю научную поездку — в Узбекистан и Туркменистан. Умер в 1937 году в Одессе. Владимир Ипполитович Липский является автором I и III части юбилейного издания «Исторического очерка Императорского Санкт-Петербургского Ботанического сада за 200 лет его существования (1713–1913)» [4].

Иван Густавович Клинге (Йоханнес Кристоф Клинге) (1851–1902) — ученый-ботаник. В 1879 году Клинге защитил в Дерптском университете магистерскую диссертацию. С 1879 по 1895 год И.Г. Клинге занимал должность помощника директора Ботанического сада в Дерпте и в качестве приват-доцента читал лекции по ботанике и тельматологии (учение о болотах). В 1893 году получил степень доктора ботаники. В 1895 году Иван Густавович перешел на службу в Императорский Санкт-Петербургский Ботанический сад на должность библиотекаря, и два года спу-

стя, будучи библиотекарем, был награжден Орденом Святой Анны 3-й степени. Основным детищем Ивана Густавовича как библиотекаря был печатный систематический каталог, который содержал описания 14 000 названий описаний. В 1899 году Клинге получил место главного ботаника и оставил библиотечную должность; а в 1896 году дополнительно стал заведующим Станцией для испытания семян при Саде.

Георгий Адамович Надсон (1867–1939) — российский и советский микробиолог, ботаник, генетик; академик АН СССР (1929 г.), заслуженный деятель науки РСФСР (1933 г.). Родился в Киеве. После окончания естественного отделения Санкт-Петербургского университета в 1889 году преподавал там же анатомию, физиологию, морфологию и систематику растений; с 1891 года хранитель ботанического кабинета. В 1897–1929 гг. — заведующий кафедрой ботаники Женского медицинского института (ныне Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова), одновременно являлся директором библиотеки Ботанического сада (1899–1930 гг.). В 1905 и в 1913 годах пишет статьи о библиотеке Императорского Санкт-Петербургского Ботанического сада и ее книжных сокровищах. [6]. В декабре 1911 и январе 1912 годов в связи со строительством на территории Сада нового здания для библиотеки и Гербария Георгий Адамович приезжает в Берлин, где знакомится с устройством и внутренним распорядком выдающихся библиотек. Помимо библиотеки Надсон серьезно занимался наукой: его интересовали новые формы жизни, изменчивость микробов. В разное время (1918–1938 гг.) он был руководителем Ботанико-микробиологической лаборатории Государственного рентгенологического и радиологического института, Лаборатории микробиологии АН СССР, созданной по его инициативе в Ленинграде, директором Института микробиологии АН СССР в Москве; был редактором первого в России журнала (1914–1938 гг.) по общей микробиологии. Большим событием в истории генетики было открытие Г.А. Надсона в соавторстве с Г.С. Филлиповым в 1925 году мутагенного эффекта ионизирующих излучений. Надсон по праву считается основоположником радиационной генетики, радиационной селекции микроорганизмов. В 1937 году семидесятилетний академик был арестован по обвинению в так называемой «антисоветской диверсионно-вредительской организации», в 1939 году по приговору Верховного суда был расстрелян. Похоронен, предположительно, на полигоне «Коммунарка», в Бутово. В 1955 году реабилитирован.

Иван Андреевич Оль (1884–1943) — ботаник, миколог, фитопатолог, библиотекарь-библиограф. И.А. Оль родился в Санкт-Петербурге, и вся его жизнь неразрывно была связана с этим городом. Учился в гимназии К. Мая, где получил обширные знания иностранных языков — кроме древних и русского, еще и немецкого, французского и английского. По окончании гимназии поступил в Санкт-Петербургский университет на физико-математический факультет. Практику проходил и у ботаников, и у зоологов. Под руководством А.А. Еленкина, заведующего отделом низших растений, начал работать на Центральной фитопатологической станции Санкт-Петербургского Ботанического сада. Женившись на сестре Еленкина, Лидии Александровне, переехал жить на территорию Ботанического сада — сотрудникам предоставлялось жилье

непосредственно на территории Сада. В период с 1909 по 1921 год Иван Андреевич занимался научной деятельностью, преимущественно связанной с микологией, изучая паразитические грибы на мхах, хвойных и культурных растениях. Он является автором 12 научных работ; описал несколько новых видов грибов-вредителей. В 1921 году Иван Андреевич перешел на работу в библиотеку, сначала в качестве помощника заведующего Г.А. Надсона, а с 1930 года и до конца жизни был заведующим библиотекой. К библиотечному делу относился очень ответственно. При нем был создан предметный каталог книг, поступивших в библиотеку после 1900 года. Оль опубликовал 17 работ по библиографии, составил сводки советской и иностранной литературы по ботанике. По совокупности научных работ в области ботаники и библиографии ему была присуждена ученая степень кандидата биологических наук. Во время войны Иван Андреевич Оль жил в блокадном Ленинграде, эвакуирован летом 1942 года в г. Казань, где пытался наладить библиотечное дело в казанской группе БИН, но силы были подорваны, и 19 февраля 1943 года он умер.

Александр Александрович Корчагин (1900–1977) — советский ученый-геоботаник и бриолог, доктор географических наук (1940 г.), доктор биологических наук (1941 г.). Родился в Витебске, учился в Москве в Петровской сельскохозяйственной академии; в годы Гражданской войны служил в Красной Армии, занимался охраной мостов. В 1923 году переехал в Ленинград и в 1925 году окончил Ленинградский лесной институт, в тридцатых годах преподавал в Ленинградском государственном университете. С 1926 года — член Ботанического общества. В 1935 году А.А. Корчагин стал кандидатом биологических наук без защиты диссертации. Великая Отечественная Война, начавшаяся в 1941 году, прервала нормальный учебный процесс в Университете. В 1942 году ЛГУ был эвакуирован в г. Саратов. Оставшись в блокадном Ленинграде, Александр Александрович перешел на работу в БИН, сперва на должность старшего научного сотрудника, а затем исполнял одновременно обязанности заведующего Отделом геоботаники и библиотеки. В 1944 году ЛГУ реэвакуировался из Саратова, и ученый возвратился на должность заведующего кафедрой ботанической географии Университета.

Заведующим библиотеки в течение 1945, военного года, был **Роман Юльевич Рожевиц** (1882–1949) — советский ботаник, специалист по злаковым растениям, заслуженный деятель науки РСФСР. Роман Юльевич — коренной петербуржец — родился, вырос и учился в Санкт-Петербурге. Его дедом по материнской линии был известный петербургский художник бельгийского происхождения, действительный член Академии художеств — Август Моррен. В 1902 году, окончив реальное отделение Петришуле, Роман Юльевич поступил на естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета; окончил его с дипломом по географии. В 1905 году (еще будучи студентом) был принят на должность служителя в Императорский Ботанический сад, где служил по вольному найму до 1911 года; в 1906–1912 годах участвовал в экспедициях в Бухару, на Памир, в Среднюю Азию и Казахстан, посетил важнейшие гербарии Европы в Лондоне, Париже и Берлине. С июля 1911 года был назначен помощником консерватора,

а в 1913 году — младшим консерватором. В 1934 году Рожевиц получил степень доктора биологических наук, был составителем описаний ко многим родам и видам растений из семейств Злаковые для издания «Флора СССР». В 1947 году был удостоен почетного звания Заслуженного деятеля науки СССР. Оставив должность заведующего библиотекой, Р.Ю. Рожевиц до конца дней своих руководил сектором общего гербария Ботанического института АН СССР; скончался 26 июля 1949 года в Ленинграде.

Даниил Владимирович Лебедев (1914–2006) — выдающийся историк науки, библиограф и ботаник. Был дважды на посту руководителя библиотеки БИН — с 1946 по 1949 и с 1951 по 1952 годы. Родился на Украине, в селе Старо-Игнатъевка Мариупольского уезда. С 1933 по 1938 год учился на биологическом факультете Ленинградского государственного университета, после окончания ЛГУ поступил в аспирантуру на кафедру генетики. В 1941 году был исключен из комсомола и отчислен из аспирантуры Ленинградского университета за борьбу против Т.Д. Лысенко и отказ отречься от арестованных учителей — Н.И. Вавилова, Г.Д. Карпеченко и др. Избежать дальнейших репрессий Лебедеву помог парторг биофака, который организовал отъезд Даниила Владимировича в Ереван, в местный Ботанический институт к будущему академику А.Л. Тахтаджяну. В годы Великой Отечественной войны был мобилизован в действующую армию, участвовал в боях с июля 1941 года по сентябрь 1945 года на Ленинградском и 3-ем Белорусском фронтах, служил на различных офицерских должностях — от командира взвода до начальника штаба стрелкового полка, был ранен, награжден боевыми орденами и медалями. Демобилизовавшись из армии в феврале 1946 года, Лебедев выбрал для себя новую специальность — руководителя научной библиотекой Ботанического института, где за короткое время овладел комплексом необходимых библиотечно-библиографических знаний. В мае 1949 года по предложению директора БАН И.И. Яковкина занял должность его заместителя. Так, с перспективой стать директором БАН закончился первый (довольно благоприятный) период пребывания Д.В. Лебедева на посту заведующего библиотекой БИН. После его ухода на место руководителя ботанической библиотеки были последовательно назначены еще двое ученых, а его судьба на новом месте работы складывалась не столь благополучно. Уже менее чем через месяц, после смерти директора Яковкина, Д.В. Лебедева назначили и.о. директора БАН. В этой должности он пробыл чуть меньше года. В мае следующего, 1951 года Василеостровским районом ВКП(Б) Лебедев был исключен из партии, в которую вступил на войне, с формулировкой: «За неприятие мер к очищению кадров Библиотеки АН СССР...». В ноябре того же 1951 года Лебедев был освобожден от должности заместителя директора БАН и переведен уже во второй раз заведующим библиотекой БИН, и вскоре был уволен. В июле 1953 года начал работать в должности младшего научного сотрудника группы истории и библиографии ботаники Ботанического института; затем работал ученым секретарем БИН, долгие годы был председателем Библиотечного совета библиотеки. Позже перешел на работу в Ленинградское отделение Института истории естествознания и техники. Даниил Владимирович — автор около 600

работ по ботанике, истории науки, библиографии, в том числе около 200 биографий отечественных и зарубежных ботаников в «Большой советской энциклопедии». Он также является автором ряда статей о библиотеке БИН [6, 7]. В 1950–1960-х годах был членом редколлегии «Ботанического журнала». Будучи членом Комиссии АН СССР по сохранению и разработке научного наследия Н.И. Вавилова, Лебедев много сделал для восстановления исторической правды о нем и его соратниках.

В период перевода Д.В. Лебедева в БАН, на пост директора библиотеки БИН был назначен **Моисей Эльевич Кирпичников** (1913–1995) — российский ботаник-систематик. Был пятым, младшим ребенком в многодетной семье. Дед Моисея Эльевича был раввином. После окончания школы-семилетки у молодого Кирпичникова было мало шансов поступить в высшее учебное заведение, так как во времена НЭПа его отец был объявлен «лишенцем», а члены семьи ограничены в правах. Приехав в 1929 году в Ленинград, поступил на работу в магазин «Техническая книга» продавцом. Заинтересовавшись химией, он в 1932 году устроился на работу препаратором в Государственный институт прикладной химии, в котором велись работы по созданию искусственного каучука. В 1934 году Моисей Эльевич поступил на биологический факультет Ленинградского университета, а в 1939 году его окончил и по распределению был направлен в заповедник «Аксу-Джабаглы», но оказалось, что ботаник заповеднику был не нужен, и он начал работу в Большеземельской экспедиции, которая проводила геоботанические съемки в бассейне Печоры. М.Э. Кирпичников прошел всю Великую Отечественную войну. Несмотря на наличие брони, он написал заявление в военкомат о направлении его на фронт, и в 1942 году, после окончания курсов усовершенствования комсостава, в звании младшего лейтенанта приступил к командованию ротой на Карельском фронте. После освобождения Карелии участвовал в боях в Венгрии, Румынии и закончил войну в 1945 году в Австрии. Был дважды ранен, но от госпитализации отказывался. Награжден боевыми орденами и медалями. В 1946 году поступил в аспирантуру БИН. С 1949 по 1950 год работал в БИН РАН, занимал ряд должностей в Институте и одновременно был заведующим научной библиотекой. Сложив полномочия руководителя библиотеки, продолжал ее курировать на общественных началах и до конца своих дней был председателем Библиотечного совета. В 90-х гг. был автором ряда работ о библиотеке и ее фондах [5], участвовал в факсимильном издании Зибольда. В 1955 году подписал «Письмо трехсот».

Юрий Леонтьевич Горощенко (1906–1995) — ученый-генетик. Уроженец города Киева; внук крепостного, сын зубного врача, он с детства проявлял интерес к естествознанию. В 1931 году закончил биологическое отделение физико-математического факультета Ленинградского университета по специальности «Генетика». Еще будучи студентом, начал активно участвовать в экспедициях, посвященных изучению домашних животных: в Туркменистане, Монголии, Киргизии, на Северном Кавказе. С 1932 по 1936 год был научным сотрудником Института генетики АН СССР, руководимого Н.И. Вавиловым. Проводил работу по гибридизации домашних овец с диким бараном, в результате которой была выведена ныне известная порода — архаро-меринос. После

того как Институт генетики был переведен в Москву, работал в Ленинградском зоотехническом институте в Гатчине, в Пушкинском сельскохозяйственном институте. С первых дней Великой Отечественной войны Юрий Леонтьевич находился в рядах советской армии на Ленинградском фронте. Участвовал в боях по снятию блокады, освобождению Выборга и Эстонии. Награжден боевыми орденами и медалями. В январе 1946 года, после демобилизации, Юрий Леонтьевич вернулся на работу в Пушкинский сельскохозяйственный институт, позже перешел на Бородинскую биологическую станцию Ленинградского университета, но в 1950 году, в период разгула лысенковщины, Ю.Л. Горощенко стал работать старшим редактором в Библиотеке АН СССР, в библиотеке при БИН. В 1950–1951 годах исполнял обязанности заведующего этой библиотекой. Последним местом работы ученого стал Институт цитологии АН СССР. За большой вклад в науку и борьбу против лысенковщины Ю.Л. Горощенко был награжден Орденом Трудового Красного Знамени.

Алла Валериановна Солнцева (Иванова–Горелкина) (1904–1970) была назначена заведующей библиотекой БИН после увольнения Д.В. Лебедева. Алла Валериановна — первый руководитель библиотеки, имеющий профессиональное образование библиотекаря, а не специалиста в области ботаники. Родилась в Великом Устюге Вологодской области. В 1925 г. окончила Коммунистический политико-просветительный институт им. Н.К. Крупской по специальности «Библиотекарь-педагог». В БАН работала с декабря 1947 по апрель 1959 г. сначала в отделе спецхрана, затем как заведующий библиотеками ленинградской сети, с сентября 1952 по апрель 1953 года заведовала библиотекой БИН. Заканчивала Алла Валериановна свою трудовую деятельность в БАН старшим библиотекарем в библиотеке ИРЛИ (Пушкинского Дома). Награждена медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной Войне 1941–1945 гг.».

Зоя Васильевна Васильева (1922–2001) в 1940 году после окончания средней школы поступила в Ленинградский институт киноинженеров. С началом Великой Отечественной войны и блокады оставалась в городе. После расформирования института первые два военных года работала санитаркой в эвакуогоспитале № 928, а затем — до октября 1944 года — была сотрудником органов УМГБ в Ленинграде. Имела воинское звание сержанта. В 1948 году окончила Ленинградский государственный библиотечный институт им. Н.К. Крупской по специальности «Библиография». В БАН работала с апреля 1953 по июль 1981 года. В 1953 году заступила на должность главного библиотекаря — заведующего библиотекой Ботанического института, где проработала более четырех лет. С 1957 года перешла на работу в главное здание центральной библиотеки; заведовала фондом литературы группового хранения, руководила отделом хранения основных фондов. Активно участвовала в партийной и общественной жизни Библиотеки. Награждена медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Нина Николаевна Цветкова (1923–2005) в 1947 г. окончила Киргизский сельскохозяйственный институт им. академика К.И. Скрябина по специальности «Агроном». В 1952 году окончила очную аспирантуру

при Естественнонаучном институте им. П.Ф. Лесгафта и защитила диссертацию в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А.И. Герцена. В 1954 году получила ученую степень кандидата биологических наук. В БАН работала с 1957 по 1979 год и с 1993 по 1998 год. С февраля 1957 по сентябрь 1976 года (в течение 20 лет) возглавляла библиотеку БИН. Была членом Ученого Совета БАН. Позже работала в должности старшего библиотекаря, младшего научного сотрудника, затем уже на общественных началах продолжала вести научно-библиографическую работу. С октября 1994 года проживала в Доме-пансионате ветеранов науки РАН в Пушкине (Пушкинский район Санкт-Петербурга). Основной производственной деятельностью было комплектование фонда библиотеки. Автор статей о библиотеке БИН [6], составитель ряда ретроспективных библиографических указателей и печатных каталогов, в том числе составитель и редактор четырех выпусков продолжающегося издания по мохообразным. Награждена государственными наградами, имела звание «Ветеран труда».

Галина Николаевна Панкратова (родилась в 1944 г.) в 1967 году окончила библиотечный факультет Ленинградского государственного института культуры им. Н.К. Крупской по специальности «Библиотекарь-библиограф высшей квалификации технических библиотек». В БАН работала с июня 1962 по август 2021 года — в общей сложности около 60 лет. Это — рекордный стаж. Начала свою трудовую деятельность в ОФО, на участке городского МБА, затем в 1966 году перешла в отдел БАН при БИН, где занимала различные библиотечные должности вплоть до сентября 1976 года, когда была назначена на должность заведующего отделом. Основная деятельность Г.Н. Панкратовой как организатора была направлена на руководство отделом, формирование, сохранность и раскрытие документного фонда [5]. Галина Николаевна — продолжатель лучших традиций библиотеки; ей удалось не только сохранить, но и преумножить фонд библиотеки, имеющий огромную культурную, научную и историческую ценность. Г.Н. Панкратова — участник ряда международных проектов по факсимильному изданию Ф. Зибольда и организации передвижных выставок в Японии. За время своего руководства отделом Галина Николаевна вырастила целую плеяду высококвалифицированных библиотечных работников. Ее деятельность была неоднократно отмечена наградами ведомственного и государственного значения.

Мария Сергеевна Зими́на (Солопова) (родилась в 1989 г.) в 2012 году окончила СПбТБиИТ. В этом же году поступила на заочное отделение библиотечно-информационного факультета СПбГУКИ, обучение в котором успешно окончила в 2016 году. В БАН работает в течение 11 лет: сначала в Секторе организации работы с подразделениями БАН при НИУ, в 2013–2014 гг. она выполняла обязанности руководителя библиотеки РМО, а с февраля 2019 года руководит отделом БАН при БИН. Мария Сергеевна — организатор и участник различных научно-методических мероприятий — семинаров и конференций, проводимых в БАН. Под руководством М.С. Зиминой в отделе регулярно проводятся книжно-иллюстративные выставки, раскрывающие богатейшие фонды библиотеки, каждая из которых является интересным событием в культурной жизни города. Мария Сергеевна Зими́на является основным организато-

ром комплекса юбилейных мероприятий, посвященных 200-летию библиотеки БИН: научной конференции, выставки редких и ценных изданий, экскурсий по библиотеке и экспозициям, информационных передач на петербургском телеканале.

Как мы увидели, за 200 лет существования библиотеки Ботанического института — отдела БАН при БИН ею руководили разные люди: ученые, библиотекари (в списке 22 фамилии), каждый из которых внес свою посильную лепту в дело формирования библиотеки как учреждения, имеющего мировую значимость, с уникальным справочным аппаратом и книжным собранием, исчерпывающе отражающим все научные направления ботанической науки, и занимающего достойное место в ряду аналогичных библиотек мира.

Руководители Библиотеки БИН в порядке хронологии их пребывания на посту главы Библиотеки

- Флери Лев Львович: 1824–1845
Базинер Федор Иванович: 1845–1849
Фон Берг Эрнест Карлович: 1849–1864
Цабель Николай Егорович: 1864–1866
Розанов Сергей Матвеевич: 1866–1867
Гуссаковский Аполлон Сильвестрович: 1867–1868
Фон Гердер Фердинанд Эмилиевич: 1868–1892
Ростовцев Семен Иванович: 1892–1894
Липский Владимир Ипполитович: 1894–1895
Клинге Иван Густавович: 1895–1899
Надсон Георгий Адамович: 1899–1930
Оль Иван Андреевич: 1930–1942
Корчагин Александр Александрович: 1943–1944
Рожевиц Роман Юльевич: 1945
Лебедев Даниил Владимирович: 1946–1949
Кирпичников Моисей Эльевич: 1949–1950
Горощенко Юрий Леонтьевич: 1950–1951
Лебедев Даниил Владимирович: 1951–1952
Солнцева Алла Валериановна: 1952–1953
Васильева Зоя Васильевна: 1953–1957
Цветкова Нина Николаевна: 1957–1976
Панкратова Галина Николаевна: 1976–2019
Зими́на Мария Сергеевна: 2019 — по наст. время
Флери Лев Львович (1776 — после 1845) (портрета нет)

Базинер Федор Иванович
(1817–1862)

Цабель Николай Егорович
(1831–1910)

Розанов Сергей Матвеевич
(1840–1870)

Гуссаковский Аполлон
Сильвестрович (1841–1875)

Фон Гердер Фердинанд
Эмильевич (1820–1896)

Ростовцев Семен Иванович
(1861–1916)

Липский Владимир
Ипполитович (1863–1937)

Клинге Иван Густавович
(1851–1902)

Надсон Георгий
Адамович (1867–1939)

Оль Иван Андреевич
(1884–1943)

Корчагин Александр
Александрович (1900–1977)

Рожевиц Роман Юльевич
(1882–1949)

Лебедев Даниил
Владимирович (1914–2006)

Кирпичников Моисей
Эльевич (1913–1995)

Горощенко Юрий
Леонтьевич (1906–1995)

Солнцева Алла
Валериановна (1904–1970)

Васильева Зоя Васильевна
(1922–2001)

Цветкова Нина Николаевна
(1923–2005)

Панкратова Галина Николаевна (родилась в 1944 г.)

Зими́на Мари́я Серге́евна (родилась в 1989 г.)

Список источников

1. Русский биографический словарь в 25 томах. Санкт-Петербург, 1901. [Т. 21]: Фабер — Цявловский. С. 154.
2. Архив СПбФ АРАН, Ф. 151. Оп. 1. Хр. 2. С. 12–45.
3. Римский-Корсаков Н.А. Летопись моей музыкальной жизни. 4-е изд. Москва: МУЗГИЗ, 1955. С. 19.
4. Липский В.И. Императорский С.-Петербургский Ботанический Сад за 200 лет его существования (1713–1913). Ч. 1. Санкт-Петербург: Тип. Акц. о-ва тип. дела, 1913.
Ч. 1–408 с., 14 л. ил.
Ч. 3–583 с., 9 л. портр.
5. Кирпичников М.Э. Сокровища ботанической литературы: из фондов библиотеки Ботанического института им. В.Л. Комарова Российской Академии наук / М.Э. Кирпичников, Г.Н. Панкратова // Централизованная сеть петербургских академических библиотек: Становление и развитие: Сб. статей. Санкт-Петербург: БАН, 1992. С. 57–70.
6. Цветкова Н.Н. Библиотека Ботанического института им. В.Л. Комарова (История и современное состояние) / Н.Н. Цветкова, З.Ф. Крюкова, Д.В. Лебедев // Библиотечно-библиографическая информация библиотек Академии наук СССР и академий наук союзных республик. Москва, 1967. № 3. С. 102–116.
7. Лебедев Д.В. Библиотека Ботанического института / От Аптекарского огорода до Ботанического института: Очерки по истории Ботанического института Академии наук СССР; Отв. ред.: П.А. Баранов, Е.Г. Бобров. Москва–Ленинград: Изд-во АН СССР, 1957. 308 с.

KARAMYSHEVA L., PANKRATOVA G., OSADCHAYA E. The Heads of the BIN library: from the very beginning to the present day

Karamysheva Larisa — Chief librarian, Sector for organizing library network, Russian Academy of Sciences Library
Saint-Petersburg, Russia, e-mail: lmk@rasl.nw.ru

Pankratova Galina — Former employee, head of the RASL department at BIN (until 2019)
Russian Academy of Sciences Library
Saint-Petersburg, Russia, e-mail: lmk@rasl.nw.ru

Osadchaya Ekaterina — Software engineer, Research Department of Informatics and Automation (NIOIA), Russian Academy of Sciences Library
Saint-Petersburg, Russia, e-mail: oia@rasl.nw.ru

ABSTRACT

The article briefly provides the basic biographical information about the people who headed the library of the Botanical Institute (department of RASL at BIN), and also lists the main merits of these figures as the scientists and as the librarians. The material is given in chronological order of their tenure as head of the library.

Key words: historiography, Russian Academy of Sciences Library, Botanical Institute named after V.L. Komarov, history of science.

УДК 025.2:027.021
ББК 78.36

Г.Н. Панкратова

ФОРМИРОВАНИЕ ФОНДА БИБЛИОТЕКИ БОТАНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ИМ. В.Л. КОМАРОВА РАН

Панкратова Галина Николаевна — заведующий отделом БАН при БИН с 1976 по 2019 г., Библиотека Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия, e-mail: lmk@rasl.nw.ru

АННОТАЦИЯ

В статье приводится история формирования специализированного научного фонда литературы по ботанике с 1824 по 2019 г. Подробно описываются этапы работы по созданию фонда: первоначальное ядро — Библиотека императорского Ботанического сада; объединение с Библиотекой Ботанического музея Академии наук; отдел БАН при БИН как часть совокупного фонда централизованной системы БАН. Приводится профиль и источники комплектования. Дана краткая характеристика отдельных уникальных изданий.

Ключевые слова: Библиотека Академии наук, Библиотека Ботанического института им. В.Л. Комарова, периодизация истории формирования фондов 19, 20, 21 века, тип библиотеки: специальная ботаническая (научная) библиотека; источники комплектования: покупка книг, книгообмен, централизованное комплектование, дары профильных учреждений и ученых, раритеты.

В XVIII веке ботаники, служившие в Аптекарском огороде и в Медицинском саду, пользовались библиотекой Медицинской канцелярии, а затем библиотекой Медико-хирургической Академии.

Только после того как в 1823 г. был учрежден Императорский Санкт-Петербургский Ботанический сад, который должен был стать центральным ботаническим учреждением страны, встал вопрос об организации специальной библиотеки. С этой целью в 1824 г. была куплена библиотека доктора медицины, философии и права Фридриха Христиановича Стефана (1757–1814), профессора Московской Медицинской школы, заведующего Ботаническим садом в Санкт-Петербурге в 1806–1809 гг. Кроме того, его называли первым директором частного Ботанического сада графа А.К. Разумовского в Горенках близ Москвы. Библиотека состояла из 637 названий в 1185 томах [1, с. 41].

Первая ботаническая книга на русском языке поступила из собрания Стефана. Это ботаническая часть лексикона, составленного коллежским асессором Петербургской Академии наук К. Кондратовичем, и изданного в 1780 г. в Петербурге.

В этом же году (1824) директор Сада Федор Богданович Фишер, командированный в Германию, Францию и Англию, приобрел книги для библиотеки на сумму 6 270 руб. ассигнациями (1 руб. асс. = 25–27 коп.).

В следующем, 1825 году была приобретена у Ф.Б. Фишера ботаническая часть библиотеки графа Алексея Кирилловича Разумовского, всего 403 сочинения в 900 томах. А.К. Разумовский (1748–1822) — государственный деятель, с 1810 г. министр народного просвещения. При его лич-

ном содействии в 1811 г. состоялось открытие Царскосельского лицея и выработан его Устав. Известный любитель ботаники, он в 1798 г. основал замечательный Ботанический сад в Горенках [1].

В этих двух коллекциях было много редких старинных сочинений и превосходных иллюстрированных дорогих изданий, до сих пор составляющих гордость нашей библиотеки.

С 1827 г. библиотека Сада находилась в круглом зале при старой (или запасной) оранжерее, в начале 30-х гг. XIX века библиотека была перенесена в большой зал главного деревянного дома, где жил директор Сада.

В 1830 г. были приобретены книги от Лакруа в Париже на сумму 3600 руб. ассигнациями, через Гуннемана в Англии на 2112 руб. ассигнациями, а в 1833 г. за 570 талеров приобретено 359 сочинений из библиотеки, оставшейся после профессора К. Мертенса. В Ботанический сад стекаются в огромном количестве растения со всего Земного шара. Полнота библиотеки Сада становится одной из первостепенных задач пополнения фонда библиотеки в последующие годы и предметом постоянных забот. С этой целью выделяется по 6000 руб. ассигнациями в год на приобретение книг. Библиотека быстро разрастается — так, в 1852 г. она уже располагала 4400 сочинениями в 9 900 томах.

С 1856 до июля 1914 года библиотека находится рядом с гербарием на 2-м этаже каменного здания, выходящего на Песочную улицу (ныне ул. Профессора Попова).

Библиотека обогащается и ценными Государевыми подарками, пожертвованиями от учреждений, научных обществ и частных лиц, но главным источником оставалась покупка книг.

Среди редких книжных экземпляров в библиотеке хранится уникальный атлас рисунков растений Георга Форстера, выдающегося немецкого писателя и натуралиста, уделявшего много внимания изучению растительного мира. Иоганн и Георг Форстеры сопровождали Джеймса Кука в его втором кругосветном путешествии (1772–1775 гг.), а по возвращении занимались обработкой собранных материалов. В 1776 г. вышла из печати книга «Путешествие вокруг света» о флоре островов Южного полушария, а годом позже — двухтомное описание путешествия. Г. Форстер подготовил к изданию атлас рисунков растений, сделанных с натуры во время путешествия. Единственный экземпляр атласа попал к английскому ботанику А. Ламберту, а после продажи его библиотеки в Берлине — в известную книготорговую фирму Фридлендера, у которой атлас был куплен для библиотеки Ботанического сада в 1868 г.

В 1871 г. приобретены единственные экземпляры двух неизданных коллекций растений из Японии и с мыса Доброй Надежды, всего 385 таблиц, изготовленных знаменитым профессором К. Тунбергом [1, с. 95].

В том же году выходит в свет первый выпуск «Трудов С.-Петербургского Ботанического сада», а в 1901 г. — первый выпуск «Известий С.-Петербургского Ботанического сада». Эти два периодических издания становятся ценнейшим вкладом в книгообмен с профильными организациями России и за границей.

Ценным приобретением библиотеки в 1874 г. является издание австрийских ботаников К. Эттингсхаузена и А. Покорного (С. Ettingshausen

und A. Pokorny. *Physiotypia plantarum Austriacarum*. Wien-Prag 1870–1873. Текст: Т. I–II. Рис.: Т. I–X. 1 000 табл. folio) способом «самопечатания», которое достигло величайшей степени совершенства к концу XIX века (растения тщательно высушивались, расправлялись, посредством мягкого свинца делался слепок растения, а со свинцовых досок обыкновенной гальванопластикой приготавливались медные доски для печатания рисунков на бумаге. По точности и изяществу особенно хороши были отпечатки листьев растений) [1, с. 81].

Также замечательны по ценности и редкости издания E. Boissier «*Flora orientalis*», V. 1–5 (1879 г.), A. Engler «*Die natürlichen Pflanzen familien*», Lieferung, 1–170 (1890 г.); Hooker and Jackson «*Index Kewensis*», V. 1–4 (1895 г.). Из числа вновь поступивших сочинений в 1882 г. было прислано в обмен 256 названий, в дар от разных лиц в России и за границей — 116 названий. Покупались книги у книгопродавцев Риккера и Дейбнера в Петербурге.

К концу 1898 г. в библиотеке находилось около 14 000 сочинений в 27 000 томах.

Периодические издания поступали из 13 европейских государств, Америки, Азии, Австралии.

17 февраля 1899 г. заседание в Императорском Ботаническом саду проходило под председательством Ее Императорского Высочества Принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской, почетного члена Сада. На заседании был поднят вопрос о необходимости испрошения особых средств на пополнение библиотеки недостающими изданиями по различным отраслям чистой и прикладной ботаники.

В первые годы XX века были переданы в дар вдовой академика С.И. Коржинского 1040 ед. книг, из Азиатского музея Императорской Академии наук, согласно духовному завещанию доктора Э.В. Бретшнейдера, поступили в библиотеку рукописи ботанического содержания, госпожа Г.К. Лунина, дочь академика К.И. Максимовича, принесла в дар ценное собрание оригинальных рисунков растений К.И. Максимовича, всего 896 листов. Кроме того, ею пожертвованы оригиналы к рисункам во «*Flora Mongolica*» и «*Flora Tangutica*».

К 1913 г. в библиотеке числилось 38 420 томов и 407 названий периодических изданий.

Помещение библиотеки было переполнено, книги в шкафах расставлялись в три ряда. Директор библиотеки Георгий Адамович Надсон в подробном рапорте директору Сада Александру Александровичу Фишеру-фон-Вальдгейму писал: «считаю долгом еще раз усердно ходатайствовать о немедленном принятии мер для обеспечения библиотеки надлежащего помещения».

В декабре 1911 и январе 1912 г. по поручению Ботанического сада Надсон ознакомится в Берлине с устройством и внутренним распорядком выдающихся библиотек.

Закладка нового здания происходила в августе 1911 г. К ноябрю того же года величественное четырехэтажное здание уже было подведено под крышу. Оборудование нового здания специальной мебелью было закончено в 1914 году, и в этом же году летом Гербарий и библиотека были размещены с удобством и перспективой. Следует заметить, что

работоспособность и оперативность В.Л. Комарова, которому поручили руководить переносом гербария, не позволили занять здание под госпиталь.

Критическое положение было и в 1917 году. В отчете о состоянии деятельности Ботанического сада за 1917 г. отмечалось: «Обстоятельства потребовали от всего персонала особо напряженной, усиленной работы». Большое значение имело для Гербария и библиотеки посещение 8 марта депутатами Первого пулеметного полка, которые вынесли следующую резолюцию: «Это учреждение представляет из себя сокровищницу, которую нужно хранить и беречь как достояние народа». Эта резолюция способствовала тому, что здание не было занято ни Первым пулеметным полком, ни другими воинскими частями.

Первый выборный директор Ботанического сада Б.Л. Исаченко в 1922 г. был командирован в Германию, Словакию, Францию, Англию, Голландию для возобновления сношений Ботанического сада с ботаническими учреждениями Западной Европы, а также для установления регулярного обмена изданиями и закупок книг.

На 1 января 1923 г. в библиотеке было 20 614 сочинений в 45 147 томах. Российских периодических изданий — 75 названий, из Европы, Америки, Азии, Австралии — 114 названий.

1930 год — судьбоносный год для Ботанического сада — он передан в ведение Академии наук.

С 1 октября 1931 г. постановлением сессии АН СССР было осуществлено объединение Ботанического сада и Ботанического музея Академии наук в единый Ботанический институт АН СССР [2, с. 278]. Одновременно Библиотека Ботанического института как Отдел БАН при БИН была включена в общую академическую библиотечную сеть, объединенную Библиотекой АН СССР. Важным событием было пополнение Отдела фондами Библиотеки Ботанического музея Академии наук.

Небольшая историческая справка о библиотеке Ботанического музея.

Инициатором создания Ботанического музея Академии наук был академик Карл Антонович Триниус. 1835 год — официальная дата основания музея, когда ботанические коллекции были выделены из Петровской Кунсткамеры.

Карл Триниус, разбирая коллекции, сосредотачивал сначала лишь нужные ему справочные издания. Но с 1826 г. стал производиться отбор ботанической литературы из Библиотеки Академии наук. Уже в первой половине XIX века Библиотека Ботанического музея обладала своими фондами, главным образом иностранных изданий. Против использования фонда центральной библиотеки в качестве источника комплектования библиотек сети выступал академик Карл Бэр, возглавлявший второе отделение БАН.

К 1862 г. библиотека музея насчитывает 2 825 сочинений. Из БАН с 1864 по 1878 г. передано 2420 книг.

Благодаря ходатайствам, в 1893 г. А.А. Куник, директор первого отделения БАН, выразил согласие уступить русские сочинения, соответствующие профилю специальной библиотеки.

Другими источниками пополнения фонда были дары ученых, пожертвования научных учреждений и частных лиц.

Но уже в конце XIX века усиливается независимое от БАН комплектование библиотеки музея путем покупки, в т.ч. и частных коллекций, за счет средств Ботанического музея Академии наук.

Ботанический музей Академии наук с 1844 по 1859 г. издает 11 выпусков серии «Материалы к ближайшему познанию прозябаемости Российской Империи» [2, с. 297], а с 1902 по 1932 г. издаются «Труды Ботанического музея Академии наук». Эти два периодических издания способствовали налаживанию обмена изданиями с другими организациями.

В 1900 г. библиотека Ботанического музея получила весьма существенное приращение через пожертвование академиком Михаилом Степановичем Ворониным почти всей своей библиотеки в 2000 томов, не считая значительного количества брошюр. Книги Воронина касались главным образом низших растений, преимущественно микологии. Но самый ценный дар, которым Воронин дорожил всю свою жизнь, — пергаменты, вложенные в картонную обложку с надписью его рукой: «18 рисунков M.S. Merian». Большинство рисунков Марии Сибиллы Мериан изображают садовые растения Голландии и только четыре рисунка — растения Суринама. На трех рисунках имеются автографы художницы, а на одном рисунке, на обороте стоит дата «1670».

В произведениях художницы Воронина привлекали умение разглядеть мельчайшие детали анатомического строения и морфологии стеблей, понимание взаимосвязей в мире природы.

Упомяну еще три коллекции оригинальных рисунков, поступивших в нашу библиотеку из библиотеки Ботанического музея Академии наук.

Это альбом декабриста П.И. Борисова «Букет Восточной Сибири. Малая Разводная. 1844», состоящий из 65 акварелей.

Автор альбома Петр Иванович Борисов (1800–1854) и его старший брат и помощник Андрей Иванович Борисов (1798–1854) были основателями и руководителями Общества соединения славян, созданного в 1823 г. В 1826 г. оба брата были арестованы и приговорены к каторжным работам в Сибири. С июля 1841 г. и до конца жизни находились в деревне Малая Разводная, расположенной недалеко от Иркутска.

Сын чиновника по особым поручениям Главного управления Восточной Сибири Иннокентий Кузьмич Драган продал альбом в 1910–1911 годах Академии наук.

Еще один альбом — «*Icones florae pekinensis*», содержащий 452 оригинальных рисунка в двух футлярах. Рисунки с первого по двухсотый номер, помещенные в футляр, не имеют титульного листа. Второй футляр включает титульный лист: «*Icones florae pekinensis*, А. Татаринов, акварели китайских художников, 1856, 201–452 рис.».

Татаринов Александр Алексеевич, выпускник Императорской медико-хирургической академии в Петербурге, в 1839 г. был включен в качестве врача в Русскую духовную миссию, направлявшуюся в Китай.

Он получил письменные инструкции по сбору научного материала от Академии наук. В качестве одного из образцов научного пособия для отъезжающих в Китай были рекомендованы альбомы М.С. Мериан.

С именем российского ботаника Карла Ивановича Максимовича связана судьба следующего альбома оригинальных рисунков «*Flora japonica*

delineationibus», приобретенного после смерти немецкого естествоиспытателя и исследователя Японии Ф.Ф. Зибольда.

В 60-х годах XIX века Максимович был мировым авторитетом в изучении флоры Восточно-Азиатского региона, в 1860–1864 гг. ученый работал в Японии. На основе его материалов была сформирована научная база для изучения флоры Японии.

Цена усилия и достижения академика К. Максимовича, Российская Академия наук оказывала всестороннюю поддержку его деятельности. В 1869 г. по представлению ученого были выделены специальные суммы на покупку японского гербария Зибольда и его собрания оригинальных рисунков японской флоры. Коллекции были куплены у вдовы Филиппа Франца фон Зибольда.

Библиотека Ботанического музея в конце 1912 г. находилась в ведении младшего ботаника В.Н. Сукачева.

К марту 1914 г. в библиотеке значилось:

	Русских	Иностранных	Всего
Книг, названий	2234	9517	11751
Книг, томов	2898	12676	15574
Журналов, названий	92	305	397
Журналов, томов	623	3162	3785

Всего названий: 12 148

Всего томов: 19 359

На декабрь 1931 г. общий фонд библиотеки Ботанического музея составлял 35 000 единиц.

И вот новый отчет жизни нашей библиотеки, но уже в статусе Отдела Библиотеки Академии наук СССР при Ботаническом институте Академии наук СССР.

Штат библиотеки был переведен в 1934 г. в штат БАН, кроме руководителя библиотеки — директор библиотеки оставался в штате Ботанического института до 1953 г.

В конце 30-х годов в библиотеку была передана литература из личных библиотек ученых БИН: геоботаника Е.В. Вульфа, физиологов растений А.Н. Данилова и В.Н. Любименко, миколога В.Г. Траншеля, в 1932 г. получено 6 000 ед. из личной библиотеки Н.И. Кузнецова.

БАН приступил к комплектованию нашей библиотеки, но не всегда он удовлетворял потребности Отдела БАН при БИН. Вот фрагмент из отчета директора библиотеки Ботанического института в 1940 г.: «Централизованное финансирование через БАН затрудняет получение авансов на покупку книг на внутреннем рынке. Комплектование советской книгой происходит крайне неорганизованно. Библиотека БИН совершенно не обеспечена своевременным получением даже академических изданий. Отсутствие обмена внутри СССР приводит к тому, что библиотека БИН с 1930 г. совершенно перестала получать научные издания с периферии».

В годы Великой Отечественной войны, в тяжелейших условиях блокады Ленинграда библиотека БИН продолжала работать. Централизованное комплектование через БАН до 1943 г. практически не осуществлялось.

Литература по сельскохозяйственной ботанике, выходявшая в ленинградских издательствах, поступила в библиотеку в 1943 г.

В этом же году поступило 485 ед. книг и брошюр, включая и поступления из личных библиотек ученых, в частности, от ботаников-систематиков растений Николая Адольфовича Буша и Бориса Алексеевича Федченко (280 названий).

Значительно пополнены фонды библиотеки литературой по генетике и культурной флоре мира собранием книг академика Николая Ивановича Вавилова, свыше 20 000 ед. поступили в 1946 г. [2].

В этом же году вдова академика В.Л. Комарова — Н.В. Комарова — передала в дар Институту ботаническую часть библиотеки покойного президента Академии наук СССР. В этом собрании содержится много ценных изданий по флоре и систематике растений, особенно по Китаю, Японии и Советскому Дальнему Востоку. Библиотека хранится как мемориальное собрание и расположена в его личном кабинете в здании Гербария. Всего около 10 000 единиц [2].

В 1954 г. поступило в дар 936 ед. из библиотеки профессора В.А. Бриллиант-Лерман, физиолога растений.

На основании распоряжения БАН из библиотеки Института цитологии и фондов бывшего Государственного Естественно-научного института им. П.Ф. Лесгафта на баланс библиотеки БИН в 1958 году было передано 860 ед. монографий, отечественной и иностранной периодики.

С 1960 по 1990 г. — золотое время для централизованного комплектования нашей библиотеки через БАН.

Комплектование в БАН осуществляется в соответствии с «Профилем комплектования отдела БАН при БИН». Профиль ориентирован на интересы фундаментальной науки, на обеспечение исследовательской работы по систематике, флористике, морфологии и эмбриологии, географии растений, палеоботанике, геоботанике и другим классическим направлениям ботаники.

Отечественная литература заказывается через выставку для заведующих библиотек сети на основе просмотра обязательного экземпляра, получаемого БАН.

В эти годы наши заказы выполнялись на 90 %.

Периодические издания заказывали через БАН в агентстве «Союзпечать». Журналы, издаваемые институтом, регулярно поступали в библиотеку БИН и БАН.

Полная ясность о журналах, получаемых по МКО БАН, достигалась регулярным контактом с корреспондентами МКО.

БАН выделял валютные ассигнования на выписку монографий и журналов. Список изданий утверждался на Библиотечном совете Ботанического института.

Совет по формированию фонда БАН осуществлял координацию комплектования всех иностранных изданий; при совпадении информационных запросов распределение поступлений решалось с участием ученых. К счастью, ботаническая тематика практически не имела конкурентов.

Библиотека БИН использует все возможные пути получения изданий: для докомплектования литературы за старые годы используются обмен-

но-резервные фонды БАН и библиотек страны, выставки продукции крупнейших иностранных издательских фирм и учреждений.

На 1 января 1964 г. фонд библиотеки составлял 440 730 единиц.

С 1964 по 1983 г. фонды библиотеки пополнились литературой из семи библиотек ученых БИН:

- 1964 г., палеоботаническая литература от А.Н. Криштофовича;
- 1967 г., из библиотеки академика Академии наук, геоботаника, основоположника научного направления — биогеоценологии, В.Н. Сукачева;
- геоботаника Б.А. Тихомирова;
- палеокарполога П.И. Дорофеева;
- 159 ед. литературы по альгологии от Е.С. Зиновой;
- А.И. Прошкиной-Лавренко, литература по альгологии;
- 1983 г., 125 ед. от С.Ю. Липшица.

В 1977 г. было сформировано групповое хранение «Каталогов семян, предлагаемых для обмена» (*Delectussemimen* или *Indexsemimen*) в количестве 12 210 ед., из 54 стран мира. Каталоги представляют документальный предельно лаконичный научный отчет о результатах акклиматизационных работ ботанических садов. С.-Петербургский ботанический сад с 1835 г. выпускает «Каталог» ежегодно. В XIX веке в ряде выпусков давались первоописания растений.

По состоянию на 1983 г. фонд библиотеки составил 515 965 единиц.

Через закупочную комиссию БАН в 1983 г. было приобретено редчайшее издание по микологии «*Wasson V.P. and Wasson R.G. Mushrooms, Russia and History*», Т. 1–2, 1957 г., изданное тиражом всего 512 экз. *Infolio*.

В 1988 г. через закупочную комиссию БАН были куплены 155 ед. иностранных монографий из библиотеки члена-корреспондента Андрея Александровича Федорова. Основной массив представлен крупными сводками и справочными изданиями по флоре и растительности Земного шара, по экологии и охране растительного мира.

После 1996 г. фонды библиотеки БИН пополнились литературой из пяти библиотек ученых БИН:

- М.Э. Кирпичникова;
- И.А. Линчевского (599 ед.);
- И.Т. Васильченко (1373 ед.);
- академика А.Л. Тахтаджяна;
- А.А. Корчагина и М.В. Сеняниновой-Корчагиной.

Обозначить все источники поступления литературы в фонды библиотеки в одной статье невозможно. Для примера процитирую фрагменты из отчета отдела БАН при БИН за 2003 год: «Жительница блокадного Ленинграда, далекая от ботаники, но любящая Санкт-Петербургский Ботанический сад, на свои дивиденды купила в честь 300-летия города для нашей библиотеки две книги: Redoute R.J. “*The lilies*” и Redoute P.J. “*Romantic Roses*”».

В сентябре 2002 г. профессор Ботанического сада МГУ Михаил Георгиевич Пименов, находясь в Санкт-Петербурге и предвидя поездку в Германию в *Humboldt-Universität* в Берлине, попросил от нас официальную бумагу для издателя журнала *Zeitschrift für Botanische Taxonomie und Geobotanik/Feddes Repertorium/Günther Natho*. По нашей просьбе корреспондент МКО БАН подготовила это письмо, и таким образом удалось

ликвидировать лакуны журнала за 11 лет с 1991 по 2002 г., всего 37 ед. М.Г. Пименов сам привез эти журналы, предусмотрев возможные неожиданности при досмотре.

За отчетный период получено в дар из библиотеки National Herbarium Nederland двенадцать монографий и девять номеров четырех названий журналов; из библиотеки Royal Botanic Garden, Kew — пять монографий и четыре номера двух названий журналов. Очередной том справочного издания прислал из Германии К. Kubitzki.

Видовая структура фонда библиотеки Ботанического института: книги, брошюры, журналы, авторефераты, оттиски статей из книг и журналов.

Неопубликованные документы: диссертации с 1936 г., рисунки, депонированные рукописи, препринты, микрофильмы, микрофиши, CD-ROM.

На 2024 г. насчитывается практически 600 000 единиц хранения в библиотеке, более 5000 названий иностранной периодики и более 3000 названий отечественной периодики.

Комплектование научной библиотеки зависит от ряда факторов, к которым относится:

- политика государства в области науки, библиотечного дела;
- состояние системы книгоснабжения;
- информационная и библиотечная политика Академии наук;
- место и роль БАН в общегосударственной, ведомственной и региональной библиотечной системе.

Список источников

1. Надсон Г.А. Библиотека Императорского С.-Петербургского Ботанического сада // Императорский С.-Петербургский Ботанический сад за 200 лет его существования (1713–1913). Санкт-Петербург, 1913. Ч. 2. С. 41–95.

2. Лебедев Д.В. Библиотека Ботанического института // От Аптекарского огорода до Ботанического института: очерки по истории Ботанического института Академии наук СССР. Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1957. С. 271–277.

PANKRATOVA G. Formation of the library fund of the Botanical Institute named after V.L. Komarov RAS

Pankratova Galina — Former employee, head of the RASL department at BIN (until 2019), Russian Academy of Sciences Library
Saint-Petersburg, Russia, e-mail: lmk@rasl.nw.ru

ABSTRACT

The article provides the history of the formation of a specialized scientific fund of literature on the botany from 1824 to 2019. There are described in details the stages of the creation of the fund: the Library of the Imperial Botanical Garden; merger with the Library of the Botanical Museum of the Academy of Sciences; RASL department at BIN as part of the total fund of the centralized RASL system. The profile and sources of acquisition are given. A brief description of rare and unique items is given too.

Keywords: Russian Academy of Sciences Library, Library of the Botanical Institute named after V.L. Komarov RAN, periodization of the history of the formation of the collections: 19th, 20th, 21st centuries, type of library: special botanical (scientific) library, sources of acquisition: purchase of books, book exchange, centralized acquisition, gifts from institutions and scientists, rarities.

М.А. Белинская, Л.М. Карамышева, Е.А. Тилева
**СУДЬБА ОДНОЙ КОЛЛЕКЦИИ:
работы художника Кавахара Кэйга в составе
«Рисованной японской флоры» Филиппа Франца фон Зибольда**

Белинская Мария Александровна — старший научный сотрудник, заведующий научно-исследовательским отделом информатики и автоматизации, Библиотека Российской академии наук Санкт-Петербург, Россия, e-mail: oia@rasl.nw.ru

Карамышева Лариса Михайловна — главный библиотекарь, сектор организации работы с подразделениями БАН при НИУ, Библиотека Российской академии наук Санкт-Петербург, Россия, e-mail: lmk@rasl.nw.ru

Тилева Екатерина Анатольевна — канд. биол. наук, заведующий научно-исследовательским отделом консервации и реставрации библиотечных фондов БАН, Библиотека Российской академии наук Санкт-Петербург, Россия, e-mail: tilekaterina@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В статье приводится история создания и приобретения уникальной коллекции ботанических рисунков известного немецкого ученого Ф.Ф. фон Зибольда. Подробно описываются разнообразные формы и методы работы с рисунками: как по их использованию, так и по сохранности. Приводятся новейшие методы мониторинга микроклимата хранилищ документов.

Ключевые слова: историография, изобразительные материалы, японские рисунки, Кавахара Кэйга, Филипп Франц фон Зибольд, Библиотека Российской академии наук, информационные карты сохранности, фактографические базы данных, мониторинг микроклимата, ИРБИС64.

В Библиотеке Российской академии наук, в отделе при Ботаническом институте им. В.Л. Комарова хранится коллекция японских рисунков под названием «Рисованная японская флора» Филиппа Франца фон Зибольда (Philipp Franz Balthasar von Siebold), оригинальное название коллекции — «Flora Japonica delineationibus ac picturis illustrata cura Ph.Fr. de Siebold». В состав коллекции входит 1 054 рисунка в восьми картонных коробках черного и коричневого цветов. Рисунки сделаны на бумаге красками, тушью или карандашом, размер изображений варьируется, средний формат 23–33 см, имеется сравнительно небольшое количество рисунков меньшего размера — 14–24 см, и даже еще меньше — от 9,3 см, последние, как правило, размещены по два на одном листе. В коробке № 8 хранятся 13 крупноформатных рисунков, сложенных вдвое, от 32 см в длину до 66 см в высоту. Личной печатью Кавахара Кэйга помечены 229 листов коллекции, еще 184 анонимные работы по стилистике могут быть приписаны его авторству. Рисунки являются уникальными как для европейцев, так и для японцев. В 1869 г. эта коллекция вместе с гербарием была приобретена Императорской академией наук для Ботанического Музея в Санкт-Петербурге по предложению авторитетного русского ученого Карла Ивановича Максимовича.

Рис. 1. Портрет Филиппа Франца Бальтазара фон Зибольда работы Кавахара Кэйга

История коллекции такова. Немецкий ученый-естествоиспытатель, медик Филипп Франц Бальтазар фон Зибольд (1796–1866) (рис. 1) в 1822 г. поступил на службу в вооруженные силы Нидерландов в качестве военного врача.

В начале 1823 г. был командирован в Голландскую Ост-Индскую компанию, откуда уже через несколько месяцев был переведен на японский остров Дэдзима (рис. 2), искусственно созданный в порту Нагасаки для обслуживания иностранных торговцев и миссионеров [1].

Зибольд нанимает японских художников, в частности, Кавахара Кэйга для выполнения заказов — в основном зарисовок флоры и фауны Японии, а также этнографических этюдов. В 1869 г., после смерти фон Зибольда и согласно его завещанию, Императорская академия наук приобрела для Ботанического музея в Санкт-Петербурге коллекцию ботанических рисунков и гербария. Так рисунки по воле их владельца оказались

в России, в Академии наук. В 1931 г., одновременно с объединением Главного ботанического сада и Ботанического музея АН СССР в единый Ботанический институт АН СССР, из библиотеки Музея в библиотеку объединенного Института поступила и эта коллекция. С тех пор работы хранятся в библиотеке, которая в 30-х гг. в результате реорганизации вошла в состав академической библиотечной сети, объединяемой Библиотекой Академии наук СССР (ныне Библиотека Российской академии наук), и стала ее подразделением.

За это время к фонду рисунков Зибольда неоднократно обращались отечественные и зарубежные исследователи, для работы которых требовалось описание коллекции, которым занимались сотрудники библиотеки. Первым и самым полным печатным каталогом коллекции стал труд библиотекаря Анны Моисеевны Алесиной под названием «Список оригинальных рисунков Ф. Зибольда», опубликованный в 1982 году на 30 страницах как приложение к статье с идентичным названием в периодическом издании «Новости систематики высших растений». Ценность этой публикации заключалась еще и в том, что редактировал эту работу авторитетный систематик, автор серии ботанических справочников Моисей Эльевич Кирпичников [2]. Что касалось оценки художественного исполнения работ, эта сторона вопроса долгое время оставалась неисследованной.

Кawahara Кэйга — японский художник позднего периода Эдо (1603–1868 гг.), более всего известный своими рисунками по заказам европейцев, живших на острове Дэдзима во времена самоизоляции Японии от внешнего мира. Kawahara Кэйга родился в г. Нагасаки предположи-

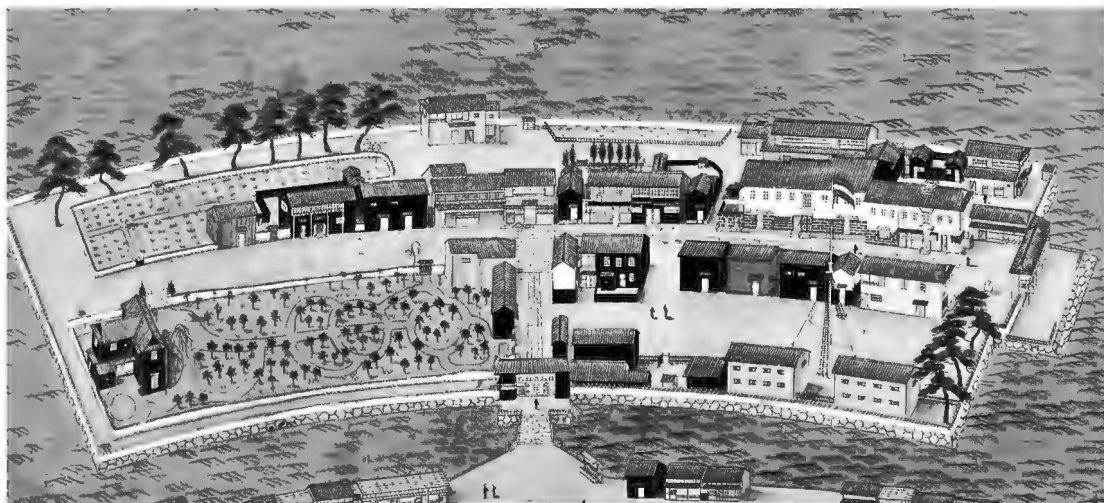

Рис. 2. Остров Дэдзима работы Кавахара Кэйга

тельно в 1786 г. Его отец, Кавахара Кодзан, художник и печатник, владел семейной мастерской по ксилографической печати так называемых «нагасакских картинок», именно он дал сыну базовые навыки техники живописи и печати гравюры. В дальнейшем свою карьеру художника Кэйга удалось построить отчасти благодаря семейным связям. Друг отца, Араки Гэнью был официальным оценщиком правительственной гильдии Японии, занимавшейся проверкой, каталогизацией и копированием зарубежных (преимущественно китайских и голландских) картин, импортируемых в Японию. Изначально для работы в гильдии художники назначались правительством, но вскоре, как это часто бывало в феодальной Японии, должность превратилась в наследственную. Ее занимали художники из четырех семей: Ватанабэ, Хироватари, Исидзаки и Араки. Сын Араки Гэнью, Исидзаки Юси, также входивший в состав гильдии, в 1831 году был официально приглашен для обучения молодых японских художников, среди которых был Кавахара Кэйга. Учеба в студии познакомила Кавахара Кэйга не только с приемами традиционной японской живописи, но и западно-европейской, и китайской техники. Эти знания несомненно повлияли на дальнейшее творчество художника. Исидзаки Юси имел связи с семьей высокопоставленного чиновника — уполномоченного представителя сёгуна в Нагасаки, вследствие чего имел беспрепятственный доступ на остров Дэдзима, принадлежавший Голландской Ост-Индской компании и полностью закрытый для простых японцев. Около 1811 г. Кавахара Кэйга по рекомендации Исидзаки Юси получил официальную должность художника фактории Дэдзима и стал единственным японским художником, которому было позволено посещать дома голландских торговцев на этом острове. Должность «допущенного на Дэдзиму художника» была введена специально для Кэйга и шла вразрез с системой наследуемых должностей. Кстати, она была отменена после смерти Кавахара Кэйга предположительно в 1860 г.

Кawahara Кэйга выполнял художественные заказы для европейцев: Яна Кока, директора фактории Дэдзима с 1817 до 1823 годы, Иоганна Фредерика ван Овермеера Фишера, служащего голландской Ост-Инд-

ской компании, и медика Филиппа Франца фон Зибольда. Все трое были служащими фактории Дэдзима в 20-х гг. XIX века, они же являлись тремя основными коллекционерами работ и самыми значимыми исследователями Японии первой половины XIX века. За время пребывания в Нагасаки им удалось собрать богатые коллекции предметов японского быта и внести значительный вклад в изучение этой страны. Только по оригинальным рисункам японских мастеров европейцы могли получить представление о Японии, ее быте, традициях, флоре и фауне, так как для всего мира Япония была закрытой страной в течение более двух веков с 1630 по 1860-е гг. По японским законам голландцам запрещено было покидать закрытую территорию острова Дэдзима без специального разрешения. У них было всего две возможности познакомиться с Японией. Во-первых, им были дозволены короткие прогулки по Нагасаки, что обходилось очень дорого, так как необходимо было нанимать целую свиту. Во-вторых, сначала один раз, а затем (после 1790 г.) четыре раза в год организовывались путешествия голландского посольства ко двору верховного главнокомандующего Японии — сёгуна в Эдо. Целью посольства было выражение почтения сёгуну, принесение даров, а также доклад директора фактории Дэдзима о состоянии торговли между Голландией и Японией. Благодаря этим путешествиям европейцам удалось познать Японию и собрать коллекции японских вещей.

Рабочий день Кавахара Кэйга, как отмечал учитель художника, был очень плотный: каждый день он был занят выполнением заказов европейцев, зарисовывая все, что вызывало их интерес. В названии многих альбомов и свитков Кэйга часто присутствует слово «сясин», означающее в переводе со старого японского «писать правду», а на современном языке означает «фото». Для европейских заказчиков были важны скорость работы художника и точность его зарисовок. Большую часть наследия Кэйга составляют бытовые сцены, изображения праздников и обрядов (свадьбы, похороны), зарисовки повседневной жизни, пейзажи, этнографические этюды с детальной прорисовкой элементов одежды и утвари. С приездом в факторию фон Зибольда начинается новый этап в творчестве Кавахара Кэйга. Немецкий ученый поручает ему множество заказов, в основном зарисовки флоры и фауны Японии. В 1825 г. в Нагасаки по приглашению фон Зибольда прибыл профессиональный ботанический художник Карл Хуберт де Вильнёв, у которого японский художник начал обучаться западным живописным приемам и техникам, в том числе и принципам ботанической иллюстрации. Де Вильнёв должен был сопровождать фон Зибольда во время поездки голландского посольства в Эдо, однако в 1826 г. он не был включен в состав посольства, потому что оказался четвертым европейцем в группе, тогда как ехать было разрешено только троим. Вместо де Вильнёва с фон Зибольдом поехал Кэйга. Во время похода он делал путевые наброски пейзажей, растений, животных. Кэйга работал тушью на японской бумаге. Затем с этих дорожных зарисовок он делал чистовой вариант уже на голландской бумаге в цвете или тушью и передавал свои работы фон Зибольду. Голландская бумага отличалась большей плотностью, чем японская бумага, что позволяло более четко воспроизвести мельчайшие детали, так как краски на такой бумаге не растекались. Кроме бумаги, худож-

Paulownia imperialis

Рис. 3. Горицвет сибирский

Рис. 4. Павлония или Императорское дерево

ник работал на шелке. Кэйга добавлял слой краски с обратной стороны шелковой ткани, добиваясь эффекта светонепроницаемости, при этом становились видны малейшие детали.

Кавахара Кэйга достиг впечатляющих высот в ботаническом рисунке. Выполняя заказы для Блумгоффа и Фишера, он в большом количестве зарисовывал японские растения, но при работе на фон Зибольда эта сторона художественной деятельности Кэйга вышла на новый уровень.

Немецкий ученый придавал ботаническим иллюстрациям не меньшее значение, чем гербарию, так как при хранении и транспортировке они имели явное преимущество. Фотографическая точность в совокупности с красотой и естественностью изображений растений обеспечили коллекции особую научную и художественную ценность, поэтому рисунки представляют интерес не только для ученых, но и для искусствоведов, а также для обычной публики, интересующейся искусством. Понимая это двоякое значение произведений, Зибольд вынашивал идею опубликования ботанической коллекции в достойном качестве. С этой целью в 1834 г. он отправился в турне по Европе, пытаясь собрать деньги на исследования и на публикацию своих работ. В первой же стране — России — он удостоился аудиенции у императора Николая I и был обласкан вниманием монаршей фамилии. Благодаря полученным материальным средствам, в 1835 г. ученый совместно с ботаником Йозефом Герхардом Цуккарини (Joseph Gerhard Zuccarini, 1797–1848) начинает издавать «Рисованную флору Японии» (Siebold. Flora Japonica de-

lineationibus... 1835, 1870). Издание выходило отдельными выпусками с 1835 по 1870 гг. и является полностью прижизненным трудом автора, что еще больше повышает его ценность [3]. Из общего числа рисунков было опубликовано 137. Текстовая часть минимальна: она содержит определения растений, иногда сведения об авторстве работ либо краткие дополнительные замечания.

К 200-летию со дня рождения Филиппа Франца фон Зибольда при содействии фонда друзей БАН в Германии и компании «Марузен» в Японии в 1993 г. вышло в свет факсимильное издание коллекции в 4 томах:

- в т. I помещены цветные иллюстрации в натуральную величину, размеры которых полностью соответствуют размерам рисунков;
- т. II выполнен в двух книгах — «А» и «В»; иллюстрации черно-белые, и их формат не соответствует оригиналам;
- в т. III включены дополнения и пояснения к предыдущим двум на японском языке.

Это издание подстегнуло интерес исследователей и публики к коллекции. Работы японских художников, в том числе Кавахара Кэйга помогали европейцам познакомиться с особенностями культуры, быта и природы Японии. Но и для самой Японии каждая встреча с работами соотечественника являлась важным событием в культурной жизни страны. С большим успехом на родине художника проходили показы рисунков из «Рисованной японской флоры». Самые ранние были организованы японской компанией «Art Life», занимающейся знакомством японского зрителя с европейским искусством [4]. Первая выставка под названием «Japanese Flowers Drawings Collections» с демонстрацией 199 работ состоялась в 1995 г. в четырех городах Японии, включая Токио. Второй тур с показом 287 рисунков прошел в 2002 г. в четырех других городах Японии, также включая Токио. Содержательно это была совершенно иная, новая для японского зрителя экспозиция под названием «Japanese Botanical Art and Illustrations from Siebold's collection». 2017–2018 годы были объявлены перекрестными Годом России в Японии и Японией в России. Библиотека Российской академии наук внесла свою значительную лепту в дело укрепления международных связей и наведения культурных мостов между странами. Третья выставка под названием «Ботанические рисунки Кавахары Кэйга из коллекции Библиотеки Российской академии наук» была организована в 2017 г. в рамках русско-японского проекта, осуществленного БАН и японской компанией Art Impression Inc., на которую Библиотека предоставила 125 рисунков художника.

Особенностью этой выставки стали специально отобранные произведения кисти Кавахара Кэйга, самого известного из японских художников, работавших на фон Зибольда. В течение 8 месяцев с коллекцией японских рисунков знакомилась местная публика. Выставка была также передвижной, она проводилась в трех музеях Японии, в трех разных городах: Сайтама (город в составе токийской агломерации), Симоносекисити и заканчивалась в Нагасаки, родном городе художника. Работа по приему-передаче экспонатов проходила в обычном режиме: рисунки сверялись со списком передаваемых экспонатов, кураторы выставки осматривали их, совместно фиксировались обнаруженные повреждения

и особенности, тут же проверялись размеры для рам. Надо отметить, что музейные работники очень хорошо подготовились к работе, изучив все изображения. Некоторым растениям они дали измененные ботанические названия, отличные от первоначальных, зафиксированных в каталоге. Коллеги охотно делились своими комментариями относительно рисунков. Приведем некоторые из них.

Рис. 3 — *Adonis sibirica Patr[in]*, горцицвет сибирский — первое растение, которое нарисовал Кавахара Кэйга по заданию фон Зибольда, о чем свидетельствует карандашная надпись фон Зибольда на оборотной стороне листа: «Die erste im Jahre 1824 unter den vom Maler Toioske gezeichnete Pflanze», «Первое [растение], в 1824 [году] зарисованное среди прочих художником Тойоске». «Toioske» (Toyosuke, 登与助) — один из псевдонимов Кавахара Кэйга, который он использовал в период работы в голландской фактории, буквально значит «Преуспевший в сотрудничестве». Имеется и второе изображение этого растения, хранящееся в Кунсткамере и по стилю отличающееся от нашего — более нарядное, праздничное, возможно, делалось как подношение: выполнено на шелке и богато декорировано по периметру.

Рис. 4 — *Paulownia imperialis S[ieb] et Z[ucc.] var jap[onica]* — императорское дерево. Филипп Зибольд и Йозеф Цуккарини дали растению название по отчеству дочери императора Павла I, Анны Павловны: назвать род Анна они не могли, поскольку такой род уже существовал, а отчество они приняли за второе имя. Растение присутствует на фамильном гербе императорской династии Японии; древесина легкая и прочная, из нее делают дорогостоящие сундуки для приданого невест благородного происхождения.

Японскими специалистами было отмечено превосходное состояние работ художника. На хорошую сохранность документов повлияла, несомненно, выбранная доктором Зибольдом изначальная форма их хранения: рисунки не были, как это часто практиковалось, переплетены в альбомы, не были сброшюрованы. Они были обернуты сложенными вдвое листами бумаги с надписанным названием семейства. Такая форма хранения позволяла легко и безболезненно изымать для работы нужные материалы.

Высокую оценку со стороны японских коллег получили современные методы хранения документов, применяемые в библиотеке — БАН уделяет большое внимание сохранности документов и коллекций, хранящихся в ее фондах [5–6].

К настоящему времени в БАН уже достаточно давно разработана и применяется технология фактографического описания библиотечных коллекций [7–10], включающая в себя заполнение информационных карт по сохранности и перенос этих сведений в фактографические БД, разработанные в программном обеспечении ИРБИС64. Анализ всего накопленного массива данных дает возможность специалистам отдела консервации и реставрации быстро провести оценку состояния как одного экземпляра коллекции, так и всей коллекции в целом, а также позволяет спланировать не только комплекс работ по превентивной консервации и реставрации, но и учитывает экологическую обстановку книгохранилища.

Информационные карты по сохранности разработаны для трех видов изданий: рукописей, особо редких и ценных изданий и изобразительных материалов.

Для изобразительных материалов в 2017 году при подготовке к выставке «Ботанические рисунки Кавахары Кэйга из коллекции Библиотеки Российской академии наук», проходившей в Японии, была разработана информационная карта, учитывающая особенности рисунков — наличие монтировочного листа, доступность оборотной стороны и т.п. [11–12].

Карта состоит из четырех страниц. Первая страница содержит неизменные атрибутивные характеристики объекта. К таким характеристикам относятся инвентарные и другие номера объекта, данные об авторе, названии, времени и месте создания, а также материаловедческое описание.

Вторая страница включает в себя непосредственно само изображение с нанесенными зонами повреждений, обозначенными специальными знаками. Применение такого метода фиксации повреждений для специалистов НИОКиРФ было осуществлено впервые, ведь до этого использовались длинные подробные словесные описания всех повреждений и их местонахождений на листе, условно разделенном на девять частей.

Данные третьей и четвертой страниц информационной карты описывают физическую сохранность материальной основы документа, степень и локализацию повреждений.

Эти данные можно отнести к динамическим характеристикам документа, полученным в процессе конкретного обследования или в ходе проведения стабилизационных работ.

После заполнения информационной карты данные об издании переносятся в электронную базу данных, разработанную в программном обеспечении ИРБИС64.

Для анализа данных в БАН уже достаточно давно в программном обеспечении ИРБИС64 используются специальные формы, представления данных в виде диаграмм, они представлены на слайде.

Перенос данных с информационных карт пока производится в ручном режиме, что требует от сотрудников НИОКиРФ дополнительных временных затрат и влечет за собой неизбежные ошибки.

В настоящее время в виде эксперимента была начата работа, осуществляемая совместно со студентами факультета инфокоммуникационных технологий ИТМО, по переносу информации с помощью компьютерного зрения в ИРБИС64 с отсканированных изображений.

Студенты разделены на две группы. Первая занималась распознаванием информации с каталожных карточек для ИМИДЖ-каталога БАН, а вторая сосредоточилась на переносе с отсканированных информационных карт информации, касающейся только сохранности. Она представляет собой в основном различные знаки — плюсы, галочки и др. в ячейках информационной карты. Для этих целей студентами ИТМО использовалась библиотека OpenCV языка программирования Python, которая предназначена для анализа, классификации и обработки изображений.

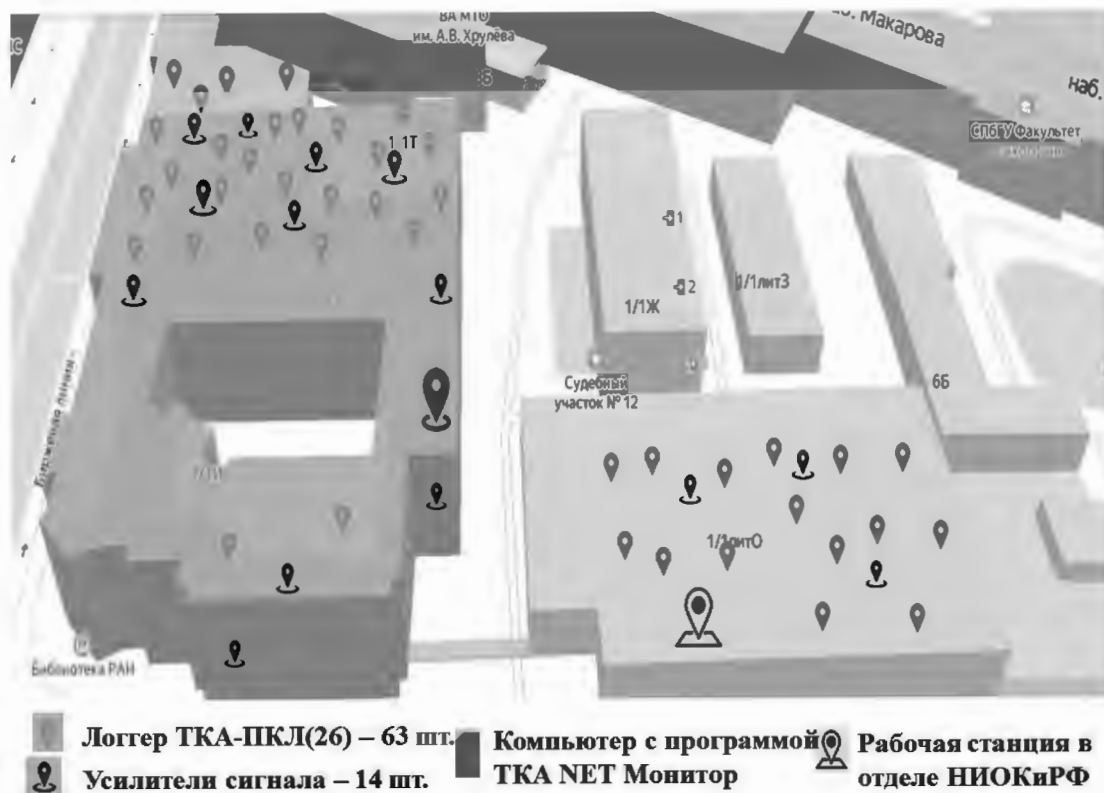

Рис. 5. Схема автоматической системы мониторинга микроклимата

Сканированное изображение проходит несколько этапов предобработки: оно преобразуется в оттенки серого, затем применяется бинаризация — выделение только черных и белых пикселей, после чего изображение стабилизируется, то есть проводится выравнивание, так как при сканировании могут быть различные искажения. После этого с помощью специального алгоритма определяются области, в которых могут быть обозначения. Анализ процента черного в каждой ячейке позволяет определить наличие или отсутствие знака в ячейке. Следующим этапом предполагается создание тестового файла, позволяющего импортировать данные по сохранности в ИРБИС64, тем самым значительно облегчив задачу специалистам Научно-исследовательского отдела консервации и реставрации библиотечных фондов.

С 2020 года в работу БАН внедрена уникальная система мониторинга микроклимата книгохранилищ [13–15], включающая возможность ввода данных как в автоматическом, так и в ручном режиме.

Для построения системы мониторинга используются измерительные приборы ТКА-ПКЛ(26) Санкт-Петербургского научно-технического предприятия «ТКА».

Автоматическая система мониторинга микроклимата (рис. 5), представляет собой 63 логгера, распределенных в хранилищах БАН, также 14 усилителей сигнала, ведь стены в здании БАН достигают полутора метров в ширину, а данные передаются по радиоканалу Lora на частоте 443 МГц на компьютер, расположенный в серверной БАН. В отделе

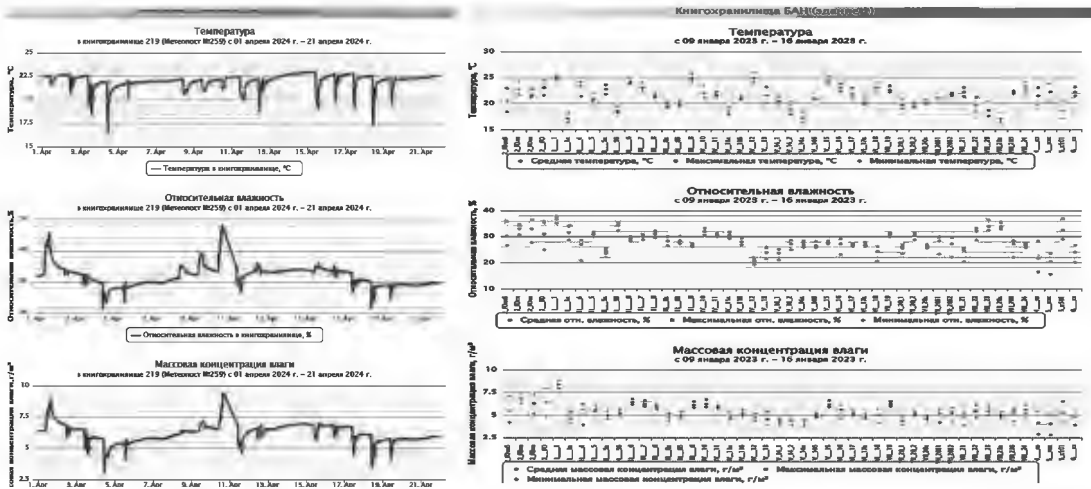

Рис. 6. Графики, полученные с помощью программного обеспечения ИРБИС64

консервации и реставрации имеется доступ к программному обеспечению, прилагаемому к системе — программе ТКА NET Монитор, которая позволяет наблюдать на экране монитора текущие значения измеряемых параметров микроклимата в режиме реального времени: температуры, относительной и абсолютной влажности, а также генерировать отчеты.

Измерения параметров проводятся каждый 15 минут. В конце суток автоматически формируется файл с данными измерений, который загружается в базу данных Микроклимата программного обеспечения ИРБИС64, являющуюся сводной архивной базой данных, куда, помимо автоматической загрузки данных с логгеров центральной библиотеки, заносятся, пока еще в ручном режиме, измерения из 22 подразделений БАН при научно-исследовательских учреждениях, включая и отдел БАН при БИН. С помощью ИРБИС64 также имеется возможность строить графики и анализировать уже весь массив накопленной информации (рис. 6).

На примере работ художника Кавахара Кэйга из коллекции Зибольда авторы хотели показать, как усилиями нескольких подразделений БАН удается достичь единой цели — сохранения книжного и рукописного наследия, являющегося памятью общества.

Список источников

1. Пресс А. Путешественники XIX века. Филипп Зибольд. Япония. Всеобщий двухнедельник, 1. 1911.
2. Алесина А.М. Список оригинальных рисунков Ф. Зибольда // Новости систематики высших растений. 1982. Т. 19. С. 231–263.
3. Siebold Ph.Fr. *Flora Japonica*... 1, 2. Lugduni Batavorum, 1835, 1870.
4. Панкратова Г.Н., Связева О.А. Выставки в научной библиотеке Ботанического института им. В.Л. Комарова РАН (Санкт-Петербург, 1965–2000) // Ботанический журнал. Санкт-Петербург: Наука, 2005. Т. 90, № 8. С. 1267–1273.
5. Леонов В.П., Беляева И.М., Нюкша Ю.П., Левашова Л.Г., Старова Е.В., Евстафьева Р.И. Комплексная система обеспечения сохранности и доступности библиотечных коллекций // Сохранение культурного наследия библиотек, архивов и музеев:

материалы Междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 14–15 февр. 2003 г. Санкт-Петербург, 2003. С. 30–37.

6. Нюкша Ю.П. Парадигма консервации для современной научной библиотеки // Материалы VII Междунар. конф. «Збереження, дослідження, консервація та експертиза пам'яток культурного наследія». Киев, 2009. С. 210.

7. Тилева Е.А., Белинская М.А., Панкратова Г.Н., Ветрова Л.Л., Цевелёва И.В., Алмазова Ю.А., Заборовская В.А. Консервация и реставрация коллекции ботанических рисунков из коллекции Ф.Ф. фон Зибольда «FLORA JAPONICA» // Исследование и реставрация рукописей: материалы конференции — 2019 [Санкт-Петербург, 17–18 сентября, 2019 г.] / отв. ред. М.В. Корогодина. Санкт-Петербург: БАН, 2020. С.120–128.

8. Азарова И.В., Гладкий А.И., Евстафьева Р.И., Захаров В.П., Левашова Л.Г., Нюкша Ю.П., Питулько Г.И., Скворцова О.В., Старова Е.В. Фактографическая база данных при консервации библиотечных фондов // Материалы Международной научно-практической конференции «Будущее прошлого: расширение доступа и сохранность коллекций», Санкт-Петербург, 20–22 сент., 2000 г. Санкт-Петербург, 2000. С. 108–114.

9. Старова Е.В., Тилева Е.А., Беляева И.М. Фактографические базы данных в консервации и реставрации библиотечных фондов // Наукові доповіді IX Міжнародної практичної конференції «Дослідження, консервація та реставрація музейних пам'яток: досягнення, тенденції розвитку» (Київ, 27–31 травня 2013 року). Киев, 2013. 5 с.

10. Белинская М.А., Тилева Е.А. Фактографические базы данных в обеспечении сохранности фондов // Петербургская библиотечная школа. 2017. Вып. 3. С. 89–94.

11. Белинская М.А., Тилева Е.А. Фактографические базы // Петербургская библиотечная школа. 2019. Вып. 2. С. 106–112.

12. Белинская М.А., Боримова А.А., Катуева Я.В. Информационные технологии в комплексной системе обеспечения сохранности библиотечных коллекций // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. Выпуск 1 (Труды XX Международной объединенной научной конференции «Интернет и современное общество», IMS-2018 сборник научных статей). С. 163–168.

13. Белинская М.А., Тилева Е.А. Цевелёва И.В., Катуева Я.В. Информационные технологии в обеспечении сохранности фондов БАН: фактографические базы данных по сохранности // Фонды редких и ценных книг, Санкт-Петербург, ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2019, ISBN 978-5-89781-641-5, С. 16–28.

14. Белинская М.А., Тилева Е.А., Цевелева И.В., Панькова И.Г., Романова Ю.А. Анализ данных микроклимата с использованием ПО ИРБИС64 // Буква и цифра: библиотеки на пути к цифровизации = letter and digit: the libraries on the way to digitalization: сборник докладов Четвертой научно-практической конференции «БиблиоПитер — 2023» (г. Санкт-Петербург, 5–7 апреля 2023 г.). С. 20–25.

15. Белинская М.А., Тилева Е.А., Цевелева И.В., Панькова И.Г., Романова Ю.А., Скворцова О.В. Использование ИРБИС64 в обеспечении сохранности фондов: опыт БАН // Информационные технологии, компьютерные системы и издательская продукция для библиотек Сборник докладов Двадцать шестой Международной конференции и выставки «LIBCOM-2023» (Суздаль, 19–24 ноября 2023 г.). С. 9–14.

BELINSKAYA M., KARAMYSHEVA L., TILEVA E. The history of one collection: works by the artist Kawahara Keiga as a part of Philipp Franz von Siebold's collection «Painted Japanese Flora»

Belinskaya Maria — Chief of the Scientific Department of Informatics and Automation Russian Academy of Sciences Library

Saint-Petersburg, Russia, e-mail: oia@rasl.nw.ru

Karamysheva Larisa — Chief librarian, Sector for organizing library network Russian Academy of Sciences Library

Saint-Petersburg, Russia, e-mail: lmk@rasl.nw.ru

Tileva Ekaterina — Candidate of Biological Sciences, chief of the Scientific department of restoration and conservation of library fonds Russian Academy of Sciences Library Saint-Petersburg, Russia, e-mail: tilekaterina@yandex.ru.

ABSTRACT

The article describes the history of the creation and acquisition of a unique collection of botanical drawings by the outstanding German scientist F.F. von Siebold. Various forms and methods of working with drawings are described in details: both in their use and in their preservation. The latest methods for monitoring the microclimate of documents storage facilities are presented.

Keywords: historiography, visual materials, Japanese drawings, Kawahara Keiga, Philipp Franz von Siebold, Russian Academy of Sciences Library, information maps of preservation, factual databases, microclimate monitoring, IRBIS64.

М.С. Зими́на

«ЖЕМЧУЖИНЫ» В ФОНДАХ БИБЛИОТЕКИ БИН

Зими́на Мари́я Серге́евна — заведующая отделом Библиотеки Российской академии наук при Ботаническом институте им. В.Л. Комарова
Санкт-Петербург, Россия, e-mail: MZimina@binran.ru

АННОТАЦИЯ

В статье приводится краткий обзор редких изданий XV–XIX вв. Также описываются коллекции оригинальных рисунков, хранящихся в Библиотеке БИН РАН.

Ключевые слова: Библиотека Академии наук, Ботанический институт им. В.Л. Комарова Российской академии наук, инкунабулы, ботанические рисунки, палеотипы, травники, гравюры.

Библиотека Ботанического института им. В.Л. Комарова на протяжении своего 200-летнего существования пополнялась ценнейшими экземплярами ботанической литературы. В основу ее создания легли собрания ботанических книг профессора Фридриха Христиана Стефана (1781–1863) и графа Алексея Кирилловича Разумовского (1748–1822). Она является самой крупной в России специализированной библиотекой ботанической литературы.

С приходом книгопечатания началась эра книгоиздательства, благодаря чему многие смогли познакомиться с существовавшими ранее рукописями. Книги, изданные в Европе от начала книгопечатания до 1501 г. называются инкунабулами, в библиотеке хранятся четыре таких издания.

Одно из самых ранних изданий ботанического содержания в нашем фонде — «De proprietatibus rerum» («О природе вещей») Бартоломея Англикуса, вышедшее в 1483 г. в Нюрнберге в типографии книгопечатника Антона Кобергера (1440–1513). Бартоломей Англикус (ок. 1190–1272) был францисканским монахом, занимался изучением естественных наук и теологии. Энциклопедия была написана около 1260 г.

В ней автор описал все известные в то время науки, включая теологию, медицину, зоологию, ботанику. За основу им были взяты труды античных ученых, среди которых Аристотель и Геродот. Описывая лечебные свойства стекла, автор цитирует средневекового врача Абу Али Ибн Сина (Авиценну), который говорил: «пыль стеклянного порошка очень чиста для зубов, может помочь в лечении некоторых форм воспаления роговницы, и при смешивании с вином может облегчить камни в почках». Этот труд вобрал в себя научные знания и народные поверья того времени и должен был служить пособием для монахов-францисканцев, которые получали образование, но не имели времени или финансов для изучения каждой дисциплины в отдельности. На протяжении долгого времени эта работа вызвала огромный интерес и не теряла свою актуальность.

Издание состоит из 19 книг (глав), включающих в себя сведения о физических свойствах вещей, о животных и растениях, о земле и ее частях и др. Текст напечатан крупным готическим шрифтом в два столбца.

Семнадцатая глава полностью посвящена растениям, рубрики выстроены в алфавитном порядке, в описаниях основной акцент сделан на лечебных свойствах, также приводятся некоторые философские мысли о растениях в духе Аристотеля. Представлены 197 растений начиная с *Arbore aromatic* (Ароматное дерево) и заканчивая *Zucaro* (Сахар). Книга была настолько востребована, что переиздавалась до XVII века. За это время было напечатано более 70 тиражей на множестве языков (английский, французский, испанский и прочих).

Следующая инкунабула — «*Herbarius*» («Гербарий»), которая была издана Питером Шеффером (1425–1503) в типографии Мейнца в 1484 году. Этот травник известен как «*Herbarius Maguntinus*» и «*Herbarius Mainz*». Авторство приписывают франкфуртскому врачу Иоганну фон Каубу (1430–1503/1504). Текст написан на латыни, поэтому в ряде источников его также называют *Latin Herbarius* (Латинский травник). За основу были взяты средневековые манускрипты, среди которых «*Liber pandectarum medicinae omnia medicine simplicia continens*» («Книга медицины») Маттеуса Сильватика (XIV в.) и «*Speculum naturale*» («Зеркало природы») Винсента де Бове (XIII в.) [11]. Британский ботаник Агнес Арбер (1879–1960) предполагала, что этот травник был создан ранее и существовал в виде рукописи.

Его условно можно поделить на 2 части. Первая часть состоит из так называемых глав, в которых описываются 150 растений, произрастающих в диком или культивируемом виде на территории Германии, начиная с *Absintheum* (Полынь) и заканчивая *Usnea* (Лишайник). Главы сгруппированы в алфавите названий растений, каждое описание дополняется его изображением. Наиболее интересны сведения о лечебных свойствах растения, сроках его сбора, какие болезни оно лечит и способах его использования. Рисунки выполнены методом ксилографии, гравюры на дереве, и раскрашены вручную. Изображения растений сделаны поверхностно и не очень реалистично, порой сложно понять, что это за вид. Во второй части с кратким описанием представлены 96 животных и минералов, иллюстрации в ней отсутствуют.

Наш экземпляр уникален тем, что в нем имеется множество помет, выполненных черными чернилами, которые, предположительно, относятся к тому же периоду. В начале книги имеется рукописный указатель. На первой странице основного текста есть надпись: «*Herbarius Mogutia Anno 84 imprelsus*». К сожалению, их автор неизвестен.

Годом позже вышел в свет «*Ortus Sanitatis*» («Сад здравия»), напечатанный в той же типографии, но уже на немецком языке. В книге есть колофон, сообщающий, что она была опубликована в 1485 г. в Майнце, и типографская эмблема Питера Шеффера. Из-за языка текста его было принято называть *Herbarius zu Teutsch* (Немецкий травник). Ранее некоторыми исследователями он был ошибочно принят за обычное переводное издание Латинского травника. Предположительно,

его составителем был Бернард фон Брейденбах (1440–1497), который в 1483–1484 гг. совершил паломничество в Святую землю и на Синай. Медицинские сведения для этого травника были составлены тем же немецким врачом и ботаником Иоганом фон Кубом, которому приписывают авторство Латинского травника [9]. В Немецкий травник вошли описания не только немецкой природы, но и многих других стран по которым путешествовал автор (Святая Земля, Египет, Греция, Хорватия).

На страницах издания приводятся описания порядка четырехсот растений и других «вещей» (животных, птиц, минералов и др.), которые использовались в медицине. Представители разных царств естественной природы даны в едином алфавитном порядке. Это издание отличается от предыдущего более крупными гравюрами. Заметно, что рисунки растений стали более реалистичными, они также были раскрашены вручную. Эти гравюры впоследствии долгое время брались за основу при создании других книг о растениях. Труд имел такую научную и практическую ценность, что многие годы переиздавался на разных языках.

Немецкий травник называли еще «малым», так как считали, что именно он лег в основу «Hortus Sanitatis» («Сад здоровья»), изданный Якобом Мейденбахом (XV в.) в Майнце в 1491 г. Частично это перевод немецкого травника на латинский язык, но с дополнениями. На библиотечном экземпляре имеется владельческий экслибрис «Ex libris Dr. J. M. W. Baumanni», о нем ничего не известно.

Издание состоит из 6 трактатов: о травах и растениях; о животных и пресмыкающихся; о птицах и летающих; о рыбах и плавающих; о камнях; о моче и ее видах. Всего представлено более 1000 глав (описаний). Некоторые из них отсутствовали в немецком травнике и почти треть рисунков с растениями были новыми. Ряд специалистов предполагает, что новые гравюры были сделаны Эрхардом Реувичем (XV в.). На обороте титульного листа размещена изумительная гравюра, на которой изображен ученый, читающий книгу своим ученикам.

Среди новых описаний можно отметить «Древо жизни», в котором говорится, что вкусивший его плод получит благословенное бессмертие, и не будет болеть. Предваряет описание изображение плодоносящего дерева, которое обвивает драконопед — огромная могущественная змея с лицом, похожим на человеческое, и телом змеи. Помимо самих растений, приводятся сведения о получаемых из них продуктах. К примеру, дается описание вина, на иллюстрации мужчина пристально смотрит на бокал с вином. Среди животных хочется обратить внимание на описание дельфинов. Они предстают перед нами в виде женщины и мужчины с рыбьими хвостами. Это связано с тем, что в те времена их почти никто не видел. Лечили они лишай и водянку: «...жир дельфина, разбавленный вином, лечит водянку...». Мифические существа изобилуют в последующих главах, к примеру, встречаются описания единорога, драконов, василиска, грифона.

В библиотеке хранятся палеотипы — издания, опубликованные в период с 1501 по 1550 гг. К ним относится работа Отто Брунфельса «Herbarium Vivae Eicones» («Живые картины трав»). Изданная в Страсбурге, она

состоит из трех томов, первый был опубликован в 1530 г., а последующие тома в 1531 и 1536 гг.

Отто Брунфельс (1488?–1534) родился недалеко от Майнца. С 1514 по 1521 гг. он был монахом в картезианском монастыре в Страсбурге, но в 1521 г. принял лютеранство. После своего обращения он стал школьным учителем и проповедником и писал богословские труды. В 1530 г. он поступил в Базельский университет для изучения медицины и в 1532 г. был назначен городским врачом Берна [12].

Одна из главных задумок автора — включить в книгу новые ботанические иллюстрации, текст описаний растений был не актуален, к тому же Брунфельс использовал частично устаревшую информацию от средневековых авторов. Он систематизировал травы по их использованию в медицине и использовал общепринятые немецкие названия растений, что ранее не было принято.

Особое внимание стоит уделить рисункам, сопровождающим текст. Гравюры Ханса Вайдица (Младшего) (1495–1537) были сделаны с натуры. Как отмечал Брунфельс: «Копируя натуру» — это не просто слова, в этих работах видны мельчайшие детали растений, вплоть до увядших листьев [10]. Эти гравюры превосходны, и именно они установили новые стандарты ботанического изображения. Многие художники стали их копировать, из-за чего даже случилось несколько судебных тяжб.

«Herbarum Vivae Eicones» способствовала выделению ботаники из средневекового травничества в самостоятельную науку.

Следом хочется отметить работу еще одного «отца ботаники» Иеронимуса Бока *Kreüter Buch* (Книга растений). Полное название — *Kreüter buch, darin unterscheidt Namen und Würckung der Kreüter, Stauden, Hecken und Bäume mit ihren Früchten so in Teutschen Landen wachsen*. Она была напечатана в Страсбурге в 1565 г. книгоиздателем Венделином Рихелем (?–1555). В библиотеке имеются 2 экземпляра: самое первое издание *New Kreüter buch* (1539) и дополненное издание 1560 года. На обеих книгах есть издательский логотип. В более позднем издании титульный лист выполнен в цвете.

Иеронимус Бок (1498–1554) (лат. имя Трагус) — немецкий ботаник, врач. О его жизни известно мало. В 1522 г. он получил должность преподавателя ботаники в Цвайбрюккене. Некоторое время был личным врачом ландграфа Филиппа II Нассауского и присматривал за его садом. Предполагается, что на основе наблюдений за растениями из этого сада и была задумана его знаменитая работа *Kreüter buch*.

Самое первое издание было опубликовано на немецком языке в 1539 году, содержало лишь текст и не вызвало интереса. В 1546 г. книга была переиздана с большим количеством иллюстраций, но наибольшую известность она получила лишь после перевода ее на латинский язык (1552). Бок был первым ботаником, описавшим растения систематическим образом, основанном на его собственных наблюдениях. Его цель, как указано на титульном листе, была революционной: самому описать характеристики и воздействие растений Германии, в отличие от прочих авторов, которые опирались на описания растений Диоскорида. Книга состоит из трех глав, первые две

о травах, цветах и папоротниках, а третья — о кустарниках и деревьях. Каждое описание состоит из глав: «об именах», «о силе и эффекте», «о внутреннем применении» и «о внешнем применении», перед разделом о номенклатуре, который содержит греческие, латинские и арабские синонимы, расположена глава «без названия», в которой описывается растение.

Бок был первым ботаником, который доказывал важность детального изучения структуры растения. Он не копировал описания из трудов предшественников, а составлял свои собственные на основе личных наблюдений, в том числе прослеживал весь вегетационный цикл. В своих наблюдениях за растениями Бок много путешествовал по Рейнской области и другим местам, указывая в своих описаниях города, где он встречал эти растения [11]. Категорически отказавшись от алфавитного расположения растений, он сгруппировал их по родственному сходству форм. Этот метод группировки послужил основой дальнейшего развития классификации растений. Им были описаны более пятисот видов растений.

Успех этого труда был достигнут и благодаря удивительным гравюрам. Они объединили в себе представления Средневековья и Возрождения. Изображения травянистых растений были в основном скопированы с иллюстраций Отто Брунфельса или Леонарда Фукса (1501–1566), но для раздела о деревьях и кустарниках были созданы новые гравюры, поскольку ранее деревья редко описывались. Эти гравюры принадлежат Дэвиду Канделю (1520–1592), который был художником эпохи Возрождения и стоял у истоков ботанической иллюстрации. По заказу Бока он сделалксилографические копии более ранних работ других авторов и свои собственные рисунки, которые он обозначил инициалами «DK». Его гравюры отличаются от сделанных им копий жанровыми сценками. В позднем издании, которое было опубликовано после смерти Бока, есть гравюра с его портретом и эпитафией, выполненная также Канделем. Несколько рисунков в нашем экземпляре раскрашены вручную, а также имеются пометки, написанные кириллицей, их автор не известен.

В библиотеке хранится обширное собрание книг второй половины XVI века. Среди них хочется отметить «*Icones stirpium*» («Изображения растений») Матиаса де Л'Обеля.

Матиас де Л'Обель (1538–1616) — представитель фламандской школы ботаники. Он был врачом Вильгельма I Оранского (1533–1584), после его смерти переехал в Англию, где стал королевским врачом и ботаником Якова I (1566–1625). Он разработал подробную классификацию растений, приблизительные представления Л'Обеля о роде и семействе были позже развиты К. Линнеем (1707–1778); некоторые из растительных групп Л'Обеля известны до сих пор. В его честь были названы род растений *Lobelia* (Лобелия) и семейство *Lobeliaceae*.

«*Icones stirpium*» вышла в свет в Антверпене в 1591 г. в знаменитой мастерской Кристофа Плантена (1520–1589), которая в XVI веке была самой известной типографией. На титульном листе расположен издательский знак типографии Плантенов — латинское изречение «*Labore et Constantia*» («Труд и Постоянство»). Примечательно, что

эта работа была реализована в альбомном формате, вероятно, чтобы была возможность визуального сравнения нескольких видов, размещенных на одном развороте. Потрясающий по своей полноте альбом включает в себя 2 тома. На 1096 страницах размещены изображения растений местной и экзотической флоры. Завершают издание многочисленные указатели: указатель синонимов; указатели названий растений на латинском, французском, итальянском, испанском, немецком, тевтонском и английском языках. В нашем экземпляре все гравюры были раскрашены вручную.

На период XVII века приходится появление великолепных флорилегиумов (трактатов о цветах). Среди них — «Hortus floridus» («Цветущий сад»), который был издан в 1614 г. во время тюльпаномании, распространившейся по всей Европе в XVII веке. Первоначально он был составлен Криспином ван де Пассе (1589–1670), членом семьи известных утрехтских рисовальщиков и граверов.

Криспин ван де Пасс (младший) (1594–1670) — гравер, художник. Он гравировал портреты выдающихся европейских персон и королевских особ, в том числе Людовика XIII и Марии Медичи. Помимо портретов, он создавал гравюры на библейские, исторические темы и книжные иллюстрации. Несомненно, на него оказали влияние работы всемирно известных ботаников Каролуса Клузиуса (1526–1609) и Ремберта Додознса (1517–1585), портреты которых изображены на титульном листе.

В этом альбоме Криспин ван де Пасс был и художником, и гравером. Книга была задумана как ботанический альбом-раскраска для любителей садов, которые сами могли раскрасить черно-белые гравюры в соответствии с цветом растений, которые они видели вживую. Ему было всего 24 года, когда книга была опубликована и, судя по титульному листу, он потратил четыре года на подготовку более 160 гравюр, прославляющих красоту цветущих растений. Приняли участие в создании этого альбома его отец Криспин Старший (1565?–1637), который, возможно, составлял текст, и два его брата Вильгельм (1598–1637?) и Саймон (1595?–1647), которые подписали небольшое количество гравюр.

Состоит альбом из двух частей. Первая поделена на четыре сезона: *vernalis* (весна), *aestas* (лето), *autumnus* (осень), *hyemalis* (зима). Каждому из сезонов предшествует собственный «титульный лист», гравюры с эпиграммой и изображением сада, указатель названий растений. Во второй части изображены фруктовые деревья, кустарники, лекарственные травы без сопроводительного описания.

Описывая коллекции книг XVII века, хранящиеся в библиотеке, невозможно не упомянуть работу Джона Паркинсона «Theatrum Botanicum» («Ботанический театр»), изданную в Лондоне в 1640 г.

Джон Паркинсон (1567–1650) был последним из великих английских травников и одним из первых великих ботаников. Он был аптекарем Якова I и одним из основателей Достопочтенного общества аптекарей в 1617 г., а позже королевским ботаником Карла I. Один из самых выдающихся садовников своего времени, он содержал большой ботанический сад и поддерживал тесные отношения с другими видными английскими и континентальными ботаниками, травниками и растениеводами.

«Ботанический театр» — наиболее полный и прекрасно представленный трактат о растениях того времени. Джон Паркинсон намеревался сделать эту книгу надежным руководством для аптекарей, и она оставалась таковой более ста лет после его смерти. Паркинсон представил этот труд Карлу I, который присвоил ему титул «*Botanicus Regis Primarius*» («Королевский ботаник первого ранга»), хотя и без зарплаты.

Подзаголовок на титульном листе «Универсальный и полный травник» подчеркивал точку зрения Паркинсона о том, что Ботанический театр содержит все растения на четырех континентах, известных в то время. Особое внимание стоит уделить гравюре титульного листа, подтверждающей этот подзаголовок. В верхней части изображен тетраграмматон (четырёхбуквенное непроизносимое имя Бога), в нижней — портрет Джона Паркинсона. В руке он держит цветок *Doronicum pardalianches* L. (Леопардовая отравка). Слева от названия изображен Адам с лопатой, справа — Соломон. Страница поделена условно на четыре сектора — четыре континента, известных тогда миру: Азия, Европа, Америка и Африка. Эти изображения многое рассказывают нам о восприятии англичанами того времени других народов и ограниченности ботанических знаний. Каждый сектор включает в себя изображение растений, произрастающих на этом континенте и женщины (аллегорический образ континента). Азия восседает на носороге (рисунок Альбрехта Дюрера); Европа в экипаже, запряженном лошадьми; Америка едет верхом на вислоухой ламе; Африка сидит на зебре.

Эта книга, состоящая из 1688 страниц и примерно 3800 описаний видов, содержит в том числе первое описание некоторых нелекарственных растений, произрастающих в Англии, таких как *Cypripedioideae* (Венерин башмачок) и *Arbutus unedo* (Земляничное дерево). Работа наполнена реалистичными рисунками, вплетенными в текст, они уже не преобладают размерами над текстом, главный акцент сделан теперь на самом описании растения. Книга содержит 17 разделов, в которых растения классифицируются по фармакологическим свойствам, вкусовым качествам, жизненным формам, отдельно выведены некоторые семейства и экзотические растения. В конце дается приложение, содержащее в себе указатели на латыни и английском языке, таблицу свойств растений, список ошибок в тексте. Это издание поступило к нам из библиотеки Стефана, но не имеет его экслибриса.

Особый интерес вызывает книга Йоханнеса де Бухвальда «*Specimen medico-practico-botanicum...*» («Образцы медицинско-практико-ботанических растений»).

Йоханнес де Бухвальд (1658–1738) — датский королевский врач и профессор Копенгагенского университета. До прихода Бухвальда медицинское образование базировалось лишь на теории, он же ввел практическую часть. Он также проявлял большой интерес к ботанике и руководил огромным Копенгагенским Ботаническим садом с его прекрасным отделом лекарственных растений.

«*Specimen medico-practico-botanicum*» — это своего рода каталог лекарственных растений, произрастающих в Ботаническом саду Копенгагена. Описания растений выстроены в алфавитном порядке и сопровождаются не рисунками, а настоящими гербарными образцами.

Это издание было составлено не для массовой аудитории, а для медиков. Над гербарием дается табличка с названием растения на латинском, датском, немецком и французском языках, а также с указанием месяцев его цветения (сбора), на следующей странице даны сведения о применении этого растения в медицине с удивительно точными ссылками на источники. К примеру, тогда врачи считали, что Душица обыкновенная (*Origanum vulgare*) улучшает состояние кожи, помогает не только при болях в груди, но и увеличивает количество грудного молока у матери, помогает от боли в животе и его вздутия. Для этого необходимо было 4–5 капель масла душицы добавить в вино и выпить получившийся напиток.

В конце издания имеются четыре указателя названий растений на разных языках. Это переводное издание, на немецком языке, составленное его сыном Бальтазаром Йоханнесом Бухвальдом (1697–1763) и напечатанное в 1721 г. в Копенгагене. Всего в книге описано 335 видов растений с сопровождающими их гербарными образцами, в нашем экземпляре их сохранилось 331, многие находятся в плохом состоянии. Сотрудниками Научно-исследовательского отдела консервации и реставрации БАН будут проведены реставрационные работы книги, в том и числе и гербарных образцов.

Хочется рассказать о редком альбоме «Recueil des plantes dessinées et gravées par ordre du roi Louis XIV» («Коллекция растений, нарисованных и выгравированных по приказу короля Людовика XIV»). Создателями гравюр были художники Николас Робер, Луи де Шастийон и Абрахам Боссе.

Николас Робер (1614–1685) — французский миниатюрист и гравер-натуралист. В 1664 г. он был назначен придворным миниатюристом Людовика XIV. Он пользовался большой славой, современники считали его величайшим художником-натуралистом. С 1667 г. он работал с французской Академией наук над «Mémoires pour servir a l'histoire des plantes». Целью этой работы, которой руководил ботаник Дени Додарт (1634–1707), было создание большой истории растений, сопровождаемой иллюстрациями.

Луи де Шастийон (1639?–1734) — французский художник, гравер. Он преуспел в росписи по эмали и выполнил все портреты, украшенные драгоценностями, которые король дарил иностранным послам.

Абрахам Боссе (1604–1676) — выдающийся гравер XVII века периода зарождения и развития во Франции гравюры на меди или гравюры глубокой печати. Ему приписывают около 1600 работ, все технически безупречные. Его гравюры обширны по тематикам: религия, история, наука, иллюстрации к модным романам и др.

«Recueil des plantes...» никогда официально не публиковалась и не выставлялась на продажу. Первый оттиск с табличек был сделан в 1685 г., чтобы предоставить членам Королевской академии наук Франции. К тому времени было подготовлено 272 таблички. В 1701 г. завершённая работа содержала в себе 319 гравюр. В 1719 г. гравер Жан Маршан добавил на таблички детали строения растений, основанные на работах ботаников Жозефа Питтона де Турнефора (1656–1708) и Себастьяна Вайяна (1669–1722), а также изменил названия некоторых растений. На протя-

жении XVIII в. гравюры время от времени печатали, но только в качестве подарков. В 1786 г. был сделан королевский подарочный выпуск полного комплекта с добавлением важного фронтисписа Себастьяна де Клерка под названием «Людовик XIV посещает Королевскую академию наук» [1].

На авантитуле библиотечного экземпляра имеется запись, сделанная на латыни, в которой подтверждается уникальность этого альбома: «...Этот драгоценнейший кодекс не продается нигде у книготорговцев, но по разрешению или милости короля даруется тем, кто представляются королю достойными ввиду своих заслуг, должности или происхождения, и просят себе кодекс». Снизу подпись «Schmidel P. P. O.», пока не удалось идентифицировать этого человека. В конце альбома имеется указатель, написанный от руки.

Гравюры с изображениями растений из Королевского сада поражают своей реалистичностью. В нашем экземпляре страницы были ошибочно перепутаны местами в процессе создания переплета, внутри альбома имеется записка на немецком языке, в которой подробно говорится об этом. Вероятно, она также была написана Шмиделем. Из общего стиля гравюр выделяются две работы Луи де Шастийона, в которых он выступил в роли художника и гравера. Это пейзажные изображения, на которых имеются иероглифические надписи на японском языке. На одной из них, в левом нижнем углу, имеется надпись «Kina Kina falsa» (Хинное дерево ложное?), выполненная черной тушью. Также на рисунках имеются записи, сделанные карандашом, на французском языке: «Plante inconnue de Siam» («Неизвестное растение из Сиама»).

Почетное место в фонде библиотеки отведено собранию трудов Карла Линнея (1707–1778), в том числе первое издание «Species plantarum» («Виды растений»), в двух томах, вышедшее в свет в 1753 г. в Стокгольме. Дополняют эту коллекцию труды его учеников и книги предшественников Линнея, которые он тщательно изучал, в частности, труды Теофраста, Плиния Старшего, Diosкорида.

Многие называют Линнея «Принцем ботаники» и даже «Вторым Адамом». Ботаники всего мира считают его «Отцом ботаники». Но он преуспел не только в данной отрасли науки, но еще и в медицине, зоологии, геологии. Академик и профессор Линней считал, что в программу университетского образования обязательно должно входить преподавание естественных наук. Всю свою жизнь он посвятил науке.

Среди этого собрания хотелось бы особо отметить издание «Flora Lapponica» («Флора Лапландии»), так как на ней имеется дарственная от автора. Книга была опубликована Саломоном Шаутеном (1689?–1750) в Амстердаме в 1737 г. Это издание — отчет Линнея о его экспедиции в Лапландию, в которой он пробыл с 12 мая по 10 октября 1732 г. В ней представлены 534 вида растений местной флоры, некоторые из которых были описаны впервые. Они были сгруппированы согласно разработанной им системе. В книге имеется эпиграф «Kungliga Vetenskaps-Societeten i Uppsala», название организации, выделившей Линнею в 1732 году средства на путешествие по Лапландии [2].

Еще одна «жемчужина» библиотеки — «Flora Graeca» («Флора Греции»), десяти томик, составленный Джоном Сибторпом (1758–1796) и

проиллюстрированный австрийским ботаническим художником Фердинандом Лукасом Бауэром (1760–1826). Сибторп нанял Бауэра, чтобы тот сопровождал его в экспедиции и служил иллюстратором. Во время экспедиции Бауэр сделал более тысячи зарисовок, используя процесс цветового кодирования для записи точного цвета растений, что позволило ему создать очень точные окончательные рисунки. Друг и коллега Сибторпа, ботаник Джеймс Эдвард Смит (1759–1828) курировал публикацию первых шести томов в 1806–1828 гг. Седьмой том был опубликован в 1830 г., а тома с восьмого по десятый были отредактированы английским ботаником Джоном Линдли (1799–1865) и опубликованы в 1833–1840 гг. В процессе изготовления гравюр принимали участие английский иллюстратор Джеймс Сауэрби (1757–1822) и его сын Джеймс Де Карл Сауэрби (1787–1871). Всего в этих альбомах представлены гравюры 966 растений Восточного Средиземноморья. Флора Греции считалась самой дорогой и красивой книгой, посвященной растительности. Тираж составлял всего 30 комплектов, но полными оказались лишь 25. Стоили они 254 фунта стерлингов (около 4 000 000 рублей на современные деньги).

Коллекции оригинальных ботанических рисунков

Особой гордостью библиотеки является собрание коллекций ботанических рисунков художников-натуралистов.

Татаринов А.А. «*Icones florum rekinensis*» (1856). Это рисунки флоры Китая, выполненные китайскими художниками.

Коллекция состоит из 452 красочных рисунков, хранящихся в двух прекрасных футлярах. В рисунках запечатлены лекарственные растения, зарисованные с натуры. Часть рисунков сопровождаются названиями растений, записанными китайскими иероглифами. Рядом с ними имеются карандашные пометы с русской транскрипцией, их автор неизвестен.

Татаринов Александр Алексеевич (1817–1867) — дипломат, ботаник, китаевед, врач, писатель. В 1839 г. он окончил Петербургскую медико-хирургическую академию и получил диплом врача. Сразу после этого он был включен в качестве врача в русскую духовную миссию, направлявшуюся в Китай. В тот период между странами не существовало дипломатических отношений, попасть в Китай можно было только в составе миссии, ее состав обновлялся раз в 10 лет. На протяжении всего своего пребывания, помимо своих прямых обязанностей, отлично владея китайским языком, Татаринов с особым интересом занимался изучением не только китайской медицины, но и лекарственных растений и быта местных жителей. Он первым из европейских врачей завоевал авторитет среди аристократов Пекина. Александр Алексеевич, как и многие другие врачи, участвовавшие до него в миссиях, кроме своих прямых обязанностей, следуя указаниям Академии Наук, собирал научно-исследовательский материал (растения, насекомых и прочее). Для этого была разработана инструкция, в которой давались подробные правила сбора и комплектования ботанических коллекций и безопасной перевозки семян.

Точно определить, как именно к нам в библиотеку поступила эта коллекция, сложно. В инвентарной книге библиотеки эта коллекция

числится под № 5577, запись сообщает, что она была получена от вдовы бывшего Директора Императорского ботанического сада Ф.Б. Фишера 14 октября 1855 г. в количестве 446 рисунков. Инвентарный номер зачеркнут, ниже имеется приписка «Предписанием Г. Министра Удалова от 14 марта 1856 за № 666 означенные рисунки переданы Г. Доктору Татаринovu, предъявившему свое право на оные». Однако из вклеенной заметки из журнала, расположенной на обороте титульного листа, становится ясно, что Татаринov вместе со своей гербарной коллекцией презентовал 452 рисунка пекинской флоры Академии наук. Она является выдержкой из статьи Эмилия Васильевича Бретшнейдера (1833–1901) — *Botanicon sinicum* (1881). К сожалению, в ней не указана дата дарения. По другой версии, в 1857 г. Петербургская академия наук купила у Татаринова гербарий растений, коллекции лекарств и рисунки, заплатив за все 800 руб. Еще на обороте титульного листа имеется запись от 19 сентября, в которой говорится о том, что этот атлас проверял Ynshitada Yabe (Токио) и сделал заметки на отдельных листочках, вклеенных в альбом. Хочется отметить, что полноценно изучением это коллекции никто ранее не занимался, рисунки нигде не издавались и не копировались. Лишь в последнее время к ней появился научный интерес, особенно со стороны китайских специалистов.

Борисов П.И. «Букет Восточной Сибири». Этот прекрасный альбом акварельных рисунков Петра Ивановича Борисова (1800–1854), участника восстания декабристов. Он был приговорен к смертной казни, замененной пожизненной каторгой. Альбом был создан в 1844 г. в селе Малая Разводная (Иркутская губерния), в котором вместе с братом Андреем Ивановичем (1798–1854) он проживал после окончания срока каторги. Живописи он обучался еще в Петербурге. Известно, что в Сибирь он отправился, взяв собой все рисовальные принадлежности, которые были отобраны у него главным управляющим Нерчинских рудников, но после долгих прошений были возвращены.

Для обеспечения материального благополучия Петру Борисовичу пришлось заняться рисованием для продажи. Из тетради учета доходов Борисовых видно, что большая часть заказов выполнялась для местных чиновников и купцов, обычные рисунки он продавал за 15 рублей, а альбомы за 150 рублей. Оформлением альбомов занимался его брат. Несмотря на рост заказов, Петр Иванович ни разу не поднимал стоимость своих работ. Всего им было выполнено более 600 рисунков[4].

Альбом создавался Петром Борисовым в процессе наблюдений за животным и растительным миром Восточной Сибири. В нем содержится 66 акварелей, которые расположены в соответствии с разработанной Борисовым системой классификации растений. В конце альбома имеются два указателя: латинских названий растений, сгруппированных по системе Борисова, и русских названий. Вопреки суровым условиям жизни, рисунки Петра Ивановича полны нежности и передают всю его любовь к растениям.

Этот альбом находился в частной коллекции чиновника по особым поручениям Главного управления Восточной Сибири Козьмы Яковлеви-

ча Дарагана (1813–1874). Альбом был продан Академии наук около 1910 года его сыном И.К. Дараганом (1843–1912) [4].

В библиотеке хранятся 18 оригинальных рисунков художницы-натуралистки Марии Сибиллы Мериан (1647–1717).

Ее учителем рисования был известный нидерландский художник Абрахам Миньон (1640–1679). Обладая необыкновенным художественным даром, она с детства проявляла немалый интерес к естественным наукам. Свою любовь к насекомым и растениям она отражала в своих работах. Во время своего путешествия по Южной Америке она сделала множество изумительных рисунков на пергаменте, впоследствии взятых за основу для ее научных работ. Благодаря рисункам флоры и фауны малоизвестного региона, Мериан получила мировое признание среди художников и даже ученых. Ее работы наполнены яркостью, детальностью и большой точностью. Стоит особо отметить три рисунка, на которых имеется автограф Мериан. Гравюры, сделанные с других четырех рисунков, включены в альбом «Метаморфозы» (1705). Это издание также хранится в Библиотеке. В нем содержатся 60 цветных иллюстраций. В их создании приняли участие голландские граверы Джозеф Мюльдер (1658–1742) и Питер Слейтер (1675–1713). Часть экземпляров раскрашивала сама художница.

Рисунки, хранящиеся в библиотеке, не являются частью коллекции ее работ, купленных Петром I, который по достоинству оценивал ее талант, они входят в состав собрания академика Михаила Степановича Воронина (1838–1903), который подарил их Ботаническому музею.

Энн Ли. «Drawings of plants». Вероятно, это был двухтомный альбом, в нашей библиотеке имеется лишь Vol. 1. Поступил в библиотеку после слияния Ботанического музея с Садам. К сожалению, по неизвестным причинам этот том неполный, из 73 рисунков имеются лишь 18. Каждый рисунок был вклеен в зеленую рамку, сделанную индивидуально под каждый рисунок. Все рисунки имеют подпись художницы и дату создания (1771–1773).

Энн Ли (1753–1790?) была британским ботаническим художником, младшей дочерью ботаника Джеймса Ли (1715?–1795). Он нанял художника Сиднея Паркинсона (1745?–1771) для обучения своей дочери рисованию. Под его руководством Энн добилась потрясающего мастерства натуралистического изображения. Паркинсон умер во время кругосветного путешествия с Джеймсом Куком (1728–1779). Он завещал Энн ряд своих картин и принадлежности для рисования [8]. Покровитель Паркинсона, британский медик и ботаник Джон Фозергилл (1712–1780) заказал Ли нарисовать растения из своего сада в Аптоне, а также насекомых из своего музея. После его смерти его гербарий и библиотека, включая рисунки Ли, были куплены Екатериной Великой. Перед отправкой рисунков в Санкт-Петербург Ли сделала их копии.

Рисунки Эни Ли ничем не уступают работам Марии Сибиллы Мериан, тем обиднее, что изучением ее творчества практически никто не занимается.

«Flora Japonica delineationibus» («Описание японской флоры») — самое большое собрание рисунков, хранящихся в библиотеке. В него входят рисунки японской флоры, собранные Филиппом Фран-

цем фон Зи́больдом (1796–1866) в период его пребывания в Японии (1823–1829). Всего в коллекции 1053 рисунка, собранные в 8 томов. В то время Япония была закрытой страной, иностранцы могли жить только на острове Десима. Состоя на службе в голландской фактории, Зи́больд выполнял обязанности врача, а также должен был собирать разнообразные сведения о Японии и налаживать полезные связи. Он был первым европейским врачом, которому было дозволено практиковать за пределами острова. Свою коллекцию Ф.Ф. фон Зи́больд собирал более 30 лет. Большую часть рисунков выполняли профессиональные художники с натуры в Японии или в ботанических садах Европы. Многие рисунки стали своего рода первоописаниями ранее неизвестных в Европе видов.

Невозможно в одной статье описать все ценные ботанические издания, хранящиеся в Библиотеки Ботанического института. Ее фонд насчитывает около 600 000 единиц хранения и содержит в себе еще много неизученного. Исследовательская работа продолжится дальше и впереди нас ждет много новых открытий.

В заключение хочется отметить, что оцифрованные копии изданий никогда не заменят оригиналов. Многие книги уникальны не только текстовым содержанием, но и своим внешним видом и иллюстрациями, ведь каждый экземпляр создавался вручную. Копии, к примеру, не передадут нам всю точность линий, палитру красок рисунков великих ботанических художников. Но в то же время оцифровка этих ценностей помогает познакомить мир с «жемчужинами» ботанической науки.

Список источников

1. Акварели Абрахама Босса как иконографический источник королевских стилей французского мебельного искусства. URL: https://int-ant.ru/news/news-culture/art_k/the-watercolors-of-abraham-boss-as-an-iconographic-source-royal-styles-of-french-furniture-art/ (дата обращения: 10.01.2024).
2. Бобров Е.Г. Линней, его жизнь и труды. Москва; Ленинград, 1957. 216 с.
3. Кирпичников М.Э. Сокровища ботанической литературы: (из фондов библиотеки Ботанического института им. В.Л. Комарова Российской Академии наук) // Централизованная сеть Петербургских академических библиотек: становление и развитие: сб. статей. Санкт-Петербург, 1992. С. 57–70.
4. Куйбышева К.С. Акварели декабриста Петра Ивановича Борисова. Москва, 1986. 454 с.
5. Лебедев Д.В. Библиотека Ботанического института // От Аптекарского огорода до Ботанического института. Москва; Ленинград, 1957. С. 271–277.
6. Липшиц С.Ю. Из истории библиотеки Ботанического института им. В.Л. Комарова АН СССР: собрание ботанических книг А.К. Разумовского и Ф.Х. Стефана, положившие основание библиотеке // Ботанический журнал. 1969. Т. 54. № 12. С. 2011–2018.
7. Надсон Г.А. Библиотека Императорского С.-Петербургского Ботанического сада и ее книжные сокровища // Императорский С.-Петербургский Ботанический сад за 200 лет его существования (1713–1913) / гл. ред. А.А. Фишер фон Вальдгейм. Санкт-Петербург, 1913. Ч. 2. С. 39–95.
8. Ann Lee and Parkinson's paintbrushes URL: <https://verecunda.tumblr.com/post/101032556818/ann-lee-and-parkinsons-paintbrushes> (дата обращения: 26.02.2024).
9. Arber A. Herbs: Their Origin and Evolution: A Chapter in the History of Botany. Cambridge, 2010. 408 p.

10. Blunt W. The art of botanical illustration. London, 1967. 304 p.
11. Fisher C. The medieval flower book. London, 2007. 128 p.
12. Flora illustrata: great works from the LuEsther T. Mertz Library of the New York Botanical garden / ed. Susan M. Fraser, Vanessa Bezemer Sellers. New York, 2014. 296 p.
13. Willes M. The Making of the English Gardener. London, 2011. 336 p.

ZIMINA M. “Pearls” in the collections of the BIN library

Zimina Maria — Head of the Department of the Russian Academy of Sciences Library at the V.L. Komarov Botanical Institute
Saint-Petersburg, Russia, e-mail: MZimina@binran.ru

ABSTRACT

The article provides a brief overview of rare editions of the 15th–19th centuries. The collections of original drawings held by the Library of the BIN are also described.

Key words: Russian Academy of Sciences Library, Komarov Botanical Institute of the Russian Academy of Sciences, incunabula, botanical drawings, paleotypes, herbalists, engravings.

Е.К. Макеева

УИЛЬЯМ КЁРТИС И ЕГО ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ

Макеева Елена Константиновна — библиотекарь, отдел Библиотеки Российской академии наук при Ботаническом институте им. В.Л. Комарова
Санкт-Петербург, Россия, e-mail: mak_i_ewa@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Уильям Кёртис (1746–1799) — британский ботаник, энтомолог, популяризатор науки. В статье представлена биография и два основных труда его жизни — «Ботанический журнал» и «Флора Лондона».

Ключевые слова: Библиотека Академии наук, Ботанический институт им. В.Л. Комарова Российской академии наук, Уильям Кёртис, The Botanical Magazine, Curtis's Botanical Magazine, Flora Londinensis.

Многим ботаникам, садоводам, историкам и любителям ботанической живописи знаком журнал Curtis's Botanical Magazine, который представлен номерами до 2014 года в фондах Отдела Библиотеки Академии наук при Ботаническом институте практически без лакун. Он начинался как справочное и практическое пособие по декоративным и экзотическим растениям, со временем перерос в полноценное ботаническое издание, многие растения были впервые описаны на его страницах. Ранее работы по ботанике выходили отдельными изданиями, печатались в общенаучных журналах, но он стал первой профильной ботанической периодикой. Поражая своей беспрецедентной живучестью — в изменившемся виде, перейдя в 1948 году с раскрашенных вручную гравюр на печатные рисунки, сменив в 1984 году название на The Kew Magazine и вновь вернув себе свое имя в 1995, журнал выходит по сей день. Основанный с названием The Botanical Magazine в 1787 году, в 1801 он получил имя своего создателя Уильяма Кёртиса, и перед вами рассказ об этом ученом.

Ботанический журнал прославил его имя, хотя вовсе не он был любимым детищем Кёртиса. Издавая его, он отходил от своих истинных целей, но журнал был ему нужен, став основой его материального благополучия и возможности заниматься тем, что он считал наиболее важным. Кёртис был популяризатором науки и писал свои работы языком простым, понятным не только ученым, но и любителям естественных наук. Он преподавал и читал лекции для студентов, публичные и частные, вел переписку с учеными, любителями и даже мимолетно заинтересовавшимися естествознанием людьми в Британии и за ее границами. Он хотел, чтобы взгляд его соотечественников обратился к простым растениям, не имеющим, казалось бы, практической и декоративной ценности, тем былинкам, которые произрастают у них под ногами.

Уильям Кёртис родился в Олтоне в Гемпшире 11 января 1746 года и был старшим из восьми детей. Во время учебы Уильяма в школе в Бер-

форде его отец понял, что увлечение мальчика естествознанием, особенно его заметная преданность растительной жизни и насекомым, было чем-то большим, чем обычный детский интерес, и подарил ему небольшой участок в саду. Окончив школу, в 14 лет Уильям поступил учеником к своему деду, хирургу-аптекарю. Молодой человек проводил много времени в исследовании местной растительности, сборе гербария и насекомых. Дед, опасаясь, что это увлечение отнимает слишком много времени, в возрасте двадцати лет отправил его в Лондон, надеясь, что его окрестности будут менее благоприятными для натуралистических исследований. Поступив в ученики к аптекарю Томасу Талвину на Грейсчерч стрит, 51, Кёртис делил свое время между посещением лекций в больнице Св. Томаса и помощью в аптеке. Но вскоре та же самая причина, которая привела его к неприятностям с дедушкой, вернулась: мистеру Талвину пришлось выговаривать ученику за чрезмерное внимание к ботаническим экскурсиям, к тому же отчет об успеваемости из госпиталя оказался не столь хорош.

Вскоре мистер Талвин умер и оставил Кёртису свою практику. Уильям работал аптекарем по необходимости, а не по собственному желанию, но отсутствие средств не оставляло ему выбора. Он сделал все возможное, чтобы продолжить работу предприятия, и сделал это довольно успешно. Около 1770 года он смог нанять помощника, который вскорости выкупил дело у Кёртиса, после чего последний наконец-то перестал нуждаться в деньгах и смог посвятить себя любимому занятию.

Этот переход был ярко описан доктором Джеймсом Эдвардом Смитом (1759–1828): «Обязанности городского практикующего врача плохо сочетались с вольными экскурсиями натуралиста: аптекаря вскоре поглотил ботаник, и лавка променялась на сад!» [1].

Кёртис хотел, чтобы люди знали как можно больше о том, что растет рядом с ними, и ценили это, поэтому решил создать «обучающий сад». Для этой цели в 1771 году был взят в аренду небольшой участок земли на Грейндж-роуд, где в основном выращивались представители местной флоры. Растения были тщательно этикетированы и классифицированы с использованием новой в то время системы, разработанной Линнеем.

Но со временем Кёртис понял, что эта территория 1 акр (4040 м²) оказалась слишком маленькой для его целей.

В том же году он издал свою первую публикацию «Instructions for collecting and preserving insects, particularly moths and butterflies» («Инструкции по сбору и сохранению насекомых, особенно мотыльков и бабочек»). Она иллюстрирована гравюрой с изображением сетей и другого оборудования, необходимого для этой цели. Эта работа была хорошо встречена, деятельность Кёртиса привлекла внимание ведущих натуралистов того времени.

Из письма сэра Джозефа Бэнкса (1743–1820):

«Г-н Бэнкс выражает свое почтение г-ну Кёртису и передает ему огромную благодарность за его гениальный трактат об искусстве сбора и сохранения насекомых, работу, которая давно нужна и не может не оказаться полезной для естественной истории, особенно для увеличения числа энтомологов. Г-н Соландер (1733–1782, шведский нату-

ралист, энтомолог, ученик Линнея — Е.М.) также пользуется этой возможностью, чтобы выразить свою благодарность» [3].

В том же 1771 году Кёртис был приглашен на должность Демонстратора ботаники (Praefectus Horti) в Аптекарьском саду Челси (Chelsea Physic Garden), на тот момент самом богато заполненном саду мира. Это назначение было более почетным, чем прибыльным. Обязанности Демонстратора заключались в том, чтобы показывать ученикам лекарственные растения, выращиваемые в саду, и водить их на экскурсии по окрестностям. Конечно, лучшего выбора нельзя было сделать, Уильям приступил к своим новым обязанностям с величайшей энергией и удовольствием.

Около 1775 года Кёртис начал свой главный проект — «Flora Londinensis...» (полное название: «Флора Лондона, или изображения и описания таких растений, которые растут в дикой природе в окрестностях Лондона с указанием мест их произрастания и времени цветения, их нескольких названий по Линнею и другим авторам с конкретным описанием каждого растения на латыни и английском языке. К этому добавляются различные применения их в медицине, сельском хозяйстве, сельской экономике и других отраслях»). Хотя первые выпуски можно было приобрести уже в 1775, на титульном листе первого тома стоит 1777 год. Было издано 72 выпуска, в каждом по 6 изображений с комментариями к каждому. Листы не были пронумерованы и их последовательность не та, в которой они были выпущены впервые — подразумевалось, что обладатель просьет их в соответствии с системой Линнея и в разных экземплярах порядок страниц может различаться. Выходила она по подписке, тираж редко превышал 300 экземпляров. «Флора...» никогда не была прибыльным предприятием, более того, Кёртис потерял на ней немало денег, потратил все, что у него было, и влез в долги.

Целью этой работы было опубликовать изображения всех растений, встречающихся в окрестностях Лондона. Предыдущие труды о флоре Британии предназначались для ученых, аптекарей и травников, тогда как эта книга была написана для широкого круга читателей. Кёртис был одним из тех, кому нужно постоянно делиться знаниями. К тому же ботаническая номенклатура Британии того времени касалась местной флоры пребывала в довольно хаотическом состоянии.

Рисунки были разработаны для изображения растений в натуральную величину, для этого требовалось участие рисовальщика, гравера и колориста. Полной стандартизации вряд ли можно было ожидать, и хорошие копии пользовались большим спросом.

FLORA LONDINENSIS:

OR

PLATES AND DESCRIPTIONS OF SUCH PLANTS

AS GROW WILD IN THE

ENVIRONS of LONDON:

WITH

Their Places of Growth, and Times of Flowering; their several Names according to LINNÆUS and other Authors:

WITH

A particular DESCRIPTION of each PLANT in LATIN and ENGLISH. To which are Added,

Their several Uses in Medicine, Agriculture, Rural Oeconomy, and other Arts.

By WILLIAM CURTIS,
DEMONSTRATOR OF BOTANY to the COMPANY of APOTHECARIES.

VOL. I.

LONDON:

Printed for and Sold by the Author, No. 51, Gracechurch-Street; and B. WHITE, Bookseller, in Fleet-Street.

MDCCLXXVII.

Рис. 1. Фронтиспис первого тома «Флоры Лондона», 1777 год

Рис. 2. Иллюстрация к Флоре Лондона. Уильям Килбурн (1745–1818). *Taraxacum officinale* (L.) WEBB ex F.H.WIGG. — *Leontodon Taraxacum* L. Медная гравюра, колоризация

Рис. 3. Иллюстрация к Флоре Лондона. Сиденем Тейст Эдвардс. *Primula vulgaris* HUDS. *Primula acaulis* (L.) HILL. Медная гравюра, колоризация

Над иллюстрациями к «Флоре...» в разное время работали Уильям Килбурн (недолго, Кёртис не мог ему хорошо платить, и тот ушел делать рисунки для тканей), Френсис Сэнсом (1756–1810), гравер, работавший с Кёртисом над всеми его книгами, Томас Мильтон (1743–1827), гравер (сотрудничал со многими художниками, лучше всего ему удавались пейзажи), Мозес Харрис (1731–1785), энтомолог и автор труда о колористике, Джеймс Сауэрби (1757–1822), который позже отказался от рисования растений и выпустил большую работу по английской ботанике. Еще одним художником, представляющим особый интерес, был Сиденем Тист Эдвардс (1769–1819). Случайно Кёртис увидел рисунки мальчика, скопированные с гравюр для первых выпусков «Флоры Лондона», был очень впечатлен и немедленно организовал приезд Сиденема в Лондон для дальнейшего обучения рисованию. Юноша добился быстрого прогресса и вскоре смог рисовать и гравировать пластины для публикаций Кёртиса. В течение многих лет Эдвардс сопровождал его во всех экспедициях и сделал для него больше подобной работы, чем кто-либо другой.

Для нашего фонда это издание было приобретено в составе библиотеки Христиана-Фридриха Стефана (1757–1814), непродолжительное время бывшего директором Аптекарского ботанического сада (ныне БИН РАН), в обоих томах имеется его экслибрис, к обоим прилагаются рукописные индексы, авторство которых не установлено.

В 1777 году Кёртис отказался от своей должности в Обществе аптекарей из-за возросшего объема других занятий.

Рис. 4. Джеймс Сауэрби. Ботанический сад Кёртиса в Ламбет-Марше. 1787 год. Акварель

В этом году произошел переезд его сада с Грейндж-роуд на Ламбет-Марш, теперь он назывался Лондонский ботанический сад. Посещение было доступно по билетам и по подписке. Лица, подписавшиеся на одну гинею в год, имели право гулять в саду, пользоваться библиотекой и привести с собой одного человека. Те, кто подписался на две гинеи, имели дополнительные привилегии: приводить с собой более одной персоны, а также получать излишки черенков или семян растений сада.

Выход первого выпуска Ботанического журнала состоялся 1 февраля 1787 года. В предисловии автор пишет: «Настоящее периодическое издание обязано своим появлением неоднократным просьбам некоторых дам и господ, подписчиков Ботанического сада автора, которые часто сетовали на отсутствие работы, которая могла бы позволить им не только получить систематические знания об иностранных растениях, растущих в их садах, но в то же время дать им информацию об их культуре. Фактически оно представляет собой произведение, в котором объединены ботаника и садоводство, или труды Линнея и Миллера (видимо, Филипп Миллер, 1691–1771, главный садовод Аптекарского сада в Челси на протяжении 50 лет — Е.М.)» [3].

Стоит отметить, что сперва Кёртис намеревался публиковать изображения и описания сортовых растений, как он сам их называл — махровых или улучшенных, видимо, после неудачи «Флоры Лондона» желая ублажить вкусы любителей красивого, но подписчики его сада переубедили его, и в основном в журнале представлены виды, хотя предпочтение отдавалось растениям красивым и в цветущем состоянии. Моделями послужили растения из его сада.

Журнал выходил ежемесячно по цене один шиллинг за выпуск (цена комплексного обеда того времени). Каждый номер содержал три изоб-

CURTIS'S
BOTANICAL MAGAZINE;
 OR,
Flower-Garden Displayed:

IN WHICH

The most Ornamental FOREIGN PLANTS, cultivated in the Open Ground, the Green-House, and the Stove, are accurately represented in their natural Colours.

TO WHICH ARE ADDED,

Their Names, Clafs, Order, Generic and Specific Characters, according to the celebrated LINNÆUS; their Places of Growth, and Times of Flowering:

TOGETHER WITH

THE MOST APPROVED METHODS OF CULTURE.

A W O R K

Intended for the Use of such LADIES, GENTLEMEN, and GARDENERS, as wish to become scientifically acquainted with the Plants they cultivate.

CONTINUED BY

JOHN SIMS, M.D.
 FELLOW OF THE LINNEAN SOCIETY.

VOL. XV.

Ye valies low,
 Throw hither all your quaint enamell'd eyes,
 That on the green turf suck the honied showers,
 And purple all the ground with vernal flowers:
 Bring the rattle primrose that forsaken dies,
 The tufted crow-toe, and pale yew-stem,
 The white pink, and the pansy freak with jet;
 The glowing violet,
 The musk-rose and the well-astir'd woodbine,
 With cowslips wan that hang the pensive head,
 And every flower that sad embroidery wears:
 Bid Amaranthus all his beauty show,
 And daffodils fill their cups with tears,
 To strew the grave where CURTIS lies.

MILTON.

L O N D O N :

Printed by STEPHEN COUCHMAN, Throgmorton-Street,

Published by T. CURTIS, N° 3, St. George's-Crescent, Black-Friars-Road;

And Sold by the principal Booksellers in Great-Britain and Ireland.

MDCCL

Iris persica L. Curtis. Flower Garden London 1788.

Рис. 5, 6. Обложка первого выпуска The Botanical Magazin и первая иллюстрация, выполненная Джеймсом Саурби. *Iris persica* L. Медная гравюра, колоризация

ражения с описанием в размере ин кватро. И хотя он был предложен по такой низкой цене, имея при этом сложное, дорогостоящее исполнение, его продажи были исключительно удачны. Сам Кёртис говорил, что «Флора...» принесла ему похвалу, но Ботанический журнал принес ему пудинг.

Кёртис был редактором первых тринадцати томов, но накопленного им материала хватило на еще некоторое количество выпусков после его смерти. После него редактором стал Доктор Джон Симс (1749–1831), который занимал это место до 1826 года. Он учился с Уильямом Кёртисом в школе в Берфорде, и с тех пор они стали близкими друзьями. Симс был президентом Лондонского медицинского общества, членом Королевского общества и одним из первых членов Линнеевского общества, при нем вышли тома с 14 по 43.

Первые выпуски Журнала поступили к нам вместе с библиотекой графа А.К. Разумовского (1748–1822).

В 1788 году Джеймсом Эдвардом Смитом (1759–1828), Сэмюелем Гуденафом (1743–1827) и Томасом Маршамом (1748–1819) было основано Лондонское Линнеевское общество. На первое его заседание, на котором

оно было учреждено, Кёртис не явился, хоть и был настойчиво зван. Но в члены общества он был принят.

В 1789 году состоялся очередной переезд его сада, на этот раз он расположился в Бромптоне, в районе Челси, Кёртис переехал в дом по соседству и прожил там всю оставшуюся жизнь. Причины этого перемещения можно объяснить собственными словами Кёртиса: «Мне приходится бороться с врагом в Ламбет-Марше, которого не могут победить ни время, ни изобретательность, ни трудолюбие, и это дым Лондона» [3]. Площадь нового сада составляла 34 акра (137593 м²), и 7 акров (28 328 м²) занимал экспериментальный участок.

В том же году Уильям Эйтон (1731–1793), директор Королевских ботанических садов в Кью, назвал в его честь род растений монотипного семейства Куртисиевые (*Curtisiaceae*). Включает единственный вид: Куртисия зубчатая, или Куртисия буковая (*Curtisia dentata* (Burm.f.) C.A.Sm.).

Несколько последующих лет Кёртис посвятил работам в саду, продолжению Ботанического журнала и «Флоры Лондона».

В 1797 году Уильям Кёртис захворал, тяжесть в груди сопровождалась приступами раздражительности. Судя по переписке, болезненное состояние угнетало его, интерес к работе пропал, и друзья пытались поднять ему настроение, предлагая разные темы для исследований и наблюдений. Он начал подыскивать того, кому мог бы передать свой сад и познакомился с Уильямом Солсбери (?–1823), талантливым садовником и автором ряда работ по практической ботанике. Он вполне подошел Кёртису как профессионал, и с ним был заключен договор, по которому после смерти Кёртиса Солсбери мог выкупить сад.

В 1798 году вышел второй том «Флоры Лондона». Он имеет посвящение: «Посвящено Джону Коакли Леттсому, доктору медицины. Другу гуманизма, покровителю наук». Леттсом (1744–1815) был другом Кёртиса со студенческих времен, к тому же они были соседи и имели общий интерес к естествознанию. Наверняка они проводили немало времени вместе в экскурсиях. Леттсом был успешным врачом, он основал Лондонское медицинское общество. Он также был меценатом, помогая финансово в том числе и Кёртису.

К сожалению, Кёртис не стал продолжать «Флору...». Только 2 из 72 описанных в ней растений были из растущих далее 10 миль от Лондона, тогда как мечтой его было выпустить Полную естественную историю Британских островов. Для этой цели им были подготовлены гравированные пластины с изображениями растений, птиц и млекопитающих. Но, видимо, он отчаялся реализовать этот проект и даже подарил свою коллекцию насекомых историку Томасу Фолкнеру (1777–1855), надеясь привлечь его к энтомологии.

В 1818–1828 годах «Флора...» была переиздана Джорджем Грейвсом (1754–1839) и Уильямом Хукером (1779–1832) в расширенном варианте, состоящем из пяти томов.

Уильям Кёртис умер 7 июля 1799 года в возрасте 53 лет от ишемической болезни. Похоронен он был в выбранном им месте, на кладбище в Баттерси, районе, который он особенно любил посещать в своих гербарных экскурсиях. На могильной плите написано: «Здесь покоятся останки г-на Уильяма Кёртиса, автора «Флоры Лондона», Ботанического

журнала и других произведений, весьма полезных для его страны и почетных для него».

Будучи выдающимся ботаником, сочетавшим в себе глубокие познания в некоторых областях энтомологии, и орнитологом немалых способностей, он познакомился с большинством лучших ученых того времени, в том числе с несколькими с континента. Он никогда не пересекал Ла-Манш, но совершал многочисленные экскурсии в различные части своей страны. Как учитель ботаники он пользовался большим уважением и в целом нравился ученикам. Он был приятным и интересным собеседником с тактичным, но острым чувством юмора.

Список источников

1. Botanical Magazine and contemporary publication, the history of // The Gardeners' chronicle: a weekly illustrated journal of horticulture and allied subjects. 1887. Ser. 3: Vol. 1, pp. 345; 381; 451; 479; 514; 520; 641; 671; 767; 774.
2. Curtis museum. Local history: William Curtis. URL: <https://www.hampshireculture.org.uk/sites/default/files/inline-files/WilliamCurtis.pdf> (дата обращения 04.04.2024).
3. Curtis W.H. William Curtis 1746–1799. Fellow of the Linnean Society. Botanist and Entomologist. With Some notes on His Son-In-Law Samuel Curtis. Winchester, 1941, 142 p.
4. Desmond R. WILLIAM CURTIS (1746–1799) // The Kew Magazine. 1987. Vol. 4, No 1, pp. 7–14.
5. Hemsley, W. B. The history of the Botanical magazine. 1787–1904 // Curtis's Botanical Magazine. 1906. Index v. 1–130, pp. v–LXIII.
6. Louslay J.E. William Curtis Part I // Journal of the Royal horticultural society. 1964. Vol. 71, Part 4, pp. 98–100.
7. Louslay J.E. William Curtis Part II // Journal of the Royal horticultural society. 1964. Vol. 71, Part 5, pp. 124–129.
8. Marais W. CURTICIA // The Kew Magazine. 1985. Vol. 2. No 4. P. 368.
9. A Short History of the Library at Apothecaries' Hall. URL: <https://www.apothecaries.org/wp-content/uploads/2019/02/A-Short-History-of-the-Library-at-Apothecaries-Hall.-2019-Final-draft.pdf> (дата обращения 04.04.2024).

MAKEEVA E. William Curtis and his main works

Makeeva Elena — librarian, Department of Russian Academy of Sciences Library at the Komarov Botanical Institute of the Russian Academy of Sciences
Saint-Petersburg, Russia, e-mail: mak_i_ewa@mail.ru

ABSTRACT

William Curtis (1746–1799) — British botanist, entomologist, popularizer of science. The article presents a biography and two main works of his life — the Botanical Journal and the Flora of London.

Keywords: Russian Academy of Sciences Library (RASL), Komarov Botanical Institute of the Russian Academy of Sciences, William Curtis, The Botanical Magazine, Curtis's Botanical Magazine, Flora Londinensis.

С.И. Овчинникова

ОСОБЕННОСТИ ОБСЛУЖИВАНИЯ ЧИТАТЕЛЕЙ БИБЛИОТЕКИ БИН (отдела БАН при БИН)

Овчинникова Софья Ильинична — библиотекарь второй квалификационной категории, отдел Библиотеки Российской академии наук при Ботаническом институте им. В.Л. Комарова Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия, e-mail: sofya_ovchinnikova@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются особенности обслуживания читателей библиотеки БИН с 19 века по настоящее время. Исследована история разработки правил пользования библиотекой БИН. Приводится современная статистика работы абонемента. Представлены актуальные проблемы и перспективы развития библиотеки.

Ключевые слова: обслуживание читателей, Библиотека Российской академии наук, Библиотека Ботанического института, история библиотеки.

Библиотека Ботанического института им. В.Л. Комарова РАН, созданная в 1824 году, является одним из крупнейших в мире собраний ботанической литературы и обладает своей уникальной историей [8, 9, 15].

Изначально Библиотека располагалась по соседству с оранжереями Императорского Ботанического сада. Сегодня библиотека находится в здании, построенном архитектором Адамом Иосифовичем Дитрихом в 1914 году специально для размещения отдела Гербария и Библиотеки.

На первых порах Библиотека носила закрытый характер и была доступна очень узкому кругу читателей, преимущественно ботаникам и работникам Сада. График работы был следующий — с 10 до 15 часов. Книги выдавались только по поручительству штатных служащих, членов Совета или почетных членов Сада. До 1917 года Библиотека обслуживала за год не более 40 человек [14].

Один из первых директоров Библиотеки — Семен Иванович Ростовцев после стажировки за границей был назначен библиотекарем, и уже во время своей профессиональной деятельности, начиная с 1893 года, принимал участие в чтении первых публичных лекций Сада по ботанике. Лекции посещались большим количеством слушателей и носили просветительский характер, вызывая огромный интерес у публики и привлекая в Библиотеку новую читательскую аудиторию [1].

С 1900 по 1903 год по распоряжению руководителя Библиотеки Георгия Адамовича Надсона штатным сотрудником вместе с вольнонаемными помощниками проводилась тщательная проверка библиотеки и приведение ее в «рациональный и систематический порядок», совмещенный с ревизией. Сотрудниками составлялись подробные каталоги дублетов и так называемых дефектов (пробелов, лакун), а также проводилась сверка изданий с каталогами [2–5].

В отчете Сада за 1901 год указывается, что для удобства сотрудников Гербария к тому времени был составлен карточный каталог видов и родов растений. Таким образом многие справки теперь можно было получать непосредственно из каталогов Библиотеки, не прибегая к поискам в Гербарии, что значительно облегчило работу читателей из Гербария [3].

В 1922 году Библиотека принимала участие в Областной Сельскохозяйственной выставке, экспонируя издания Сада. После этого мероприятия среди постоянных читателей Библиотеки появились сотрудники сельскохозяйственных институтов города и области [10].

С 1924 года в отчетах Библиотеки появляются сведения о ежедневной посещаемости, указывается, что в этом году было 3437 посещений [10].

В 1925–1926 годах Библиотека экспонировала издания Сада:

- на 2-м Всесоюзном съезде ботаников в Москве;
- на 4-м Международном Ботаническом Конгрессе в Итаке (Северо-Американские Соединенные Штаты);
- на Международном Тихоокеанском Конгрессе в Токио (Япония) [10].

С этого времени Библиотека выходит на международный уровень.

В 1930 году библиотека вошла в академическую библиотечную сеть Библиотеки Академии наук СССР.

Согласно отчету за 1930 год, библиотека широко практиковала консультации, давая не только библиографические, но и фактографические справки, а также научные рекомендации по различным вопросам, связанным с ботаникой и развивающимся сельским хозяйством. Также она способствовала популяризации знаний путем демонстраций и объяснений, даваемых посетителям Библиотеки, в том числе экскурсантам и учащимся. Библиотека обслуживала все отделы Сада, являясь фундаментом, без которого невозможна успешная научная работа [10].

В 1931 году Ботанический сад и Ботанический музей АН СССР вошли в состав созданного Ботанического института АН СССР. Тогда же в Библиотеку поступила не только ценная коллекция ботанических рисунков Ботанического музея, но и его библиотека, берущая свое начало с 1835 года [11].

В 1933 году Библиотека подверглась проверке комсомольской организацией, называемой группой Легкой Кавалерии. Группа проверяла аккуратность и точность исполнения библиотечного труда. В ходе этой проверки были выявлены недочеты, основанные на человеческом факторе. Некоторые сотрудники делали ошибки при книговыдаче и расстановке книг. Итогом этой проверки стало усиление контроля за качеством выполняемой работы и равномерное распределение рабочих обязанностей между библиотекарями [7].

В 1941 году между библиотеками Ботанического и Зоологического институтов проводилось социалистическое соревнование, целью которого было успешное разрешение задач, включенных в годовой план [7].

В годы Великой Отечественной войны, в тяжелых условиях блокады Ленинграда, сотрудникам библиотеки удавалось не только сохранять фонды, но и принимать новые издания, продолжая обслуживать читателей. Велась работа по подбору литературы для сотрудников института, писавших популярные брошюры о съедобных и прочих полезных растениях, которые могли быть использованы для приготовления пищи

в условиях блокады, а также в медицинских целях. Здание библиотеки в тот период не отапливалось. Для работы библиотекарей было временно выделено другое помещение. Несмотря на тяжелые условия работы, библиотекари выделяли 2–3 часа в день для работы в главном здании. Также отмечается недостаточный штат сотрудников библиотеки, в связи с чем библиотекари работали с увеличенной нагрузкой. Работа усложнялась еще тем, что часть книг была упакована в ящики для эвакуации в Казань. Поэтому, чтобы отыскать требующуюся читателю книгу, приходилось вскрывать один, а иногда и несколько ящиков [10].

В настоящее время фонд Библиотеки охватывает хронологические рамки с 15 века по настоящее время. На сегодняшний день общий объем фонда составляет около 600 000 единиц хранения, в том числе иностранной литературы — около 390 000 единиц

хранения (это также является отличительной чертой научной библиотеки — объем иностранного фонда превалирует над отечественным).

Иван Андреевич Оль, долгое время заведовавший Библиотекой, писал в одном из своих отчетов: «Библиотека Ботанического Сада является узловой библиотекой по ботанике. Она постепенно накапливает литературу по ботанике, стремясь к исчерпывающему собранию этой литературы. Этим библиотека создает условия, обеспечивающие возможности для научно-исследовательской деятельности, как Ботанического Института, так и других ботанических учреждений» [10].

За все время своего существования Библиотека старалась регламентировать отношения с читателями. Известно, что первые правила пользования Библиотекой были составлены 1902 году. Отчеты Сада за 1901–1902 годы свидетельствуют о том, что в 1901 году на одном из заседаний под председательством Августейшей Покровительницы и Попечительницы Сада, Ея Императорского Высочества Принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской был поставлен вопрос о составлении правил для пользования Библиотекой и Гербарием Сада. Разработка библиотечных правил была поручена Георгию Адамовичу Надсону. В 1902 году эти правила были утверждены и приняты к исполнению. Этот документ устанавливал круг обязанностей сотрудников, их служебные взаимоотношения, продолжительность работ, порядок и сроки пользования книгами библиотеки для служащих, посторонних лиц и отдельных учреждений [4]. До этого времени Библиотека не имела собственных официальных правил. К сожалению, сам документ не сохранился, есть только записи о нем в отчетах этого периода. Самые ранние из дошедших до нас Правил датируются уже 1908 годом.

Из самых ранних данных о Библиотеке удалось узнать следующее:

– Библиотека была открыта ежедневно, кроме выходных и праздничных дней. Рабочий день длился с 10 до 15 часов.

– Лицам, не принадлежащим к ученому составу Ботанического Сада, для научных занятий в Библиотеке было необходимо получить письменное разрешение Директора Сада, выдаваемое на основании рекомендаций.

– На дом издания могли получать только штатные сотрудники. Остальные читатели пользовались книгами в помещении Библиотеки и Гербария [12].

Также в инструкции библиотекаря от 9 января 1915 года отмечается, что библиотекарь заведовал библиотекой Сада и отвечал за целостность ее имущества. Он принимал поступающие в Библиотеку книги, журналы, чертежи и выдавал их для чтения согласно правилам Библиотеки [6].

Несмотря на то что в ранний период в Библиотеке работал, как правило, один библиотекарь, в инструкции указано, что у него был штатный помощник, который помогал библиотекарю в исполнении обязанностей. Часто для работы в библиотеке привлекались вольнонаемные помощники.

С течением времени правила Библиотеки менялись. Тем не менее можно отметить их сходство. Например, в дореволюционных, советских и современных правилах пользования указаны следующие пункты:

- Для получения литературы читателю необходимо заполнить бланк читательского требования (как и во многих других библиотеках, на требовании указывается шифр, заглавие, номер и год выпуска, дата заказа, а также фамилия читателя);

- Справочные издания, атласы, редкие, ценные и рукописные издания на дом читателям не выдаются;

- При утрате издания из Библиотеки читателю необходимо найти аналогичную замену или возместить убыток.

Уже в дореволюционных правилах отмечается, что на место взятой книги ставится книжный заместитель. В нем указывается название книги и фамилия взявшего ее лица. Частично это правило сохранилось в наше время и распространяется на значительную часть литературы [12].

В современных правилах добавляются пункты, где указывается, что на дом не выдаются издания, выпущенные до 1920 года, диссертации, справочные издания и литература из библиотеки В.Л. Комарова.

Долгое время Библиотекой могли пользоваться только сотрудники Института и Ботанического сада, ученые и студенты ВУЗов биологического профиля. Сегодня читальный зал Библиотеки открыт для студентов всех высших учебных заведений.

Начиная с советских времен, для читателей стал доступен межбиблиотечный абонемент (МБА). Основанием для открытия абонемента и получения изданий по МБА является заполненный бланк-заказ единого образца, подписанный лицом, ответственным за работу МБА, и заверенный печатью библиотеки учреждения.

Также читатели Библиотеки могут получить необходимые для их работы документы с помощью электронной доставки документов (ЭДД) ЦБ БАН.

С появлением и развитием цифровых технологий, а также их широкой доступностью возникла необходимость внести новые пункты в правилах пользования Библиотекой, поэтому, согласно правилам, не разрешается использовать фото-видеоаппаратуру без особого разрешения.

Важно отметить, что вход в Библиотеку в верхней одежде, с сумками, портфелями и сетками запрещен. Их можно сдать в гардероб и располагающиеся в нем камеры хранения.

В настоящее время Библиотека использует внутренние правила пользования библиотекой и общие правила БАН.

Отдел БАН при БИН имеет следующие показатели по обслуживанию читателей и пользователей: на 01.01.2024 года количество пользователей отдела БАН при БИН составляет 522 человека, из них читателей — 301; посетителей мероприятий и выставок, организуемых библиотекой, — 221 человек. В читальном зале зарегистрировано 46 пользователей.

Таблица 1. Состав читателей

Читатели библиотеки БАН при БИН РАН	БИН	Ч/З	Всего
Читатели (всего)	255	46	301
Научные сотрудники и преподаватели ВУЗов	210	23	233
Научные сотрудники со степенью	147	15	162
Кандидат наук	110	11	121
Доктор наук	37	4	41
Академик	–	–	–
Член-корреспондент	–	–	–
Научные сотрудники без степени	63	8	71
Специалисты	30	14	44
Аспиранты	15	1	16
Прочие	–	8	8

В 2023 году всего было выдано 4450 документов.

Таблица 2. Книговыдача

Выдача документов (всего)	4450
В т. ч. зарубежные издания	906
Абонемент и читальный зал	1648
МБА	6
ЭДД	3
Выставки и открытый доступ	2796

Количество посещений (обращений) в целом составляет 4200 человек (данные за 2023 год).

Таблица 3. Посещаемость

Количество посещений (обращений) всего:	4200
1. Посещение читателями	1798
2. Обращение к электронным ресурсам всего	2402
2.1. Сайт библиотеки	446
2.2. БД, установленные на сайте	1956
В т.ч. БД собственной генерации	1956

Стоит отметить, что традиционная книговыдача, базирующаяся на бумажных требованиях, имеет как свои плюсы, так и минусы.

К минусам традиционной книговыдачи относится то, что в процессе работы случаются ошибки, основанные на человеческом факторе. Например, из-за неправильно написанного шифра, потерянного требования или неверно поставленного заместителя, может произойти заставка. Вследствие чего следующий читатель, запросивший это же издание, не сможет им воспользоваться.

К несомненным плюсам можно отнести то, что бумажное требование является полноценным документом, подтверждающим выдачу книги читателю, а сам процесс не зависит от сбоев техники. Имея личный опыт работы в библиотеке ВУЗа, где книговыдача автоматизирована, могу сказать, что эта система также не является идеальной. При использовании автоматизированной книговыдачи, в том случае, если библиотекарь не вышел из системы или не заблокировал экран своего рабочего компьютера для других пользователей, его рабочим местом может воспользоваться другой библиотекарь и выдать книгу под чужим именем.

Тем не менее электронная книговыдача, безусловно, упрощает и ускоряет процесс библиотечного обслуживания. Наличие редких и ценных фондов является определяющим фактором в выборе оптимального варианта книговыдачи, который заключается в симбиозе традиционной и электронной книговыдачи.

Остается открытым вопрос о замене изданий, утерянных читателями. В ЦБС БАН работает инвентарная комиссия, рассматривающая вопросы исключения литературы и замены утраченных читателями изданий. В действующих правилах БАН указывается, что размер компенсации нанесенного ущерба определяется экспертной комиссией БАН. Поэтому мы вынуждены для решения этих вопросов отправлять читателей в Центральную библиотеку БАН, что усложняет процесс возмещения убытка.

В советское время в случае утери библиотечной собственности читатель возмещал убыток либо путем возврата равноценной копии, либо оплатой издания в десятикратном размере.

На сегодняшний день, согласно Статье 9. «Ответственность пользователей библиотек» Федерального закона от 29.12.1994 № 78-ФЗ «О библиотечном деле»:

«Пользователи библиотек обязаны соблюдать правила пользования библиотеками.

Пользователи библиотек, нарушившие правила пользования библиотеками и причинившие библиотекам ущерб, компенсируют его в размере, установленном правилами пользования библиотеками, а также несут иную ответственность в случаях, предусмотренных действующим законодательством» [13].

В «Правилах пользования Библиотекой Отдела БАН при Ботаническом институте им. В.Л. Комарова РАН» указывается, что лица, причинившие ущерб фонду Библиотеки, несут материальную, уголовную или иную ответственность в соответствии с законодательством РФ.

Для успешного решения данного вопроса необходимо регулярно обновлять действующие правила Библиотеки с учетом реалий сегодняшнего дня.

Очень важно отметить, что актуальность, полнота правил пользования и их четкое соблюдение читателями, а также добросовестная работа сотрудников Библиотеки обеспечивает сохранность уникального фонда.

Отдел БАН при БИН продолжает пользоваться большим спросом среди широкого круга читателей, число пользователей растет с каждым годом. Несмотря на сложную обстановку в мире и закрытие многих границ, авторитет Библиотеки по-прежнему достаточно высок как для отечественных, так и для зарубежных пользователей.

Список источников

1. Извлечение из отчета Императорского С.-Петербургского Ботанического Сада за 1893 г. // Acta Horti Petropolitani. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1895. 14 т. № 3. С. 75–88.
2. Извлечение из отчета Императорского С.-Петербургского Ботанического Сада за 1900 г. // Приложение к «Трудам» Императорского СПб. Ботан. Сада. Санкт-Петербург: Типо-литография «Герольд», 1901. 18 т. С. 1–46.
3. Извлечение из отчета Императорского С.-Петербургского Ботанического Сада за 1901 г. // Приложение к «Трудам» Императорского СПб. Ботан. Сада. Санкт-Петербург: Типо-литография «Герольд», 1902. 20 т. С. 1–42.
4. Извлечение из отчета Императорского С.-Петербургского Ботанического Сада за 1902 г. Санкт-Петербург: Типо-литография «Герольд», 1903. С. 1–52.
5. Извлечение из отчета Императорского С.-Петербургского Ботанического Сада за 1903 г. Санкт-Петербург: Типо-литография «Герольд», 1903. С. 1–50.
6. Инструкция Библиотекарю Императорского Ботанического Сада Петра Великого // Приложение 3 к «Известиям Императорского Ботанического Сада Петра Великого», 1915. С. 29–30.
7. Материалы по истории Библиотеки Ботанического института им. В.Л. Комарова АН СССР // Архивные материалы, 1915–1975.
8. Надсон Г.А. Библиотека Императорского С.-Петербургского Ботанического сада и ее книжные сокровища // Имп. С.-Петербургский Ботанический сад за 200 лет его существования (1713–1913): Юбил. Изд. / Гл. ред. А.А. Фишер фон Вальдгейм. Санкт-Петербург, 1913. С. 39–95.
9. От Аптекарского огорода до Ботанического института: Очерки по истории Ботан. ин-та Акад. наук СССР / [Отв. ред. П.А. Баранов и Е.Г. Бобров]; Акад. наук СССР. Ботан. ин-т им. В.Л. Комарова. Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 308 с.
10. Отчеты Библиотеки Ботанического института АН СССР им. В.Л. Комарова // Архивные материалы, 1921–1945.
11. Памятка читателю / БАН СССР. Сост. Г.Н. Панкратова; под ред. Д.В. Лебедева. Ленинград, 1981. 24 с.
12. Правила Библиотеки Императорского С.-Петербургского Ботанического Сада. Юрьев: Типография К. Маттисена, 1908. 4 с.
13. ФЗ РФ от 29.12.1994 г. № 78-ФЗ «О библиотечном деле» (с изменениями и дополнениями). URL: <https://culture.gov.ru/documents/o-bibliotechnom-dele-29129478/> (дата обращения: 19.04.2024).
14. Цветкова Н.Н. Библиотека Ботанического института им. В.Л. Комарова: (История и современное состояние) / Н.Н. Цветкова, З.Ф. Крюкова, Д.В. Лебедев // ББИ, 1967. № 3. С. 102–116.
15. Централизованная сеть петербургских академических библиотек: становление и развитие: Сборник статей / Б-ка Рос. акад. наук; [Редкол.: В.П. Леонов (отв. ред.) и др.]. Санкт-Петербург: БАН, 1992. 128 с.

OVCHINNIKOVA S. Peculiarities of servicing BIN library readers (Department of RASL at BIN)

Ovchinnikova Sofya — librarian of the second qualification category, Department of the Russian Academy of Sciences Library at the V.L. Komarov Botanical Institute of the Russian Academy of Sciences
Saint-Petersburg, Russia, e-mail: sofya_ovchinnikova@mail.ru

ABSTRACT

The article discusses the features of serving readers of the BIN library from the 19th century to the present. The history of the development of rules for using the BIN library has been researched. The current statistics on working with readers are provided. Current problems and prospects for library development are presented.

Keywords: reader service, Russian Academy of Sciences Library, V.L. Komarov Botanical Institute of the Russian Academy of Sciences, history of the library.

УДК 009.930+82-88
ББК 63+78.35

А.К. СЫТИН

О ПОКУПКЕ КНИГ ИЗ ГОРЕНСКОЙ БИБЛИОТЕКИ ГРАФА АЛЕКСЕЯ КИРИЛЛОВИЧА РАЗУМОВСКОГО

Сытин Андрей Кириллович — доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник, отдел Гербарий высших растений БИН РАН, Ботанический институт им. В.Л. Комарова РАН
Санкт-Петербург, Россия, e-mail: andrey.syтин.bin@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В историографию книжного собрания библиотеки Ботанического института им. В.Л. Комарова РАН впервые вводится документ, хранящийся в Российском государственном историческом архиве (РГИА): директор Императорского ботанического сада Федор Богданович Фишер предлагает купить 408 книг из Горенской библиотеки покойного графа А.К. Разумовского. Сверив их стоимость с «Catalogue des livres...» парижского букиниста J.G. Brunet, он дал им оценку в 34 114 рублей, что составило бы экономию в 4114 рублей от их рыночной стоимости при покупке за 30 000 рублей. Президент Академии наук граф Сергей Семенович Уваров поручил провести экспертизу ординарному академику Карлу Триниусу. Принятая резолюция: «признаю возможным просимую сумму тридцать тысяч рублей уплатить из Медицинских сумм экономическими распоряжениями сберегаемых». Комментарии дополнены сведениями о книжном собрании графа А.К. Разумовского.

Ключевые слова: историография, Федор Богданович Фишер, Императорский Ботанический сад, граф Алексей Кириллович Разумовский, Горенский ботанический сад, редкие книги.

«Ему наука Ботаники чрезвычайно обязана относительно познания и распространения растений России».

(Ф.Б. Фишер о графе А.К. Разумовском)

Жизнеописание графа Алексея Кирилловича Разумовского (1748–1822) доселе не существует. Течение жизни его полно недомолвок и умолчаний. Биографический очерк, составленный его племянником Александром Алексеевичем Васильчиковым (1832–1890) на основе писем и документов из семейного архива, рисует образ натуры одаренной, но противоречивой [Васильчиков, 1880]. До сих пор не оценена государственная деятельность графа на посту министра просвещения, хотя одно лишь создание Царскосельского лицея, воспитавшего А.С. Пушкина, заслуживает вечной благодарности соотечественников. Не исследованы ученые штудии графа в области естественных наук, а организация крупнейшего частного научного учреждения — Горенского ботанического сада — остается непознанным феноменом российского частного коллекционирования.

«Около 1795 года граф А.К. Разумовский <...> основал Ботанический сад в сельце Горенках в 13 верстах от Москвы, который при управлении Разумовского, доведен был до необыкновенного совершенства, и в 1812 году до нашествия французов содержал до 12.000 видов. <...> Ему (Разумовскому) наука Ботаники чрезвычайно обязана относительно познания

и распространения растений России» [Липский, 1913], — писал Федор Богданович Фишер, возглавлявший Горенский ботанический сад около двух десятилетий.

Идею синтеза природы и архитектуры с инженерными расчетами Фишер позже воплотил в структуру Императорского ботанического сада в Петербурге (ныне Ботанический сад им. Петра Великого Ботанического института им. В.Л. Комарова РАН). Коллекции Горенского сада пополнялись сборами семян и живых растений в специально снаряжаемых экспедициях, а итоги этих ученых путешествий обсуждались на заседаниях аффилированных с ним научных обществ — Московского общества испытателей природы (1805) и Горенского фитографического общества (1809). Неизвестно кто пробудил в юном Разумовском страсть к растениям, но поздние, наиболее плодотворные научные контакты связывали Горенский сад с Германией, в частности, с университетом города Галле и его профессором Куртом Шпренгелем¹. Именно он рекомендовал своего ученика Фишера на русскую службу. Ставший первым директором Императорского ботанического сада, Федор Богданович долгое время был известен в России как «Фишер — Горенский».

В истории преобразования полупреображенного сада Разумовского в реально существующее государственное учреждение каждый факт или документ приобретает особую ценность. Поэтому обнаруженное в фондах РГИА «Дело о покупке книг из Горенской библиотеки графа Алексея Кирилловича Разумовского для усовершенствования библиотеки Императорского ботанического сада в 1825 году» заслуживает тщательного изучения и комментирования. Текст документа приводится полностью, стиль и орфография сохранены, исключены лишь «ъ», подчеркнутые строки соответствуют оригиналу:

«Министерство Внутренних Дел. Департамент Медицинский, Отделение 2. Стол 2. 16 июня 1825. № 176.

Директор Императорского Ботанического Сада Фишер² предлагая в покупку для онаго заведения 408 сочинений, имеющиеся в его распоряжении из числа весьма значительной Ботанической Библиотеки, бывшей прежде у покойного Графа Разумовского в Горенском Ботаническом саду, представил мне помянутым сочинениям Каталог, оцененный им по каталогу Брюнета³; кроме новейших сочинений по части еще не оконченным, коим цены поставил он хотя продажные, но гораздо умереннее тех, по коим они были куплены; доносим, что из означен-

¹ Шпренгель Курт (Sprengel, Kurt [Polycarp Joachim]; 1766–1833) — германский ботаник и медик. Один из основоположников ботанической историографии: Kurt Sprengel's Geschichte der Botanik. Neu bearbeitet. In zwei Theilen. Altenburg und Leipzig (F.A. Brockhaus). 1817–1818, 2 parts. Две попытки Шпренгеля дать название родам растений в честь А.К. Разумовского оказались неудачными. Оба названия не являются принятыми в ботанической номенклатуре 1. Род *Razumovia* K.P.J. Sprengel Mant. Prima Fl. Hal. 4 Jul. 1807. Вид *R. tranquebarica* K.P.J. Sprengel (Scrophulariaceae). 2. Род *Razumovia* K.P.J. Sprengel ex A.L. Jussieu, Dict. Sci Nat. 44: 526. Dec. 1826 (non 2.P.J. Sprengel 1807) является синонимом рода (*Calomeria* Ventenat 1804 (Asteraceae)).

² Фишер Федор Богданович (Fischer, Friedrich Ernst Ludwig von; 1782–1854) — немецкий ботаник на русской службе. Степень доктора медицины получил в университете г. Галле (1804), рекомендован профессором Куртом Шпренгелем на должность управляющего Горенским ботаническим садом графа Разумовского, которую занимал с 1806 по 1822 гг., сделав частное учреждение одним из центров мировой науки, член-корреспондент Академии наук в Петербурге (1819), директор Императорского ботанического сада в Петербурге (1823–1850).

³ Брюне Жак Шарль (Brunet, Jacques Charles; 1780–1867) — известный парижский библиограф и книготорговец, автор трехтомного каталога «Manuel du libraire et de l'amateur des livres» (Paris, 1810).

ной в том каталоге суммы 34.114 рублей сбавляет он в пользу Сада 4114 рублей, не считая во все дорогих переплетов, на многих сочинениях совершенно сохранных.

Желая воспользоваться приобретением сочинений сих для усовершенствования Библиотеки Императорского Ботанического сада по примеру того как при первоначальном устройстве сего Заведения получило оно выгодным образом немаловажную Библиотеку Профессора Стефана⁴ и его Гербарий, на покупку коих Комитет Гг Министров дал мне разрешение выпиской из журнала 29 Января и 15 Марта прошлого 1824 года, я препровождал представленный Директором Фишером Каталог новым сочинениям к Г-ну Президенту Императорской Академии наук⁵ с тем, что бы чрез одного из ея Академиком лично осмотреть, оценить по истинным ценам те сочинения и определить какая разность в истинной цене книг против предложенной Г-ном Фишером.

Г-н Президент Академии наук возвратив помянутый Каталог при известии, что рассматриванием оною, по получении его, занимался Ординарный той Академии Академик Триниус⁶ приложил донесение его следующего содержания:

1.е, Еще в бытность его в Москве, имел он уже случай удостовериться в достоинстве Библиотеки сей, как со стороны многих редких и дорогих, древнейших и новейших сочинений, так равно и в наружном оных благосостоянии. Ныне при возложении на него сего освидетельствования, нашел он, что есть в каталоге поименованные книги находятся в порядке и в состоянии нисколько не поврежденном.

2.е, Цены некоторым древним Сочинениям, кои по достоинству их и времени ныне определены быть не могут, поставлены вообще весьма умеренным, судя по тому, за сколько таковые Книги приобретаемы бывают на Аукционах Антиквариев.

3.е, Цены многих новых вообще уважаемых и не столько дорогих творений, найдены им значительно пониженными против цен Книгопродавцев.

4.е, Новейшие дорогие сочинения Дугамеля⁷, Редуте⁸, Гумбольдта⁹, Бонплана¹⁰ и некоторых других оценены по продаваемым ценам в Книжных Лавках, иные же и дешевле, как например:

⁴ Стефан Фридрих Христианович (Stephan, Christian Friedrich; 1757–1814) — ботаник, медик, коллекционер и библиофил. Профессор Московской медицинской школы и Петербургской медико-хирургической Академии. Руководитель Медицинского сада (Аптекарского огорода) у Сухаревой башни в Москве, где создал музей естественной истории, передав в него значительный гербарий. Автор одной из первых «московских флор» «Enumeratio stirpium agrī Mosquensis» (М., 1792) содержащей 860 видов с указанием их местообитаний, времени цветения и некоторых местонахождений. Сотрудничал с Разумовским на первых этапах создания Горенского ботанического сада, где им было собрано много образцов, включенных в «Herbarium Stephanianum», ныне хранящихся в гербарии Ботанического института им. В.Л. Комарова РАН (LE).

⁵ Уваров Сергей Семенович (1786–1855) — граф, государственный деятель, президент Академии наук с 1818 г., зять графа А.К. Разумовского, женатый на его дочери Екатерине Алексеевне Разумовской.

⁶ Триниус Карл Антонович (Trinius, Carl Bernhard von; 1778–1844) — ботаник, специалист по систематике злаков, ординарный академик по ботанике Императорской Академии наук в Петербурге с 1823 г. Учился в Йене, Галле и Лейпциге. В Россию прибыл как лейб-медик герцогов Вюртембергских.

⁷ Дюамель дю Монсо, Анри Луи (Duhamel du Monceau, Henri Lois; 1700–1782) — французский агроном, дендролог, лесовод и ботаник.

⁸ Редуте Пьер Жозеф (Redouté Pierre Joseph; 1759–1840) — мастер ботанической графики. Был придворным художником королевы Марии-Антуанетты. Впоследствии работал в Музее естественной истории в Париже с ботаниками Рене Луи Десфонтемом (Desfontaines René Louiche; 1750–1833) и Огюстом Пирамом Деканделем

У книгопродавцев же стоит:

Dugamel *Traité des Arbes*¹¹, ценою в 2.700 р. 3.320 р.

Ventenat *Jardin de Malmeson*¹² 600 р. 800 р.

Ventenat *Jardin de Cels*¹³ 150 р. 180 р.

Одно токмо сочинение Редуте *Lilacées*¹⁴ оценено дороже противу продажных цен Книгопродавцев. Наружная красота сего Экземпляра и издержки, на пересылку онаго употребленные, вероятно сему причиною.

5.е, Против Каталога не оказалось 6-ти Номеров сочинений, коих цена в сложности составляет 34 тыс. руб., но Г. Директор Фишер вместо их уступает Сочинение под названием: *Zorn icones plantarum Medicinalium*¹⁵ в 6-ти частях, стоящее 168 руб.

В заключение Академик Триниус присовокупляет, что принимая во внимание редкость большей части творений сих, полноту их, умеренность в ценах и богатство переплетов, совершенно сохранившихся, находит он приобретение таковой для Библиотеки Императорского Ботанического сада весьма важным и даже необходимым пособием, а объявленную сумму 30 тыс. руб. ни сколько не высокою.

Представляя предложение Директора Фишера о покупке 408 сочинений по части Ботанической в прилагаемом при сем Каталоге, означенных и донесении об них Академика Триниуса на рассмотрение и разрешение Комитета Гг. Министров я имею честь присовокупить с своей стороны, что имели по уважению пользы приобретения творений сих для Императорского Ботанического сада и выгоды цены угодно будет разрешить покупку оных, то я признаю возможным просимую за них сумму тридцать тысяч рублей уплатить из Медицинских сумм экономическими распоряжениями сберегаемых.

Управляющий Министерством Внутренних дел».

РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 418. Л. 531–533.

(Candolle, Augustin Pyramus de; 1778–1841). В содружестве с ботаником Э.П. Вантена (Ventenat Étienne Pierre; 1757–1808) создал превосходные изображения растений, которые выращивались в парке и оранжереях императрицы Жозефины Бонапарт в замке Мальмезон.

⁹ Гумбольдт Александр фон (Humboldt, Friedrich Wilhelm Heinrich Alexander von, 1769–1859) — германский натуралист и путешественник. Собрал и описал множество видов растений во время экспедиции в тропическую Америку вместе с Бонпланом (1799–1804). Один из основателей ботанической географии: *Essai sur la géographie des plantes* A Paris, 1805. (Совместно с А. Ж. А. Bonpland).

¹⁰ Бонплан Эме Жак Александр (Bonpland, Aimé Jacques Alexandre; 1773–1858) — французский ботаник и путешественник. Растения, собранные им во время путешествия по странам экваториальной Америки выращивались в оранжереях замка Мальмезон. См. *Description des plantes rares cultivées a Malmaison et a Navarre*. Paris. (P. Didot l'aîné) [1812–] 1813 [–1817]. 6 part.

¹¹ [Duhamel du Monceau, H.L.] *Traité des arbes et arbustes que l'on cultive en France*, par Duhamel. Nouvelle édition, augmenté de plus de moitié pour le nombre des espèces, distribuée d'après un figures d'après les dessins de P.J. Redouté... dédiée a Sa Majesté l'Impératrice Reine. Paris (Étienne Michel) [1800–] 1801–1819. 7 vols.

¹² Ventenat É.P. *Jardin de la Malmeson ... à Paris* (de l'imprimerie de Grapelet, et se trouve chez l'auteur, à la bibliothèque nationale du Panthéon). 1803–1804. Роскошное сочинение, иллюстрированное Редуте, было осуществлено супругой Наполеона Бонапарта императрицей Жозефиной. Род *Josephinia* Ventenat был описан в ее честь.

¹³ Ventenat É.P. *Choix de plantes, dont la plupart sont cultivées le Jardin de de Cels, ... à Paris* (de l'imprimerie de Grapelet...) 1803 [–1808]. Описание растений, выращиваемых в ботаническом саду Селс (ныне в черте Парижа) было иллюстрировано P.J. Redouté, P. Bessa, A. Poiteau, H.J. Redouté, P.J.F. Turpin.

¹⁴ Redouté P.J. *Les Lilacées...* à Paris (chez l'auteur, au palais national des sciences et arts. De l'Imprimerie de Didot Jeune). 1802 [–1816], 8 vols.

¹⁵ Zorn Johannes (1739–1799) *Icones plantarum medicinalium. Centuria 1 [–VI]*. Abbildungen von Arzneypflanzchen... Nürnberg (auf Kosten der Raspischen Buchhandlung) 1779 [–1790]. 6 vols. Иллюстрированное сочинение баварского медика и фармацевта Иоганна Цорна, содержащее гравированные изображения лекарственных растений и рекомендации по их применению.

Перечисленные в документе книжные сокровища, сохраняясь в собрании библиотеки Ботанического института, по-прежнему служат науке. В этой преемственности знания непреходящая заслуга Разумовского-библиофила. Обратим внимание, что суммы оценки книг, довольно высокие, не шли в сравнение со стоимостью земельных владений и недвижимости, бывшими в собственности семейства Разумовских. Размах строительства и стоимость содержания архитектурных сооружений и парков (кроме подмосковной усадьбы Горенки граф Алексей Кириллович создавал грандиозные ансамбли в Яготине и Почепе в Малороссии, располагал великолепным дворцом с обширным парком на Гороховом поле в Москве и т.д.), неизбежно привели к финансовому краху и разорению. Возможно, сделка по продаже книг решалась как соглашение между экономным Ф.Б. Фишером и практичным графом С.С. Уваровым — мужем Екатерины Алексеевны, дочери покойного графа. В документе высвечивается узкий круг лиц, причастных к делопроизводству покойного графа, но не упомянут его старший сын и наследник — Петр Алексеевич (1775–1835). Последний носитель графского титула Разумовских, воспитанник Геттингенского университета, камергер, чиновник особых поручений при новороссийском губернаторе, слыл авантюристом с криминальными наклонностями, но вслед за отцом и дедом граф Петр Алексеевич увлекался садоводством и обладал изрядным книжным собранием. *Рукописный каталог ботанических книг графа Петра Алексеевича Разумовского хранится в библиотеке Ботанического института. На последней странице имеется запись «Итого всех книг 1317. Сие описание книг сделал и перевел на русский ст[удент] медико-хирургической академии Венцеслав Гельд¹⁶ 13-го декабря 1824 г.». Список книг со следами сверки авторизован подписью Федора Фишера.*

Об интересе графа Алексея Кириллович к редким изданиям свидетельствует каталог «Notice des monuments typographiques qui se trouvent dans la bibliothkque du Comte A. Razoumovsky». Moscou 1810, 163 с. Граф был обладателем таких исключительных раритетов как «Библия Гуттенберга» 1450–1455 гг. — первая печатная книга, которая была представлена фрагментарно; также была у него «Естественная история» Плиния, напечатанная в Базеле в типографии Иоганна Фробениуса, известного как «König der Drucker» — «король печатников»; семь названий сочинений теолога и философа Фомы Аквинского; творения античных поэтов, комментированные учеными эпохи Возрождения, и другие сокровища гуманитарной культуры Европы XV–XVI вв.

Авторство каталога «Памятников книгопечатания» приписывалось профессору Московского университета Ивану Андреевичу Гейму¹⁷, однако в более позднем каталоге, о котором будет сказано ниже, читаем: «Monumens typographiques. Je me rapporte ici a la Notice des monumens typographiques, publiée par Mr. le Conseiller Aulique et Chevalier Gotth. Fis-

¹⁶ Гельд Венцеслав — студент Медико-хирургической академии, позже частнопрактикующий врач в г. Вятке. Претендовал на получение степени доктора медицины в Казанском университете в 1831 г. и получил ее, преодолев ведомственный конфликт, длившийся несколько лет. См. С.Н. Затравкин, З.С. Гагина, Е.А. Вишленкова и др. Врачебная служба // История медицины и медицинской географии в Российской империи. Москва, Шико. 2021. С. 111–112.

¹⁷ Гейм Иван Андреевич (1759–1821) — ординарный профессор кафедры истории, статистики и географии Российского государства (1804–1821), декан (1805–1808, 1819–1820) отделения словесных наук Московского университета, директор библиотеки Московского университета (1815–1821).

cher. Moscou, 1810». Таким образом, согласно примечанию, каталог был составлен надворным советником Gottgelf Fischer, а именно Григорием Ивановичем Фишером фон Вальдгеймом, иногда называемым «русским Кювье». Зоолог (энтомолог и териолог), знаток музейного дела, составитель двухтомного каталога парижского Музея естественной истории «Das Nationalmuseum der Naturgeschichte zu Paris» (Frankfurt a. M., Bd. 1–2, 1802–1803), близко знавший крупнейших ученых своего времени — братьев Гумбольдтов, Ж. Кювье, Э. Жоффруа Сент-Илера и многих других — Готтгельф Фишер в 1803 г. получил приглашение от попечителя Московского Университета М.Н. Муравьева принять заведование кафедрой естественной истории и должность директора естественно-исторического музея. Фишер принял предложение и в следующем 1804 г. становится профессором Московского Университета. В 1805 г. Г.И. Фишер создает Московское общество испытателей природы (МОИП), президентом которого избирается граф А.К. Разумовский [Соколов, Шишкин, 2005].

Двухтомный каталог библиотеки А.К. Разумовского «Catalogue des livres de la bibliothkque de Son Excellence Monsier le comte Alexis de Razoumoffsky». Premiere–Seconde partie. Moscou 1814» всесторонне освещает научные и художественные интересы графа. В теме «Histoire Naturelle» особенно содержателен отдел 1. «Botanique». Мы кратко воспроизводим его рубрикацию, выявляя издания, касающиеся «горенской» темы.

«История ботаники» открывает раздел 1. В нем значится единственное латинское сочинение основоположника историографии ботаники Курта Шпренгеля: Sprengel K. Historia rei herbaria. T. 1–2. Amstelodami: 1807; во втором издании, переведенном на немецкий язык, Шпренгель пишет о Горенском саде Разумовского: «богатейший сад в России и один из наиболее значительных садов нового времени» [Лебедев, 1986. С. 19].

Следующий раздел 2. «Библиография» включал ряд классических сочинений «Bibliotheca botanica» — образцовая работа Альбрехта фон Галлера (1771) и одноименное сочинение Карла Линнея (1747); 3. Словари; 4. Трактаты о методах; 5. Ботаническая терминология; 6. Системы растений; 7. Новые роды растений. Именно здесь широко представлены труды Линнея, в особенности издания «Species plantarum», в том числе и посмертное Editio Quarto («четвертое издание») в редакции К.Л. Вильдена (1797); 8. Названия растений; 9. «Histoire des plantes», в этом разделе представлены иллюстрированные труды «гербалистов» — Леонхардт Фукс и др.; 10. «Изображения растений» — избранная ботаническая графика; 11. Описание растений и ботанические наблюдения; 12. «Recueil d'ouvrages botaniques» (коллекция ботанических работ). Здесь находился сборник «Allgemeine botanische Bibliothek...», содержащий современные обзоры, трактаты, эссе и хронику событий, происходивших в ученом мире; 13. «Ботанические сады и каталоги» — любопытно, что в нем упомянуты 2 каталога Горенского сада, созданные его управляющим И.И. Редовским¹⁸, — «Enumeratio plantarum in horto Comitum Alexii

¹⁸ Редовский Иван Иванович (Redowsky, Ivan Ivanovich; 1774–1807) — управляющий Горенским садом, ботаник и путешественник по Восточной Сибири, погибший в экспедиции. См. Черников А.М., Пидотти О.А. Путешествие ботаника И.И. Редовского в 1806–1807 гг. в Якутию и к Охотскому морю (К 200-летию со дня рождения) // Ботан. журн. 1774. Т. 59. 3 № 3. С. 451–457; Черказьянова И. И.И. Редовский: судьба ученого, судьба научного наследия // Русско-немецкие связи в биологии и медицине. Санкт-Петербург, 2003. Вып. 4. С. 106–117.

а Razoumoffsky in pago Mosquensi Gorinka vident» (1803), его же каталоги, датированные 1804 и 1805 гг. Как и первый, оба отсутствуют в библиотеке БИН. Единственный имеющийся в нашей библиотеке каталог сада в Горенках составлен Ф. Фишером: Fischer F. «Catalogue du Jardin des plantes de son excellence monsieur le comte Alexis de Razoumoffsky, a Gorenki Moscou» Moscou, impr. Vsevolojsky, 1812. VIII, 76 с.; 14. «Ботаническая топография» — этот раздел представляет региональная флористика, в том числе «Flora sibirica» И. Гмелина, «Flora Rossica» П.С. Палласа и др.; 18. «Монографии» — наиболее крупный раздел, содержащий таксономические сводки, например, «Species astragalorum...» П.С. Палласа (1800), его же «Illustrationes plantarum...» (1803); 19. Анатомия, физиология. Именно в этом разделе мы находим первое издание «Метаморфоз растений» И.В. Гете: J.W. von Goete «Versuch die Metamorphose der Pflanzen zu erklären» (Gotha, 1790); 21. «Антология», то есть морфология цветка; 22. Карпология.

Оба каталога библиотеки А.К. Разумовского отсутствуют в библиотеке БИН. Они изучены мной по экземплярам, хранящимся в отделе «Russica» Российской национальной библиотеки (РНБ). Несомненно, их содержание характеризует не только личные вкусы и мировоззрение графа А.К. Разумовского, но и отражает состояние науки на рубеже XVIII–XIX вв. Дальнейшее изучение каталогов поможет реконструировать состав Горенской библиотеки графа А.К. Разумовского и выявить лакуны в научной библиотеке БИН — одной из крупнейших ботанических библиотек мира.

Автор благодарит заведующую научной библиотекой БИН РАН Марию Сергеевну Зимину и сотрудницу библиотеки Елену Константиновну Makeevу за помощь в изучении фондов Библиотеки.

Тема БИН РАН: «История, сохранение, изучение, пополнение гербарных фондов Ботанического института им. В.Л. Комарова РАН». Номер ЕГИСУ НИОКТР: 1021071912893-0-1.6.11.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Васильчиков А.А. Семейство Разумовских. Т. 2. Санкт-Петербург, 1880: тип. М.М. Стасюлевича. IV. 557 с.
2. Лебедев Д.В. Очерки по ботанической историографии. XIX — начало XX в. Ленинград, Наука, 1986. С. 19.
3. Липский В.И. Императорский Санкт-Петербургский Ботанический сад за 200 лет его существования (1713–1913). Ч. 1. Санкт-Петербург, 1913. С. 296.
4. Соколов В.Е., Шишкин В.С. Развитие отечественной териологии в XIX веке. Москва, Наука, 2005. С. 23–84.

SYTIN A. About the purchase of books from the Gorenskaya library of count Alexei Kirillovich Razumovsky

Sytin Andrey — Doctor of Biological Sciences, Leading Researcher at the Komarov Botanical Institute of the Russian Academy of Sciences
Saint-Petersburg, Russia, e-mail: andrey.sytin.bin@gmail.com

ABSTRACT

The first publication of a document held by the Russian State Historical Archive (RSHA) is introduced into the history of the book collection of the Komarov Botanical Institute of

the Russian Academy of Sciences Library: director of the Imperial Botanical Garden Fedor Bogdanovich Fischer offers to buy 408 books from the Gorenki Library of the late count Alexei K. Razumovsky. Comparing their cost with the «Catalogue des livres...» the Parisian bookseller J.G. Brunet, he gave them an estimate of 34.114 rubles, which would amount to a saving of 4.114 rubles from their market value. The President of the Academy of Sciences, count Sergei Semyonovich Uvarov, instructed ordinary academician Carl Bernhardt von Trinius to conduct an examination. According to Fischer's recommendation: «I recognize it possible to pay the requested amount of thirty thousand rubles from Medical amounts saved by economic orders». The comments complemented the information about Razumovsky's book collection.

Keywords: historiography, Fyodor Bogdanovich Fischer, Imperial Botanical Garden, Gorenky Botanical Garden, Count Alexei Kirillovich Razumovsky, rare books.

УДК 58.08:57:06
ББК 76.106.3(4)

Ю.А. Дунаева

КНИГА МАРИИ СИБИЛЛЫ МЕРИАН «МЕТАМОРФОЗЫ СУРИНАМСКИХ НАСЕКОМЫХ» КАК ИСТОЧНИК БОТАНИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

Дунаева Юлия Александровна — научный сотрудник, отдел Библиотеки Российской академии наук при Зоологическом институте РАН
Санкт-Петербург, Россия, e-mail: bibl@zin.ru

АННОТАЦИЯ

Книга «Метаморфозы суринамских насекомых» — наиболее известное произведение западноевропейской художницы и натуралистки Марии Сибиллы Мериан (Maria Sibylla Merian (1647–1717)). Высокая значимость этого труда для развития зоологии и особенно энтомологии общеизвестна. Наличие в книге высокохудожественных достоверных детализованных изображений растений и их описаний, основанных на личных наблюдениях автора и сведениях, полученных от профессионального ботаника Каспара Коммелина (Caspar Commelin (Commelijn) (1668–1731)), сделали эту работу также ценным источником ботанической информации. Это подтверждается ссылками на книгу Марии Сибиллы Мериан в ряде научных публикаций, посвященных флоре Нового Света, систематике растений и этноботанике.

Ключевые слова: Мария Сибилла Мериан, «Метаморфозы суринамских насекомых», ботаническая иллюстрация, история ботаники XVIII–XIX вв., отдел БАН при Зоологическом институте РАН.

В отделе БАН при Зоологическом институте РАН (ЗИН РАН) хранится одна из лучших в мире коллекций ранних изданий известной западноевропейской художницы и натуралистки Марии Сибиллы Мериан (Maria Sibylla Merian (1647–1717)) [1, с. 253–257; 2, с. 149–150; 3].

Биография этой необычной женщины чрезвычайно интересна, а ее книги давно признаны частью мирового культурного наследия [4]. Они служат украшением коллекций редких книг лучших библиотек планеты, таких как Библиотека Конгресса, Британская библиотека, Национальная библиотека Франции и Королевская национальная библиотека Нидерландов. Особую ценность представляют экземпляры изданий, вышедших при жизни Марии Сибиллы Мериан. В библиотеке Зоологического института РАН таких экземпляров шесть [3, с. 86].

Жемчужинами коллекции прижизненных изданий Мериан в отделе БАН при ЗИН РАН можно назвать два великолепных экземпляра книги, которая еще при жизни художницы принесла Марии Сибилле Мериан широкую известность среди западноевропейских натуралистов и коллекционеров. Книга вышла в 1705 году. Специалисты кратко называют ее «Метаморфозы суринамских насекомых» («*Metamorphosis insectorum surinamensium*»), хотя полное заглавие гораздо длиннее. Существуют варианты книги на латинском и голландском языках, в отделе БАН при ЗИН РАН есть обе версии [5, 6].

Латинский экземпляр книги происходит из библиотеки лейб-медика Петра I Роберта Арескина (Robert Erskine (1677–1718)), он с черно-белы-

ми гравюрами, а голландский экземпляр — с цветными, раскрашенными вручную, возможно, самой Марией Сибиллой Мериан и ее дочерями. Цветной экземпляр был приобретен в Амстердаме у наследников художницы в 1717 году или получен вместе с другими экспонатами коллекции Альберта Себы, купленной по указу Петра I в 1716 году [7, 8].

Первое издание «Метаморфозов суринамских насекомых» — это книга формата *in folio*, представляет собой собрание 60 гравированных художественных композиций из растений и стадий развития насекомых (в основном — бабочек). На некоторых гравюрах присутствуют и другие животные южноамериканской фауны — пауки, рептилии и пр. Каждая гравюра снабжена кратким пояснительным текстом, написанным самой Марией Сибиллой Мериан. В этих текстах она рассказывает о наблюдениях за тропическими насекомыми, которые проводила сама, находясь в голландской колонии Суринам в 1699–1701 гг., а также приводит сведения о растениях и животных, полученные ею от туземцев. «Метаморфозы суринамских насекомых» считаются одним из лучших трудов о природе Южной Америки, опубликованных в XVIII веке. Общеизвестно, что книга имела большое значение для развития энтомологии. Многочисленные точно детализованные и достоверно окрашенные изображения тропических насекомых, содержащиеся в этом труде, в течение многих лет после выхода книги помогали натуралистам и коллекционерам идентифицировать образцы южноамериканской фауны в то время, когда еще не существовало зоологических определителей [3, 9].

Заглавие книги «Метаморфозы суринамских насекомых» сообщает читателю, что главные «герои» произведения — это тропические шестиногие. Однако при создании своего труда художница и натуралистка не меньшее внимание уделила и растениям, которые она видела и зарисовывала во время своего пребывания в Суринаме. Изображения растений на ее иллюстрациях служат не только художественным фоном для того, чтобы показать стадии развития насекомых или обозначить в каждом случае кормовое растение той или иной личинки, представители флоры изображены Марией Сибиллой Мериан с той же степенью детализированности и достоверности, что и насекомые.

Основой художественной композиции каждой гравюры из шестидесяти, помещенных в первом издании «Метаморфозов суринамских насекомых», служит изображение одного растения, на его стеблях, листьях и цветках размещены стадии развития одного или нескольких насекомых. В настоящее время все изображенные растения идентифицированы специалистами с точностью до вида, и списки этих видов опубликованы [10], [11]. На шестидесяти гравюрах изображены представители пятидесяти четырех видов растений.

Не все растения, изображенные Марией Сибиллой Мериан в книге «Метаморфозы суринамских насекомых», являются представителями нативной южноамериканской флоры. Художница с большим мастерством нарисовала растения, завезенные в Суринам из Европы, такие как гранат, инжир, виноград, клещевина, разные виды цитрусовых. Она изобразила в книге и хорошо известные тропические культурные растения — банан, ананас, какао, батат, ваниль. Наибольшую ценность для европейских натуралистов XVIII века представляли высококачественные изображения

представителей местной южноамериканской флоры, и их в книге немало. Это дикие паслены *Solanum stramonifolium* и *Solanum mammosum*, дерево эритрина *Erythrina fusca*, медное дерево *Bursera simaruba*, гиппеаструм *Hippeastrum puniceum*, геликонии *Heliconia psittacorum* и *Heliconia acuminata*, дуroidя *Duroia eriopila*, лиана *Ipomoea alba*, водяной гиацинт *Eichhornia crassipes*, так называемый «гвардеец кардинала» *Pachystachys coccinea* и другие экзотические растения [10, с. 531].

В предисловии к первому изданию «Метаморфозов суринамских насекомых» Мария Сибилла Мериан сообщает, что названия изображенных в книге растений, а также сведения о них ей помог выверить и дополнить знаменитый амстердамский ботаник Каспар Коммелин (Caspar Commelin (Commelijn) (1668–1731) [5, с. [4]].

Каспар Коммелин был племянником Яна Коммелина (Jan Commelin (Commelijn) (1629–1692), тоже ботаника, одного из основателей и директоров амстердамского ботанического сада Hortus Medicus. После смерти дяди, Каспар Коммелин продолжил заниматься организацией сада и много внимания уделял богатой коллекции растений, привезенных в Амстердам во всего света. Помимо прочих научных трудов по ботанике, Каспар Коммелин опубликовал несколько научных описаний коллекции растений Hortus Medicus, в том числе иллюстрированный каталог редких и экзотических видов [12].

Несмотря на то, что у Марии Сибиллы Мериан не было естественно-научного образования, Каспар Коммелин относился к ней с большим уважением, признавая выдающиеся мастерство и наблюдательность не только самой художницы, но и ее дочерей. Например, он заказывал старшей дочери Марии Сибиллы, которую звали Иоганна Елена (в замужестве Херольт) (Johanna Helena Herolt (1668–1723)) изображения растений для своего иллюстрированного каталога сада Hortus Medicus [13, с. 119].

Участие Каспара Коммелина в работе над книгой «Метаморфозы суринамских насекомых», несомненно, повысило научный уровень ботанической информации, содержащейся в этом труде. Однако Мария Сибилла Мериан смогла удивить даже известного ботаника — некоторые изображенные ею растения были ему не известны. Каспар Коммелин не смог ни назвать их, ни сообщить что-либо об их свойствах. Сейчас эти растения известны как копьеплодник (*Lonchocarpus monilis*), костус (*Costus arabicus*), мексиканская примула-ива (*Ludwigia octovalvis*). Одно из изображенных Марией Сибиллой Мериан растений вообще не было известно в Европе до выхода ее книги, а свое научное название — *Inga ingoides* — получило только в XIX веке [14].

Изображения растений в «Метаморфозах...», при всей их детализированности, нельзя считать полноценными научными иллюстрациями. В современном понимании ботаническая иллюстрация тесно связана с систематикой растений. Научное изображение растения должно обязательно включать признаки, на основании которых растение можно отнести к той или иной систематической группе. Для цветковых растений такими признаками, как правило, служат особенности строения цветка. На ботанических иллюстрациях, помимо изображения общего вида растения, помещается цветок или цветки «в разобранном виде» — так,

чтобы можно было разглядеть тычинки, пестик и другие детали, которые являются ключевыми при определении таксономической принадлежности растения. Важное значение для систематики могут иметь также детали внутреннего строения плодов, жилкование листьев, отдельные характеристики стеблей и побегов, форма корней и другие свойства. В научной ботанической иллюстрации все важные в систематическом плане признаки растения должны быть отражены.

На иллюстрациях же книги Марии Сибиллы Мериан мы не увидим ключевых деталей строения растений в том виде, в каком они должны быть представлены на современном научном рисунке. В начале XVIII века еще не были опубликованы основные работы знаменитого шведского натуралиста Карла Линнея, в которых он основал и разработал систему классификации растений на основе строения цветков и других половых признаков: «Система природы» (1735), «Философия ботаники» (1751), «Виды растений» (1753) и др. Во второй половине XVIII века эту систему стали признавать многие ботаники. Кроме того, к этому времени накопился уже большой объем доступной ботанической информации, и возникла мода на ботанику как на изысканное и благородное занятие. В результате начался так называемый «золотой век» ботанической иллюстрации и стали формироваться основные принципы представления научной информации в ботаническом рисунке [15].

Мария Сибилла Мериан создавала свои изображения задолго до этого периода, тем не менее некоторые черты ботанической иллюстрации можно увидеть в том, как она представляет растения в «Метаморфозах суринамских насекомых». Изображения цветов у художницы зачастую столь детальны, что действительно можно сосчитать тычинки и разглядеть детали строения пестика, как, например, на иллюстрациях 17, 22, 44, 45. На иллюстрации 30 Мериан достоверно показывает разное расположение и различия в строении мужских и женских цветков клещевины. На очень многих иллюстрациях художница показывает внутреннее строение плодов растений, особенности расположения семян. Именно высокая степень детализированности и позволила в дальнейшем определить все изображенные в книге растения с точностью до вида. Не будучи знакомой с системой Линнея и принципами создания научной ботанической иллюстрации, художница в каком-то смысле опередила свое время, создавая таксономически точные образы.

В сопроводительных текстах Мария Сибилла Мериан нередко описывала те свойства растений, которые она не могла изобразить на рисунке. Например, натуралистка сообщила, что у папайи бывают мужские и женские деревья, а у хлопка, как и у клещевины, — мужские и женские цветки. В других текстах она писала о степени жесткости стебля, узловатости корней, приводила сведения о съедобности или лекарственном использовании растений [14, с. 32–33].

Лучшим доказательством научной значимости работы служит цитирование ее работающими в той же области авторами. После выхода книги в 1705 году на нее сразу стали активно ссылаться составители каталогов зоологических экспонатов кабинетов редкостей и музеев.

В первой половине XVIII века многие экзотические животные не имели названий на европейских языках. Чтобы более-менее точно

обозначить в списке тот или иной зоологический экспонат, составителям приходилось использовать длинные описания внешнего вида животного, но даже и это не гарантировало читателю понимания, о каком именно животном идет речь, так как описания могли отличаться у разных авторов и даже у одного автора в пределах одной работы. Чтобы справиться с подобными задачами, нужно было выработать единый общепризнанный стандарт для наименования животных. История формирования такого стандарта началась в 1758 году, когда вышло в свет десятое издание книги Карла Линнея «Система природы» — своего рода каталог всех известных на тот момент представителей фауны, поименованных с помощью так называемой бинарной номенклатуры. За каждым животным Линнеем было закреплено латинское название, состоящее из двух слов — родового и видового. Например, бабочку-капустницу следовало называть *Pieris brassicae* — белянка капустная, а обычную комнатную муху — *Musca domestica* — муха домашняя. Все известные Линнею на тот момент экзотические животные тоже получили свои двухсловные латинские имена. После выхода в свет десятого издания «Системы природы» составлять каталоги зоологических экспонатов стало проще — достаточно было привести в списке закрепленное Линнеем название и указать номер, под которым животное числится в его книге.

До 1758 года уточнять названия животных в том или ином труде помогали их уже опубликованные изображения и описания. К произвольному названию животного в списке составители каталогов коллекций нередко добавляли ссылку на книгу или книги, в которых можно было найти гравюру, показывающую внешний вид животного, или хотя бы его текстовое описание. Точные детализированные изображения и аккуратные описания тропических животных, опубликованные в книге «Метаморфозы суринамских насекомых», были особенно ценны, так как достоверно представляли наиболее сложную для каталогизации группу — экзотических беспозвоночных, не имевших никаких названий в Европе [9].

При описании своих музеев на «Метаморфозы суринамских насекомых» ссылались наиболее известные голландские коллекционеры — Левинус Винцент (Levinus Vincent (1658–1727)) и Альберт Себа (Albertus Seba (1665–1736)). Составители зоологического раздела первого печатного каталога петровской Кунсткамеры ссылаются на ту же книгу Марии Сибиллы Мериан сорок один раз [9], [16].

Коллекции собственного естественно-научного музея шведского короля Адольфа Фредерика каталогизировал сам Карл Линней. В каталоге, который вышел в 1754 году, он семь раз сослался на «Метаморфозы суринамских насекомых» [17].

Десятое издание «Системы природы» Карла Линнея — это тоже своего рода каталог, только не коллекции натураллий, а всех известных на тот момент видов живых существ. Составляя это издание, то есть закрепляя за каждым организмом определенное название, Карл Линней, как и составители каталогов коллекций, ссылался на уже опубликованные изображения и описания животных. Конечно, он не мог обойтись без книги «Метаморфозы суринамских насекомых». В десятом издании «Системы

природы» Карл Линней ссылается на этот труд Марии Сибиллы Мериан сорок шесть раз [9, с. 263], [18].

Количество ссылок в научных публикациях на книгу «Метаморфозы суринамских насекомых» как на источник ботанической информации не столь велико, как на содержащиеся в ней сведения по зоологии, но они тоже есть, причем в литературе разного времени.

Примеры ссылок на «Метаморфозы...» как на ботаническую работу можно найти в различных трудах по флоре Нового Света. В 1775 году вышел четырехтомный иллюстрированный обзор растительности Французской Гвианы Жана Батиста Кристофа Фюзее-Обле (Jean Baptiste Christophe Fusée-Aublet (1720–1778)). Ссылки на книгу Марии Сибиллы Мериан есть в первой и во второй частях этого знаменитого труда [19, с. 31, 79].

Американский ботаник германского происхождения Фредерик Трауготт Пурш (Friedrich Traugott Porsch (1774–1820)) в 1814 году выпустил книгу по флоре Северной Америки, которая стала результатом его более чем десятилетнего изучения растительности континента. На «Метаморфозы суринамских насекомых» натуралист ссылается при описании североамериканских видов пасленовых [20, с. 156].

В 1840–1844 годах на средства прусского короля Фридриха Вильгельма IV были организованы научные экспедиции в Британскую Гвиану (сейчас независимое государство Гайана). По результатам этих экспедиций в 1847–1848 годах был опубликован трехтомный отчет с результатами изучения фауны и флоры южноамериканской колонии. Отчет вышел под редакцией немецкого ботаника Рихарда Шомбурга (Moritz Richard Schomburgk (1811–1891)). В третьей части отчета мы видим как минимум две ссылки на ботанические сведения, содержащиеся в «Метаморфозах суринамских насекомых» [21, с. 815, 901]. Можно сказать, что в середине XIX века книга Марии Сибиллы Мериан еще служила источником информации для исследователей южноамериканской флоры.

Карл Линней неоднократно использовал сведения из «Метаморфозов...» в своих фундаментальных ботанических трудах. Ссылки на книгу есть в его знаменитых сводках по систематике растений, таких как «Species plantarum...», «Systema plantarum...» и «Systema vegetabilium...» [22, с. 293, 952], [23, с. 16, 517], [24, с. 26, 528], [25, с. 356], [26, с. 56]. В своей прикладной работе «Materia medica» Линней процитировал книгу Марии Сибиллы Мериан как источник информации по лекарственным и ядовитым растениям южноамериканского континента [27, с. 201].

Этноботаника — это наука о роли растений в социальной жизни людей. Она изучает способы использования растений человеком с древнейших времен до наших дней. Что для человечества те или иные растительные организмы или их части — пища, лекарство, психотропное средство, строительный материал или сырье для изготовления текстиля? А, может быть, даже объект поклонения? Круг этих и подобных вопросов определяет направления исследований этноботаников. Для специалистов в этой области книга Марии Сибиллы Мериан не утратила своей актуальности и в XXI веке. Например, исследователи из Университета Бразилии (Universidade Federal do Rio de Janeiro) Фернанда Мариат (Fernanda Mariath) и Леопольд Баратто (Leopoldo C. Baratto) в 2023 году

опубликовали работу, в которой показали важность этноботанических сведений, представленных в знаменитом труде художницы и натуралистки [28].

В 1950 году британский художник и искусствовед Уилфрид Блант (*Wilfrid Jasper Walter Blunt* (1901–1987)) вместе с британским ботаником и историком науки Уильямом Стерном (*William Thomas Stearn* (1911–2001)) выпустили книгу «Искусство ботанической иллюстрации», которая впоследствии была признана классической работой и выдержала несколько переизданий. В этой книге Уилфрид Блант писал: «The greatest flower artists have been those who have found beauty in truth; who have understood plants scientifically, but have yet seen and described them with the eyes and the hand of the artist...» («Величайшие создатели цветочного натюрморта — те, которые увидели красоту в истине; те, которые познали растения как ученые, но при этом рассмотрели и изобразили их глазами и руками художника...» (пер. мой — Ю.Д.)) [29, с. 3]. Эти слова, несомненно, можно отнести к Марии Сибилле Мериан и к ее произведениям, в том числе — к прекрасным и достоверным изображениям растений в книге «Метаморфозы суринамских насекомых».

Работа выполнена в рамках темы государственного задания ЕГИСУ НИОКТР 115061710026 инв. № 007-ГЗ/Ц5769/11.

Список источников

1. Каталог «Особого фонда» библиотеки Зоологического института АН России / сост. К.Б. Юрьев; отв. ред. О.А. Скарлато. Санкт-Петербург: БАН, 1994. 480 с.
2. Юрьев К.Б. О некоторых редких книгах в собрании Зоологического института АН СССР / К.Б. Юрьев // Труды Библиотеки АН СССР и Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР. 1963. Т. 7. С. 138–151.
3. Дунаева Ю.А. Книги Марии Сибиллы Мериан (1647–1717) в библиотеке ЗИН РАН и их использование для идентификации зоологических экспонатов Кунсткамеры в первой половине XVIII века / Ю.А. Дунаева // Материалы юбилейной научной сессии, посвященной 185-летию Зоологического института РАН, Санкт-Петербург, Россия, 13–16 ноября 2017: сборник статей / сост.: С.Ю. Синев, М.К. Станюкович. Санкт-Петербург: Зоологический институт РАН, 2017. С. 86–91.
4. Лукина Т.А. Мария Сибилла Мериан 1647–1717 / Т.А. Лукина; отв. ред. И.И. Канаев. Ленинград: Наука, 1980. 158 с., 16 л. цв. ил.
5. Merian M.S. *Metamorphosis insectorum surinamensium*. In qua erucæ ac vermes surinamenses, cum omnibus suis transformationibus, ad vivum delineantur & describuntur, singulis eorum in plantas, flores & fructus collocatis, in quibus reperta sunt; tum etiam generatio ranarum, bufonum rariorum, lacertarum, serpentum, araneorum & formicarum exhibetur; omnia in America ad vivum naturali magnitudine picta atque descripta / per Mariam Sibyllam Merian. Amsterdam: Sumptibus auctoris, habitantis in de Kerk-straat, tussen de Leydse- en Spiegel-Straat, ubi impressa & colorata prostant. Venduntur & apud Gerardum Valk op den Dam, in de Waakende Hond, 1705. [4], 60 с., 60 л. ил.
6. Merian M.S. *Metamorphosis insectorum surinamensium*. Of te verandering der surinaamsche Insecten. Waar in de Surinaamsche rupsen en wormen met all des zelfs veranderingen na het leven afgebeeld en beschreeven worden, zynde elk geplaatst op die gewassen, bloemen en vruchten, daar sy op gevonden zyn; waar in ook de generatie der kikvorschen, wonderbaare padden, hagedissen, slangen, spinnen en mieren werden vertoond en beschreeven, alles in America na het leven en levensgroote geschildert en beschreeven / door Maria Sibylla Merian. Amsterdam: Voor den auteur, woonende in de Kerk-straat, tussen de Leydse en Spiegel-straat, over de Vergulde Arent, alwaar de zelve

ook gedrukt en afgezet te bekoomen zyn; Als ook by Gerard Valck, op den Dam in de waakende Hond, [1705]. [4], 60 с., 60 л. ил.

7. Лебедева И.Н. Художественное и научное наследие Марии Сибиллы Мериан в Санкт-Петербурге / И.Н. Лебедева // Петр I и Голландия: русско-голландские научные и художественные связи в эпоху Петра Великого: Сборник научных трудов / под ред. Н. Копаневой, Р. Кистемакер, А. Офербек. Санкт-Петербург: Европейский Дом, 1997. С. 318–334.

8. Дриссен-ван хет Реве, Й. Голландские корни Кунсткамеры Петра Великого: история в письмах / Й. Дриссен-ван хет Реве; пер. с нидерл. И.М. Михайловой и Н.В. Возненко; науч. ред. Н.П. Копанева. Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2015. 364 с.: ил.

9. Dunaeva Yu. How to crack such shells? Maria Sibylla Merian and catalogues of zoological specimens / Yulia Dunaeva & Bert van de Roemer // Maria Sibylla Merian: Changing the Nature of Art and Science / editors: Marieke van Delft, Kay Etheridge, Hans Mulder, Bert van de Roemer, and Florence Pieters. Tiel: Lannoo, 2022. С. 252–264.

10. Stearn W.T. Maria Sibylla Merian (1647-1717) as a botanical artist / William T. Stearn // Taxon. 1982. Vol. 31, № 3. С. 529–534.

11. Andel T. van Determinering van dieren en planten op Merian platen = Determination of animals and plants on Merian's plates / T. van Andel, H. Gernaat, A. Hielkema, P. Maas // Maria Sibylla Merian. Metamorphosis insectorum Surinamensium / Delft, M. van & H. Mulder (eds). Tiel: Lannoo, 2016. С. 190–198.

12. Caspari Commelini ... Horti medici amstelædamensis plantæ rariores et exoticæ ad vivum æri incisæ. Leiden: Apud Fredericum Haringh, 1706. [8], 48 с., 48 л. ил.

13. Reitsma E. Maria Sibylla Merian & daughters: women of art and science / Ella Reitsma, assisted by Sandrine Ulenberg. Zwolle: Waanders Publishers, 2008. 263 с.

14. Etheridge K. De biologie in Metamorphosis insectorum surinamensium = The biology of Metamorphosis insectorum surinamensium / Kay Etheridge // Maria Sibylla Merian. Metamorphosis insectorum Surinamensium / Delft, M. van & H. Mulder (eds). Tiel: Lannoo, 2016. С. 29–39.

15. Шипицына Ю.С. Ботаническая иллюстрация в Британии во второй половине XVIII — начале XIX века в контексте становления таксономического подхода к познанию мира / Ю.С. Шипицына // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2020. № 4(69). С. 59–65.

16. Musei Imperialis Petropolitani. Vol. I. Pars prima qua continentur res naturales ex regno animali. Petropolitanae: Typis Acad. scientiarum, 1742. 700 с.

17. Linnei K. Museum S:ae R:ae M:tis Adolphi Friderici Regis Svecorum, Gothorum, Vandalorumque ... Stockholm: Typ. Regia. Direct. Pet. Momma, 1754. [4], XXX, 96, [7] с., 33 л. ил.

18. Caroli Linnaei ... Systema naturae per regna tria naturae :secundum classes, ordines, genera, species, cum characteribus, differentiis, synonymis, locis. T. 1, Stockholm: Impensis Direct. Laurentii Salvii, 1758. 824 с.

19. Fusée-Aublet J.B.C. Histoire des plantes de la Guiane Française, rangées suivant la méthode sexuelle, avec plusieurs mémoires sur différens objets intéressans, relatifs a la culture & au commerce de la Guiane Française, & une notice des plantes de l'Isle-de-France. T. 1–4. London; Paris: P.F. Didot jeune, 1775. 160 с., 392 л. ил.

20. Pursch F.T. Flora Americae Septentrionalis or a systematic arrangement and description of the plants of North America containing, besides what have been described by preceding authors, many new and rare species, collected during twelve years travels and residence in that country. Vol. 1–2. London: Printed for White, Cochrance and Co, 1814. XXXVI, 751 с.

21. Versuch einer Fauna und Flora von Britisch-Guiana / nach Vorlagen von Johannes Müller, Ehrenberg, Erichson, Klotzsch, Troschel, Cabanis und Andern; systematisch bearbeitet von Richard Schomburgk. Leipzig: J.J. Weber, 1848. С. viii, 531–1260, 1 л. ил.

22. Caroli Linnaei ... Species plantarum: exhibentes plantas rite cognitatas, ad genera relatas, cum differentiis specificis, nominibus trivialibus, synonymis selectis, locis natalibus, secundum systema sexuale digestas ... Tomus 1–2. Holmiae: Impensis Laurentii Salvii, 1753. 1200 с.

23. Caroli a Linnei ... Systema plantarum secundum classes, ordines, genera, species: cum characteribus, differentiis, nominibus trivialibus, synonymis selectis, et locis natali-

bus. T. 1. Francofurti ad Moenum: Apud Varrentrapp Filium et Wenner, 1779. [2], XXXII, 778 c.

24. Caroli a Linneï ... Systema plantarum secundum classes, ordines, genera, species: cum characteribus, differentiis, nominibus trivialibus, synonymis selectis, et locis natalibus. T. 2. Francofurti ad Moenum: Apud Varrentrapp Filium et Wenner, 1779. [10], 635, [6] c.

25. Caroli a Linneï ... Systema plantarum secundum classes, ordines, genera, species: cum characteribus, differentiis, nominibus trivialibus, synonymis selectis, et locis natalibus. T. 3. Francofurti ad Moenum: Apud Varrentrapp Filium et Wenner, 1780. 972 c.

26. Caroli a Linneï ... Systema vegetabilium, secundum classes ordines genera species cum characteribus et differentiis. Gottingae: Typis et impensis Jo. Christ. Dieterich, 1784. XX, 987, [18] c.

27. Caroli a Linnæ ... Materia medica. Lipsiae: Apud Wolfgangum Waltherum, 1782. [50], 304, [16] c.

28. Mariath F. Female naturalists and the patterns of suppression of women scientists in history: the example of Maria Sibylla Merian and her contributions about useful plants / Fernanda Mariath, Leopoldo C. Baratto // Journal of Ethnobiology and Ethnomedicine. 2023. № 19(1). С. 1–29. DOI:10.1186/s13002-023-00589-1.

29. Blunt W. The Art of botanical illustration / Wilfried Blunt; with the assistance of William T. Stearn. London: Collins, 1950. 304 c.

DUNAEVA Yu. The book «Metamorphosis insectorum surinamensium» by Maria Sibylla Merian as a source of botanical information

Dunaeva Yulia — Scientific Researcher, Department of Russian Academy of Sciences Library at the Zoological Institute of the RAS
Saint-Petersburg, Russia, e-mail: bibl@zin.ru

ABSTRACT

The book «Metamorphosis insectorum surinamensium» is the most famous work of the European artist and naturalist Maria Sibylla Merian (1647–1717). The high significance of this work for the development of zoology and, especially, entomology is well known. The presence in the book of artistic, reliable, detailed images of plants and their descriptions, based on the author's personal observations and information received from the professional botanist Caspar Commelin (Commelijn) (1668–1731), made this work also a valuable source of botanical information. This is confirmed with the references to the book of Maria Sibylla Merian in a number of scientific publications devoted to the flora of the New World, plant taxonomy and ethnobotany.

Keywords: Maria Sibylla Merian, «Metamorphosis insectorum surinamensium», botanical illustration, the history of botany in 18th–19th centuries, Department of Russian Academy of Sciences Library at the Zoological Institute of the Russian Academy of Sciences.

М.И. Потеев

«МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НАЧАЛА» ГЛАЗАМИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Потеев Михаил Иванович — профессор, кандидат технических наук, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, имеет знак «Жителю блокадного Ленинграда», Библиотека Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия, e-mail: nvk@rasl.nw.ru

АННОТАЦИЯ

Статья является препринтом одноименной монографии автора. В монографии дан критический анализ сочинения Исаака Ньютона «Математические начала натуральной философии» и его перевода на русский язык, выполненного академиком А.Н. Крыловым.

Ключевые слова: аксиоматика динамики, аналитическая дидактика, диалоги, искусственный интеллект, механика космических летательных аппаратов, механика промышленных роботов, мисропонимание, моделирование, правила научного поиска, синергетика, экзотика.

*«Ньютон был счастливейшим из смертных,
ибо существует только одна Вселенная,
и Ньютон открыл ее законы».*

Жозеф Луи Лагранж, Аналитическая механика

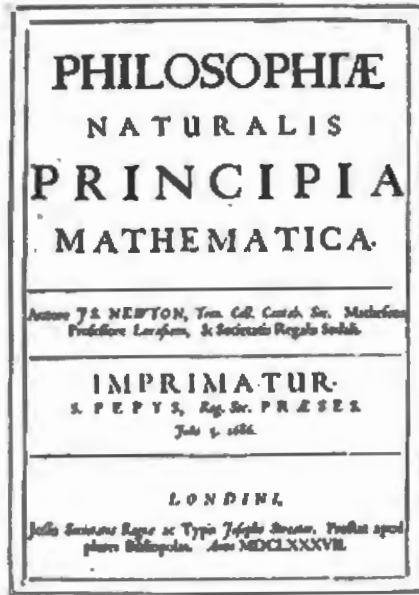
В 2027 году исполнится триста лет со дня смерти одного из величайших мыслителей всех времен и народов — англичанина Исаака Ньютона (1643–1727). Именно ему посчастливилось стать первым ученым, который понял устройство окружающего нас мира. И второго первого, естественно, не было и не будет.

Свое понимание системы мироустройства он изложил в трех «книгах» под общим названием: *Philosophiæ Naturalis Principia Mathematica*. Впервые полностью опубликованы в 1687 году [1].

В названии «величайшего из произведений человеческого ума» (по выражению выдающегося французского математика и механика Ж.Л. Лагранжа) ключевым является слово *Principia*. В латинском языке оно дословно означает «первейшее». Его используют для обозначения таких категорий, как начала, основы, первоначала, постулаты, принципы. Общим для этих категорий является то, что они представляют собой утверждения, на основе которых создают научные теории, законы, юридические документы, а также выбирают нормы поведения в обществе.

Область своего научного исследования И. Ньютон определил как *Philosophiæ Naturalis*. Это словосочетание в переводе с латинского языка на русский означает «натуральная философия». В конце XVII — начале XVIII веков, наряду с этим термином, использовали термин «нравственная философия».

Натуральная философия охватывала все науки о природе, нравственная философия — все науки об обществе. В настоящее время для обо-

Титульный лист сочинения Исаака Ньютона «Математические начала натуральной философии» (1687)

значения этих совокупностей наук используют соответственно термины «естествознание» и «обществознание».

Таким образом, в основополагающем сочинении И. Ньютона речь идет о математических основах (началах) естествознания. Но, как показали три с половиной столетия, прошедшие после публикации выдающегося творения И. Ньютона, его значение выходит за рамки естествознания.

Для анализа «Математических начал» принципиально важным является то, что И. Ньютон создавал свой бессмертный труд, отталкиваясь от результатов, полученных его гениальным предшественником — итальянским астрономом, математиком, механиком, физиком, философом Галилео Галилеем (1564–1642). Именно Г. Галилеем была основана динамика как наука. Основания этой науки он изложил в книге под названием «Беседы и математические доказательства, касающиеся двух новых отраслей науки, относящихся к механике и местному движению» [2].

Со времени публикации «Математических начал» положения классической механики неоднократно проверялись на практике. И всегда выводы, полученные с помощью классической механики, с высочайшей степенью точности совпадали с результатами наблюдений. Настоящим триумфом механики явилась космонавтика. Сейчас это не делается, но в начале практического освоения космического пространства, почти после каждого нового запуска сообщалось, что «траектория космического аппарата близка к расчетной». Эти слова можно рассматривать как документальное подтверждение справедливости положений классической механики и, прежде всего, начал динамики.

Несмотря на верность правил, указываемых для решения практических задач «Математическими началами», неоднократно предпринимались попытки подвергнуть начала динамики критике и дать уточненные формулировки.

Одними из первых высказали свои взгляды на теоретические положения И. Ньютона академики Петербургской академии наук Л. Эйлер и М.В. Ломоносов. В частности, Л. Эйлер сформулировал свое отношение к ним в работах: «Механика, или наука в аналитическом изложении» (1736) и «Теория движения твердых тел» (1765) [20].

М.В. Ломоносов высказал свои взгляды на утверждения И. Ньютона в сочинениях: «Опыт теории о нечувствительных частицах тел и вообще о причинах частных качеств» (1743–1744); «О тяжести тел и об извечности первичного движения» (1748), Письмо к Леонарду Эйлеру от 5 июня 1748 года [14].

В 1743 году была опубликована «Динамика» Ж.Л. Д’Аламбера [6]. Цель написания этой работы автор сформулировал следующими словами:

«С давних пор ... алгебру удачно применяли к геометрии, геометрию к механике и каждую из этих трех наук ко всем остальным наукам, основанием и фундаментом которых они являются.

Однако не заботились ни о сведении принципов этих наук к наименьшему числу, ни о том, чтобы придать этим принципам всю ту ясность, которой можно было бы желать. Особенно пренебрегали этой задачей, мне кажется, в механике: большинство ее принципов или неясных самих по себе, или неясно сформулированных, давали повод к ряду трудных вопросов.

...В настоящем сочинении я поставил себе двойную цель: расширить рамки механики и сделать подход к этой науке гладким и ровным».

В 1788 году свое мнение относительно формулировок И. Ньютона, Л. Эйлера, а также Г. Галилея [3], высказал французский математик, механик и астроном итальянского происхождения Ж.Л. Лагранж. Он сделал это в трактате «Аналитическая механика» [13]. В нем автор предложил принципиально новые методы исследования движения систем материальных точек, подчиненных механическим связям.

В 1869 году философский факультет Геттингенского университета (Германия) объявил конкурс сочинений на тему «Критическая история общих принципов механики». В конкурсном сочинении требовалось представить историю определения и развития базовых понятий механики, а также дать их критический анализ и оценку.

Первую премию на этом конкурсе получила книга немецкого философа Е. Дюринга «Критическая история общих принципов механики», изданная в 1873 году в Берлине [7]. В ней автор изложил историю возникновения и развития основных принципов механики и раскрыл их внутреннюю связь. В связи с этим, естественно, проанализирован вклад в развитие механики таких ученых, как Г. Галилей, И. Ньютон, Л. Эйлер, Ж.Л. Лагранж, и ряда других. В книге, на системном уровне, представлено, когда, кем и по поводу каких конкретных задач был высказан каждый из основных принципов механики. При этом автор сделал попытку дать ответы на вопросы о том, в какой мере рассматриваемый принцип представляет собой логическое заключение; в какой — служит выражением опыта или общепринятого факта; в какой — является допущением, вероятным лишь при определенных ограничениях. Примечательно, что в работе Е. Дюринга почти полностью отсутствуют какие-либо формулы.

В 1876 году ученому сообществу была представлена книга немецкого физика Г.Р. Кирхгофа «Лекции по математической физике» с ее первым томом «Механика» [10]. Представляет самостоятельный интерес предисловие автора, предпосланное основному содержанию «лекций». В нем знаменитый физик заметил:

«Исходный пункт изложенного мною представления отличается от общепринятого. Механику принято обычно определять как науку о силах и рассматривать силы как причину, стремящуюся вызвать и вызывающую движение. Наверное, это определение было полезным при развитии механики, а также при изучении этой науки, когда можно обращаться к опыту повседневной жизни для пояснения примеров сил. Однако этим понятиям причины и стремления присуща неясность, от которой они не освобождены. Эта неясность проявляется, например,

в различном подходе к тому, следует ли закон инерции и закон о параллелограмме сил рассматривать как результат опыта, или как аксиомы, или же как теоремы, которые логически могут и должны быть доказаны. Мне казалось желательным, что при строгости, с которой делаются выводы в механике, эту неясность можно устранить, даже если это возможно только при ограничении ее задач».

В 1883 году, то есть почти через двести лет после публикации основополагающего сочинения И. Ньютона, вышла в свет монография австрийского физика Э. Маха «Механика: историко-критический очерк ее развития» [15]. В ней автор отметил, что «Ньютон превосходно сумел отыскать понятия и принципы, которые были достаточно надежны, чтобы на них можно было строить дальше».

Но «вследствие трудности и новизны дела, — продолжал свою мысль Э. Мах, — он (Ньютон) вынужден был изложить его своим современникам <...> пространно и поэтому недостаточно цельно».

Надо отдать должное Э. Маху за то, что он не стремился бросить тень на своего великого предшественника, а, наоборот, в весьма деликатной форме защищал его от возможных нападок. Э. Мах утверждал: «Это не может бросить ни малейшей тени на духовное его (Ньютона) величие. Тот, кому приходится устанавливать новую точку зрения, не может, конечно, владеть ею с самого же начала с такой уверенностью, с которой ею владеют те, кому эта точка зрения досталась от него без всякого труда. Он достаточно уже сделал, когда открыл истины, на которых можно строить дальше. Ибо каждое новое следствие представляет вместе с тем новое познание, новый контроль, расширение кругозора, выяснение точки зрения.

Ни полководец, ни великий исследователь не могут относительно каждого достигнутого пункта заниматься мелочными исследованиями, на каком основании они этим пунктом владеют. Величие предстоящей задачи не оставляет для этого времени.

Впоследствии дело меняется. От двух последующих столетий Ньютон мог ожидать, что они займутся дальнейшим исследованием и укреплением того, что было создано им».

В своей работе Э. Мах, подвергнув критике начала динамики, сформулированные Г. Галилеем и И. Ньютоном, предложил свой вариант начал. При этом он утверждал: «Если даже оставаться всецело на точке зрения Ньютона и совершенно оставить без внимания упомянутые осложнения и неопределенности, ... то все же еще можно заменить положения Ньютона гораздо более простыми, методически упорядоченными и удовлетворительными».

В 1910 году была опубликована работа Г.Р. Герца «Принципы механики, изложенные в новой связи», написанная еще в 1894 году [5]. В ней автор предложил построение механики на базе трех независимых основных представлений: времени, пространства и массы. Вместо понятия силы и энергии, исключенных из основных понятий, он ввел представления о скрытых связях, скрытых массах и скрытых движениях.

В указанных сочинениях одними из основных и дискутируемых были вопрос о сущности понятия силы и вопрос о значении основных постулатов (законов) механики И. Ньютона.

Период XVIII–XIX веков ознаменовался появлением мощных методов аналитической механики. Они были разработаны трудами У.Р. Гамильтона, Ж. Д'Аламбера, Ж.Л. Лагранжа, М.В. Остроградского, Л. Эйлера, К.Г. Якоби. Но они не освободили основные понятия и законы механики от достаточно большого числа противоречий.

На рубеже XIX–XX столетий выдающиеся физики сознавали неизбежность коренных изменений во взглядах на природу фундаментальных понятий. Так, в 1904 году французский математик, механик, физик, астроном и философ А. Пуанкаре писал: *«Может быть, мы должны построить совершенно новую механику, пока еще туманную, в которой инерция увеличивается со скоростью и скорость света является предельной»* [16].

В первой половине XX века свое мнение о началах динамики высказали: в 1927 году английский математик, специалист по прикладной математике, математической физике и теории специальных функций Э.Т. Уиттекер в монографии «Аналитическая динамика» [18]; в 1932 году бельгийский математик Ш.Ж. Валле-Пуссен в «Лекциях по теоретической механике» [2] и немецкий физик-теоретик и математик А. Зоммерфельд в книге «Механика» [8].

Из советских ученых, обращавшихся к началам динамики, следует назвать, прежде всего, математика, механика, инженера-кораблестроителя, академика АН СССР А.Н. Крылова. Его величайшей заслугой является выполненный им перевод основополагающего сочинения И. Ньютона на русский язык. В переводе А.Н. Крылова работа И. Ньютона известна у нас под названием «Математические начала натуральной философии» [1]. Перевод был напечатан в 1916 году в «Известиях Морской академии», в которой в то время Алексей Николаевич работал профессором. Позднее, в 1936 году перевод был опубликован в VII томе Собрания трудов академика А.Н. Крылова.

В 1943 году, когда мировое научное сообщество отмечало трехсотлетие со дня рождения И. Ньютона, А.Н. Крылов опубликовал небольшую, но значимую для практики, брошюру [12]. В ней автор высказал ряд предложений по методике преподавания теоретической механики в образовательных учреждениях высшего образования.

В 1952 году была опубликована работа академика Б.Н. Юрьева «Опыт новой формулировки основных законов механики Ньютона» [21]. Во введении к ней автор отметил, что *«недостатки (начал Ньютона) заключаются не столько в изложении фактических свойств тел, сколько в неудачной формулировке некоторых основных понятий и законов»*, и предложил, для обсуждения специалистами, альтернативный вариант начал динамики.

Интересные замечания о началах динамики высказали: в 1962 году С.Э. Хайкин в учебном пособии для студентов университетов «Физические основы механики» [19]; в 1973 году Я.Л. Геронимус в книге «Теоретическая механика (очерки об основных положениях)» [4]. Заметный вклад в «исследование и укрепление» научных достижений Исаака Ньютона внесен А.А. Космодемьянским в его монографии «Теоретическая механика и современная техника» [11]. В ней автор обратил внимание исследователей на то, что *«курс механики, в котором излагаются толь-*

ко задачи и методы вековой давности, не удовлетворяет специалистов новых областей техники».

Ряд предложений по уточнению начал динамики содержится в современной отечественной учебной литературе. Авторами соответствующих курсов являются: Н.В. Бутенин, Я.Л. Лунц, Д.Р. Меркин, Н.Н. Бухгольц, О.В. Голубева, В.В. Добронравов, Н.Н. Никитин, А.Л. Дворников, А.А. Космодемьянский, Л.Г. Лойцянский, А.И. Лурье, А.И. Некрасов, И.И. Ольховский, Г.К. Суслов, С.М. Тарг, А.А. Яблонский.

История попыток уточнения начал динамики насчитывает столько же лет, сколько лет самим «Началам». Эту историю нельзя считать закончившейся и в настоящее время. По этому поводу в работе академика А.Ю. Ишлинского [9] можно прочесть, что *«механика Галилея-Ньютона, в отличие от геометрии, до сих пор не аксиоматизирована <...> Настало время построить классическую механику, как и геометрию, исходя из определенного числа независимых постулатов, или аксиом, установленных в результате обобщения практики».*

В преддверии трехсотлетия со дня кончины величайшего мыслителя необходимо признать **актуальность** решения задачи, связанной с подведением итогов «исследования и укрепления» научных достижений Исаака Ньютона за прошедшие столетия.

Обращение к этой задаче выявляет наличие в научном шлейфе «Математических начал» **противоречий**, в частности:

между формулировками аксиом динамики и связанных с ними определений в самих «Математических началах»;

между положениями, представленными автором в «Математических началах», и положениями, представленными в переводе «Математических начал» на русский язык А.Н. Крылова;

между широким использованием для решения преобладающего большинства современных технических задач, аксиоматики механики, предложенной И. Ньютоном, и тем, что полная система непротиворечивых аксиом механики, в отличие от геометрии, до сих пор не сформулирована;

между формулировками аксиом динамики и связанных с ними определений в современной научной и отечественной учебной литературе;

между тем, что в «Математических началах» рассмотрено несколько десятков актуальных в то время задач, и тем, что в современных руководствах по теоретической механике рассматривается пренебрежимо малое число задач, актуальных для настоящего времени;

между подробным изложением в «Математических началах» отношения автора к религиозно-философскому миропониманию и практически полным игнорированием этой темы в современной научной и отечественной учебной литературе.

Уже перечисленных противоречий достаточно, чтобы отметить наличие **проблемы**, состоящей в необходимости проанализировать «Математические начала» И. Ньютона, хотя бы фрагментарно, с учетом информации, накопленной человечеством за последние триста лет и результатов *«исследования и укрепления того, что было создано им».* Решению этой проблемы и посвящена предлагаемая вниманию читателя монография.

Цель ее написания состояла в выработке рекомендаций по использованию идей, содержащихся в сочинении Исаака Ньютона «Математические начала натуральной философии», в современных условиях.

Объектом исследования являлась методика научного поиска, а **предметом** — сочинение Исаака Ньютона «Математические начала натуральной философии» и его перевод на русский язык, выполненный академиком А.Н. Крыловым.

В качестве исходной **гипотезы** было принято, что при прочтении первоисточника и критическом анализе его перевода вскроются новые, по сравнению с переводом, рекомендации по использованию идей, содержащихся непосредственно в сочинении Исаака Ньютона «Математические начала натуральной философии», в настоящее время.

Исследование включало решение следующих **основных задач**:

1) анализ предположений по уточнению аксиом динамики, сформулированных Ньютоном, и связанных с ними определений;

2) моделирование диалогов авторов рассмотренных предложений с искусственным интеллектом, составление альтернативного варианта «начал» динамики;

3) рассмотрение ряда современных задач по изучению движения тел (в частности, задач космонавтики и промышленной робототехники);

4) применение метода научного исследования, разработанного И. Ньютоном, к решению задач, аналогичных задачам механики, в частности, к решению задач аналитической дидактики;

5) сопоставление миропонимания И. Ньютона с идеями синергетики и современными воззрениями на экоэтику.

Методологической основой исследования являлись концептуальные положения философии, современного естествознания, дидактики, синергетики, теории искусственного интеллекта, экоэтики.

При анализе предложений по уточнению формулировок Ньютона аксиом динамики и связанных с ними определений были использованы научные публикации Ш.Ж. Валле-Пуссена, Г.Р. Герца, Ж.Л. д'Аламбера, А. Зоммерфельда, А.Ю. Ишлинского, Г.Р. Киргофа, А.А. Космодемьянского, А.Н. Крылова, Ж.Л. Лагранжа, М.В. Ломоносова, Э. Маха, Р.Е. Пайерлса, Э. Роджерса, Томсона (лорда Кельвина), Л. Эйлера, Б.Н. Юрьева; учебники и учебные пособия Н.В. Бутенина, Н.Н. Бухгольца, М.М. Гернета, Я.Л. Геронимуса, О.В. Голубевой, В.В. Добронравова, А.А. Космодемьянского, А.Н. Крылова, Л.Г. Лойцянского, А.И. Лурье, А.И. Некрасова, И.И. Ольховского, Г.К. Сулова, С.М. Тарга, С.Э. Хайкина, А.А. Яблонского.

Составление альтернативного варианта «начал» динамики с учетом рассмотренных предложений и моделирование диалога их авторов с искусственным интеллектом осуществлялось с использованием публикаций в области искусственного интеллекта, экспертных систем и логики компьютерного диалога З.О. Джалиашвили, Э.В. Попова, Г.С. Поспелова, Д.А. Поспелова, А.В. Тимофеева, Б.И. Фёдорова.

Формулировка и решение задач, связанных с современными достижениями науки и техники, проводились под прямым влиянием результатов исследований Г.Н. Громова, Д.Д. Донского, В.А. Егорова, Ю.Д. Жаботинского, Н.Ф. Кравченко, О.Н. Миляева, В.М. Пономарёва, Е.П. Попова, Е.И. Юревича.

При исследовании возможности применения «правил философствования» И. Ньютона к решению задач аналитической дидактики были использованы математические и кибернетические методы в педагогике, сформулированные в работах С.И. Архангельского, А.И. Берга, Э.П. Джугели, А.А. Вепхвадзе, Л.Б. Ительсона, Н.Д. Никандрова, Л.Т. Турбовича, а также основополагающие идеи классика педагогической мысли Я.А. Коменского.

На взгляды автора по вопросам миропонимания, синергетики, экоэтики существенное влияние оказали фундаментальные работы В.И. Вернадского, В.Н. Волченко, Р. Декарта, Г.Н. Дульнева, Н.Ю. Климонтовича, Е.Н. Князевой, С.П. Курдюмова, Н.Н. Моисеева, И.Р. Пригожина, Б.В. Раушенбаха, Г. Хакена, А.Л. Чижевского, Э. Шюре.

Выявленные противоречия, вытекающая из них проблема, цель, объект и предмет исследования, а также один из использованных в нем методов определили *тему исследования* — «Математические начала» глазами искусственного интеллекта».

Структура монографии включает введение, четыре главы, заключение, список персоналий и список литературы.

Названия основных разделов совпадают с заголовками соответствующих разделов «Математических начал»:

«Математические начала» Исаака Ньютона;

Аксиомы, или законы, движения;

О движении тел;

Правила философствования.

В первом разделе приведены сведения о публикациях «Математических начал». Кратко проанализировано содержание основополагающего сочинения Исаака Ньютона. Дана историческая справка о его переводе на русский язык, выполненном академиком А.Н. Крыловым.

Второй раздел содержит исторический экскурс по «исследованию и укреплению» аксиоматики И. Ньютона. В нём кратко проанализированы попытки уточнения начал динамики в современной научной и отечественной учебной литературе. Анализ представлен в форме диалогов между ее авторами. По результатам этих импровизаций сформулирован альтернативный вариант изложения начал динамики.

В третьем разделе, следуя Ньютону, рассмотрен ряд современных задач по изучению движения тел (в частности, задач космонавтики и промышленной робототехники).

В четвертом разделе рассмотрены рекомендованные И. Ньютоном правила научного поиска. Их применение проиллюстрировано на примере построения аксиоматики аналитической дидактики и решения ее некоторых частных задач.

Сопоставлены мысли Исаака Ньютона с идеями синергетики. Проанализирована «проповедь» И. Ньютона, содержащаяся в третьей книге «Математических начал». Приведены взгляды современных ученых на миропонимание и экоэтику.

В заключении формулируются основные выводы по результатам проведенного исследования.

Список персоналий содержит краткие сведения о жизни и деятельности учёных, которые внесли заметный вклад в исследование и уточ-

нение положений, изложенных И. Ньютоном в его сочинении «Математические начала натуральной философии».

Список литературы состоит из двух частей. В первой из них перечислены публикации, использованные при написании монографии, во второй — основные публикации автора по теме исследования. Одной из них является учебник «Концепции современного естествознания» [22], имеющий гриф «Рекомендован Министерством общего и профессионального образования Российской Федерации в качестве учебника для студентов высших учебных заведений».

Научная новизна результатов исследования имеет уровень дополнения. Полученные результаты расширяют теоретические положения, содержащиеся в «Математических началах». Анализ попыток уточнения начал динамики в современной научной и отечественной учебной литературе позволил сформулировать альтернативный вариант изложения начал динамики.

Рассмотрение ряда современных задач по изучению движения космических летательных аппаратов и промышленных роботов способствовало получению практических рекомендаций по составлению учебных задач по курсу теоретической механики, связанных с направлением и профилем подготовки обучающихся.

Применение метода научного исследования, разработанного И. Ньютоном, к решению задач, аналогичным задачам механики, дало возможность сформулировать аксиоматику аналитической дидактики.

Сопоставление миропонимания И. Ньютона с идеями синергетики и современными воззрениями на экоэтику позволило дополнить концепции современного естествознания концепцией равновесия между научным и религиозным миропониманием.

Теоретическое значение результатов исследования состоит в том, что открываются перспективы для прикладных работ по использованию идей, содержащихся в сочинении Исаака Ньютона «Математические начала натуральной философии», в современных условиях. Одним из направлений этих работ является использование в полном объеме технологий искусственного интеллекта.

Практическое значение результатов исследования представляется достаточно важным для совершенствования курса теоретической механики, преподаваемого студентам технических, физико-математических и некоторых педагогических направлений подготовки. Несомненно, результаты, представленные в монографии, могут быть использованы при подготовке научных исследователей, а также для построения аналитической дидактики, то есть математического описания педагогического процесса.

Апробация работы включала выступления автора монографии с докладами и их обсуждение на следующих наиболее значимых форумах:

V Всесоюзный съезд по теоретической и прикладной механике (1981, Алма-Ата);

Всесоюзные совещания-семинары заведующих кафедрами теоретической механики вузов СССР (1979, Тбилиси; 1983, Новосибирск);

Международные научно-методические конференции «Высокие интеллектуальные технологии образования и науки» (1999, 2002, Санкт-Петербург);

Международные научно-методические конференции «Телематика» (1998, 1999, 2001, Санкт-Петербург);

Всесоюзные совещания «Робототехнические системы в отраслях народного хозяйства» (1981, Минск; 1984, Воронеж);

Международная научно-практическая конференция «Градоформирующие технологии XXI века».(2001, Москва);

Международная научно-практическая конференция «Единое образовательное пространство славянских государств в XXI веке: Проблемы и перспективы» (2002, Брянск);

Всероссийская научно-практическая конференция «Инновации в профессиональном и профессионально-педагогическом образовании» (2003, Екатеринбург).

В монографии обобщены результаты работ ее автора по теме исследования, в частности, представленные в публикациях [22–43]. Их *рецензентами* были профессора:

Алексеева В.Г., доктор технических наук, заведующая кафедрой «Технология радиоаппаратостроения» Ленинградского института авиационного приборостроения [23];

Бороненко Т.А., доктор педагогических наук, заведующая кафедрой информатики и информационных систем, декан факультета математики и информатики Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина [31, 32];

Добронравов В.В., доктор физико-математических наук, заведующий кафедрой теоретической механики Московского высшего технического училища имени Н.Э. Баумана, член Президиума Научно-методического совета Минвуза СССР по теоретической механике, главный редактор Сборника научно-методических статей по теоретической механике [37];

Гернет М.М., доктор технических наук, заведующий кафедрой теоретической механики Московского технологического института пищевой промышленности, член Президиума Научно-методического совета Минвуза СССР по теоретической механике, ответственный за разработку и внедрение в образовательную деятельность учебно-наглядных пособий по курсу теоретической механики [28];

Зубов В.И., доктор физико-математических наук, заведующий кафедрой теории управления Ленинградского государственного университета, член-корреспондент АН СССР по отделению механики и процессов управления [26];

Ишкова А.Г., доктор физико-математических наук, профессор кафедры теоретической механики Московского авиационного института имени Серго Орджоникидзе [25];

Леонов Г.П., доктор технических наук, заведующий кафедрой теоретической механики, декан факультета повышения квалификации преподавателей вузов СССР Московского авиационного технологического института имени К.Э. Циолковского, член Научно-методического совета по теоретической механике Минвуза СССР [35];

Матвеев Н.М., доктор физико-математических наук, заведующий кафедрой математического анализа Ленинградского государственного педагогического института имени А.И. Герцена [36, 40];

Моисеев С.И., доктор технических наук, заведующий кафедрой теоретической механики Ленинградского высшего военного инженерного строительного краснознамённого училища имени генерала армии А.Н. Комаровского [27];

Николаенко Н.А., доктор технических наук, заведующий кафедрой теоретической механики Московского авиационного технологического института имени К.Э. Циолковского [27];

Поляхов Н.Н., доктор технических наук, заведующий отделением механики математико-механического факультета Ленинградского государственного университета, член Научно-методического совета Минвуза СССР по теоретической механике [23];

Поньрко С.А., доктор технических наук, профессор кафедры теоретической механики Ленинградского института авиационного приборостроения [24];

Серёгин В.В., доктор технических наук, заместитель заведующего кафедрой «Информационно-навигационные системы» Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики [33, 34];

Силаев А.А., доктор технических наук, заместитель заведующего кафедрой теоретической механики Московского авиационного института имени Серго Орджоникидзе [25];

Советов Б.Я., доктор технических наук, заведующий кафедрой автоматизированных систем обработки информации и управления Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ», академик Российской академии образования [32];

Шелинский Г.И., доктор педагогических наук, профессор кафедры Физической химии, волоконной и интегральной оптики Санкт-Петербургского государственного института точной механики и оптики (технического университета) [35].

В процессе работы над монографией автор неоднократно вспоминал высказывание нашего гениального соотечественника М.В. Ломоносова: *«На людей, имеющих заслуги перед республикой науки, я не буду нападать за их ошибки, а постараюсь применить к делу их добрые мысли»* [14].

Список источников

1. Ньютон И. Математические начала натуральной философии / пер. с латин. и коммент. А.Н. Крылова, под ред. и с предисл. Л.С. Полака. Москва: Наука, 1989. 688 с. (Сер. Классики науки).

2. Валле-Пуссен Ш.Ж. Лекции по теоретической механике. Т. 1 / пер. со 2-го фр. изд. А.В. Гермогенова. Москва: Государственное издательство иностранной литературы, 1948. 339 с.

3. Галилей Г. Избранные труды. Т. 2. Механика / предисл. акад. А.Ю. Ишлинского. Москва: Наука, 1964. 572 с.

4. Геронимус Я.Л. Теоретическая механика. Очерки об основных положениях. Москва: Наука, 1973. 512 с.

5. Герц Г.Р. Принципы механики, изложенные в новой связи / общая ред. И.И. Аргоболевского, пер. с нем. В.Ф. Котова и А.В. Сулимо-Самуйло. Москва: Издательство АН СССР, 1959. 386 с. (Сер. Классики науки).

6. Д'Аламбер Ж.Л. Динамика / пер. с фр. и прим. В.П. Егоршина. Москва, Ленинград: Гостехиздат, 1950. 344 с. (Сер. Классики естествознания. Математика, механика, физика, астрономия).
7. Дюринг Е. Критическая история общих принципов механики / пер. с 3-го нем. изд. Н.Н. Маракуева. 2-е изд. Москва: URSS, 2010. 541 с. (Сер. Из наследия мировой философской мысли: философия науки).
8. Зоммерфельд А. Механика / пер. с нем. Т.Е. Тамм, под ред. Д.В. Сивухина. Москва: Государственное издательство иностранной литературы, 1947. 392 с.
9. Ишлинский А.Ю. Механика: Идеи, задачи, приложения. Москва: Наука, 1985. 624 с.
10. Кирхгоф Г.Р. Механика: лекции по математической физике: пер. с 4-го нем. изд. / ред. А.Т. Григорьян и Л.С. Полак. 2-е изд., стер. Москва: URSS, 2006. 391 с.
11. Космодемьянский А.А. Теоретическая механика и современная техника. Москва: Просвещение, 1969. 255 с.
12. Крылов А.Н. Мысли и материалы о преподавании механики в высших технических учебных заведениях СССР. Москва, Ленинград: Издательство АН СССР, 1943. 73 с.
13. Лагранж Ж.Л. Аналитическая механика. Т. 2: Динамика (продолжение) / пер. с франц. В.С. Гохмана, под ред. и с примеч. Г.Н. Дубошина. Москва, Ленинград: Гостехиздат, 1950. 440 с. (Сер. Классики естествознания. Математика, механика, физика, астрономия).
14. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений труды. Т. 1. Труды по физике и химии (1738–1746). Москва, Ленинград: Издательство АН СССР, 1950. 627 с.
15. Мах Э. Механика: историко-критический очерк ее развития / пер. с нем. Г.А. Котляра, под ред. проф. Н.А. Гезехуса. Санкт-Петербург: Тип. «Общественная польза», 1909. 448 с.
16. Пуанкаре А. О науке / пер. с фр. под ред. Л.С. Понтрягина. Москва: Наука, 1983. 560 с.
17. Раушенбах Б.В. Пристрастие. 2-е изд. Москва: Аграф, 1997. 432 с. (Сер. Символы времени).
18. Уиттекер Е.Т. Аналитическая динамика / пер. с англ. И.Г. Малкина. Москва, Ленинград: ОНТИ, Главная редакция технико-теоретической литературы, 1937. 500 с.
19. Хайкин С.Э. Физические основы механики. 2-е изд, испр. и доп: учебное пособие. Москва: Наука, 1971. 752 с.
20. Эйлер Л. Основы динамики точки: первые главы из «Механики» и из «Теории движения твердых тел» / пер. с латин. В.С. Гофмана и С.П. Кондратьева, под ред. с предисл. и прим. В.П. Егоршина. Москва, Ленинград: Главная редакция технико-теоретической литературы, 1938. 500 с. (Сер. Классики естествознания. Математика, механика, физика, астрономия).
21. Юрьев Б.Н. Опыт новой формулировки основных законов механики Ньютона. В порядке обсуждения. Москва, Ленинград, 1952. 113 с.
22. Потеев М.И. Концепции современного естествознания: учебник. Санкт-Петербург: Питер, 1999. 350 с.
23. Потеев М.И. Теоретическая механика в задачах радиоэлектроники и автоматики: учебник-монография. В 2-х ч. Рыбинск, 1982. 166 с. (Ч. 1). 157 с. (Ч. 2) (Деп. в ВИНТИ 06.10.1982, № 5116-82).
24. Потеев М.И., Потеева Л.С. Теоретическая механика. Кинематика: учебное пособие для радиотехнических специальностей вузов. Ярославль, 1972. 178 с.
25. Потеев М.И. Теоретическая механика. Динамика: учебное пособие для радиотехнических специальностей вузов. Ярославль, 1974. 250 с.
26. Потеев М.И. Практикум по теоретической механике: учебное пособие для студентов приборостроительных специальностей вузов / под ред. ГИ. Мельникова. Ленинград: ЛИТМО, 1969. 75 с.
27. Потеев М.И. Практикум по методике преподавания курса теоретической механики в высшей школе: учебное пособие для слушателей факультетов повышения квалификации преподавателей. Ярославль, 1977. 80 с.
28. Потеев М.И., Абрамова Т.Н. Демонстрации по курсу теоретической механики: учебное пособие для радиотехнических, приборостроительных и других смежных специальностей вузов. Ярославль, 1975. 83 с.

29. Потеев М.И. Комплексное использование ЭВМ в преподавании курса теоретической механики: экспресс-информация. Вып. 22. Москва: НИИ ВШ, 1978. 32 с.
30. Потеев М.И., Потеева Л.С., Захарьина И.Ю., Старкова А.Ю. Применение автоматизированных обучающих систем в курсе теоретической механики: экспресс-информация. Вып. 7. Москва: НИИ ВШ, 1981. 16 с.
31. Новик И.З., Потеев М.И., Смирнова Л.А. Автоматизированные обучающие системы: учебное пособие для слушателей ФПКП. Ленинград: ЛИТМО, 1987. 55 с.
32. Потеев М.И., Хлопотов М.В. Мировые информационные образовательные ресурсы: учебное пособие. Санкт-Петербург: СПбГУ, ИТМО, 2009. 163 с.
33. Иванов В.А., Миляев О.Н., Потеев М.И. Применение промышленных роботов в приборостроении: учебное пособие. Ленинград: ЛИТМО, 1986. 55 с.
34. Миронцов С.Г., Потеев М.И., Потеева Л.С., Спиридонова Л.Н. Применение методов теоретической механики в задачах промышленной робототехники: учебное пособие. Москва: МИСИ, 1987. 56 с.
35. Потеев М.И. Практикум по методике обучения во вузах: учебное пособие для слушателей ФПКП. Москва: Высшая школа, 1990. 94 с.
36. Потеев М.И. Основы аналитической дидактики: учебное пособие для слушателей ФПКП. Санкт-Петербург: ИТМО, 1992. 167 с.
37. Потеев М.И. К вопросу о началах динамики // Сборник. научно-метод. статей по теоретической механике. Вып. 5. Москва: Высшая школа, 1975. С. 137–141.
38. Потеев М.И. О классификации сил в курсе теоретической механики. Рыбинск: РАТИ, 1981. 8 с. (Деп. в ВИНТИ 04.06.1981, № 2719-81).
39. Джалишвили З.О., Кириллов А.В., Потеев М.И., Федоров Б.И. Принципы построения и методическое обеспечение автоматизированной обучающей системы по общественным наукам // Современная высшая школа. № 3. Варшава, 1987. С. 125–133.
40. Потеев М.И. О математическом моделировании педагогического процесса / М.И. Потеев // Технические средства в учебном процессе: межвузовский сборник статей. Вып. 4. Ленинград: Лесотехническая академия (ЛТА), 1978. С. 44–50.
41. Потеев М.И. Прогностический взгляд на применение синергетических подходов в педагогике // Образование и наука. Известия Ур РАО. № 4. 2001. С. 76–83.
42. Тарелкин Е.П., Потеев М.И. Несколько слов, изменивших взгляд на мир (к 150-летию со дня рождения В.И. Вернадского // Образование, экономика, общество № 5–6. 2013. С. 104–109.
43. Потеев М.И. Грани науки и их посев // Наука и библиотека: сборник научных трудов. Вып. 6. Санкт-Петербург: БАН, 2023. С. 151–175. (Сер. Летопись Библиотеки Академии наук)

POTEEV M. “Mathematical principles” through the eyes of artificial intelligence

Poteev Mikhail — Professor, Candidate of Technical Sciences, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Russian Academy of Sciences Library Saint-Petersburg, Russia, e-mail: nvk@rasl.nw.ru

ABSTRACT

The article is a preprint of the author’s monograph under the same name. The monograph provides a critical analysis of Isaac Newton’s work “Mathematical Principles of Natural Philosophy” and its translation into Russian by academician A.N. Krylov.

Keywords: axiomatics of dynamics, analytical didactics, dialogues, artificial intelligence, mechanics of spacecraft, mechanics of industrial robots, worldview, modeling, rules of scientific search, synergetic, eco-ethics.

П.И. Федотова

У ИСТОКОВ НОРМАНИЗМА:

Петр Петрей и его «История Великого княжества Московского»

Федотова Полина Игоревна — кандидат философских наук, независимый исследователь Санкт-Петербурга, Россия, e-mail: polinafedotova@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается вопрос об истоках и родоначальнике норманской теории. Таким истоком послужила не статья З. Байера о варягах, а сочинение шведского дипломата начала XVII в. Петра Петрея «История о Великом княжестве Московском». Автор показывает несамостоятельный характер «Истории» Петрея, построенной на компиляции и прямом плагиате чужих работ. Петрей систематически прибегал к дезинформации как фактографического, так и идеологического характера, попытавшись обосновать свое предположение о шведском происхождении варягов. Сочинение Петрея представляет собой не научный труд, а политико-идеологический памфлет, направленный на защиту интересов шведской короны.

Ключевые слова: норманизм, Петр Петрей, проблема происхождения варягов.

К одному из предрассудков, глубоко укоренившихся в российской исторической науке, относится ошибочное представление о родоначальниках норманнской теории. Лавры основоположников норманизма долгое время приписывались академикам-немцам — Зигфриду Байеру (1694–1738), Герарду Миллеру (1705–1783) и Августу Шлецеру (1735–1809), в 20–70-х гг. XVIII в. работавшим в учрежденной Петром I Санкт-Петербургской Академии наук. Только в постсоветский период историки смогли наконец установить действительную историю становления «варяжского вопроса» и норманизма как одного из вариантов его решения. Немецкая исследовательница Биргит Шольц в соответствии с исторической истиной отнесла начало дискуссии по варяжскому вопросу к середине XVI в. Ее открыл в 1549 г. своей книгой о Московии австрийский дипломат Сигизмунд Герберштейн, который выдвинул тезис, что летописные варяги были западными славянами из Гольштейнской провинции Вагрии. Шольц подчеркнула, что версию шведского происхождения варягов впервые высказали не академики-немцы З. Байер, Г. Миллер и А. Шлецер, а шведский дипломат Петр Петрей еще в начале XVII в. Причем Петрей был первым, кто придал варяжской проблеме политическую окраску [23, с. 195; 24, с. 109].

Наблюдения немецкой коллеги поддержали российские историки В.В. Фомин и Л.П. Грот, в чьих работах впервые была детально прослежена картина становления норманизма в европейской историографии XVII–XVIII вв. Вячеслав Фомин напомнил, что на Петрея как действительного автора шведской версии происхождения варягов впервые указал один из видных представителей норманизма XIX в. А.А. Куник. Но если Петрей высказал эту идею в качестве предположения, не отвергая воз-

возможности других точек зрения, то последующие шведские идеологи превратили его предположение о шведском происхождении Рюрика в историческую аксиому. На большом фактическом материале Фомин показал, что к моменту начала дискуссии о варягах в Петербургской академии наук норманизм давно уже сложился как одно из направлений европейской науки в решении варяжского вопроса. Поэтому академики-немцы никак не могут претендовать на роль его основоположников, они лишь пересадили норманизм на русскую почву [19, с. 8–47; 20, с. 340–343].

Дальнейшему уточнению генезиса норманнской теории подвергся в статьях и монографиях российской исследовательницы Л.П. Грот. В своих публикациях Лидия Грот показала, что идея шведского происхождения варягов уходит корнями в шведские националистические идеологии XVI–XVII вв., в которых шведам приписывалась роль культурных просветителей всей Европы. Швеция была объявлена сначала прародиной готов, а затем колыбелью общеевропейской культуры, в том числе древнегреческой, скифской и древнерусской. При этом готы отождествлялись со скифами, а свеи — с легендарными гиперборейцами. Идея выхода варягов из Швеции стала закономерным продолжением этой череды исторических фантазий. Из принятого в конце XVI в. постулата шведской историографии, что «готы или шведы» пришли из Скифии в Скандинавию, а оттуда расселились по разным землям и назвались разными именами, легко было сделать следующий шаг и объявить варягов одним из наименований шведов. Этот шаг был сделан шведским дипломатом Петром Петреем, участником русско-шведских переговоров и доверенным лицом шведского короля Карла IX (в кругу которого культивировались идеи о шведах-гиперборейцах). Появившееся под влиянием политической конъюнктуры предположение Петрея о варягах как шведах стало отправной точкой в становлении норманнской теории [6, с. 321–338; 5, с. 44–47]. Приехавший в 1726 г. в Россию кенигсбергский ориенталист Зигфрид Байер находился под прямым влиянием шведских историков, с которыми состоял в переписке. Таким образом, работавшие в России немецкие ученые не были самостоятельны в своих взглядах, а транслировали уже сложившиеся в европейской науке представления, подыскивая им подтверждения в русских и иностранных письменных источниках [5, с. 292–300].

После обстоятельных работ В.В. Фомина и Л.П. Грот, доказавших вторичный и заимствованный характер российского норманизма, уже невозможно отрицать, что именно сочинение Петра Петрея «История о Великом княжестве Московском» послужило краеугольным камнем, на котором возводилось последующее здание норманизма. Тем не менее не прекращаются попытки скрыть от широкой аудитории этот неоспоримый факт. Так, новгородский археолог В.Я. Конецкий, излагая в своей научно-популярной работе историю полемики по варяжскому вопросу, по-прежнему относит начало этой дискуссии и зарождение норманнской теории к середине XVIII в. Игнорируя работы коллег-историков за прошедшие три десятилетия, он невозмутимо причисляет к основоположникам норманизма академиков-немцев З. Байера, Г. Миллера и А. Шлецера, а М.В. Ломоносову приписывает авторство идеи о славянском происхождении варягов. Как и его собратья по цеху, Конецкий пропа-

гандирует мысль, что активизация антинорманизма в России совпадала с «периодами подъема националистических настроений» [9, с. 26–43].

Такой же позиции придерживается и автор двухтомного исследования по историографии варяжского вопроса Д.Н. Верхотуров. Ему принадлежит наиболее последовательная попытка представить антинорманизм в качестве «русского исторического нарратива», то есть не научной концепции, а националистической идеологии, созданной дилетантами в исторической науке. С этой целью он отсекает всю двухсотлетнюю историю варяжского вопроса до середины XVIII в. и снова начал ее с полемики Г. Миллера и М.В. Ломоносова, умалчивая о реальных родоначальниках как «славянской», так и «шведской» версий происхождения варягов. Исключение первых двухсот лет в истории варяжского вопроса дает ему возможность грубо исказить ситуацию, представив дискуссию о варягах как «политический спор в одеждах академичности», а «славянскую» гипотезу в качестве ответной националистической реакции на выводы «европейской науки» [3, с. 6–11]. В действительности дискуссия, начатая С. Герберштейном, первоначально носила сугубо научный характер, а славянская гипотеза была *исторически первой формой ее решения*. Факт, что автором славянской версии происхождения варягов был австрийский дипломат XVI в., еврей по происхождению, говорит о том, что она не имела никакого отношения ни к национализму вообще, ни к русскому национализму в частности.

Очевидно, что сторонники «шведского Рюрика» стараются не афишировать реального основоположника норманизма. Вопреки прочно установленным фактам, они продолжают приписывать статус основоположников этого направления академиком-немцам, а не шведу Петрею. В стремлении затушевать первоисточник норманнской теории, они пытаются представить вывод о Петрее как родоначальнике норманизма в качестве субъективного и «крайнего мнения» антинорманиста В.В. Фомина [7, с. 70; 16, с. 92]. Хотя сам В.В. Фомин в своих работах неоднократно указывал, что приоритет Петрея в обосновании шведского происхождения варягов впервые был установлен еще в XIX в. академиком-немцем, норманистом А.А. Куником.

С чем связано упорное нежелание признавать приоритет Петрея в создании норманнской теории? Почему сторонники норманизма предпочитают замалчивать действительного основоположника этого направления? Прежде всего, по причине далеко небезупречной репутации этого человека. Будучи сыном высокопоставленного шведского церковнослужителя, Петрей дважды исключался из учебных заведений: в 1590 г. из Высшей школы имени Юхана III, в 1593 г. — из Марбургского университета за неподобающее поведение. В общей сложности он успел проучиться около трех лет (1588–1590; 1592–1593 гг.) [19, с. 17; 14, с. 106]. Увлечшись в Германии разгульной студенческой жизнью, дрался на дуэлях, не стеснялся в средствах, в результате чего оказался в долговой тюрьме. Тем не менее в 1595 г. он был принят на службу в канцелярию герцога Карла Сёдерманландского, младшего сына шведского короля Густава I Вазы [14, с. 106; 22, с. 469].

Вряд ли сегодня кого-то удивят такие повороты в карьере недоучившегося епископского сына, из долговой тюрьмы попавшего прямоком

в канцелярию будущего короля Швеции. Впрочем, там оценили действительные таланты юноши и дали им правильное применение. В 1604 г. герцог взшел на шведский трон под именем Карла IX. Но фактическим правителем Швеции Карл стал еще раньше, в конце XVI в. И уже в 1601 г. Петрей был отправлен в Россию в качестве тайного агента шведской короны. Его карьера на этом поприще складывалась успешно: он неоднократно выполнял дипломатические поручения шведского короля, несколько раз бывал в России, вел переговоры с Василием Шуйским, по видимому, был причастен к составлению Столбовского договора 1617 г.¹ И хотя Петрей никогда не занимался наукой и не имел университетского образования, он оставил после себя ряд сочинений, из которых самое значительное — «История о Великом княжестве Московском». Первое издание «Истории» вышло в Стокгольме в 1614–1615 гг. на шведском языке, после чего последовал авторизованный перевод на немецкий, изданный в 1620 г. в Лейпциге. Как отмечают исследователи, в отличие от сочинений других иностранцев, которые писали о России в основном по личным впечатлениям, Петрей стремился дать очерк русской истории со времен Рюрика до царя Михаила Федоровича. Как же человек без научной подготовки и солидного образования смог справиться с такой задачей?

Российский историк Ю.А. Лимонов, которому принадлежит серия публикаций о сочинениях Петрея, предположил, что в исторической части своего труда Петрей привлекал тексты русских летописей: «сверка известий позволяет предположить, что автор использовал русские летописи, одна из которых была близка к позднейшим спискам Новгородской летописи, другая — к Никоновской» [12, с. 263]. Вслед за Лимоновым советский историк М.А. Алпатов утверждал, что, наряду с личными наблюдениями и заимствованиями у других авторов, «источником для Петрея послужила русская летопись, откуда несомненно взял известия о Киевской Руси» [2, с. 55]. Однако «сверка известий» приводит к иному выводу: Петрей не работал с первоисточниками, а получал информацию из чужих рук, а то и вовсе ее выдумывал. Об этом свидетельствуют многочисленные ошибки в изложении событий русской истории: он упрямо называет древлян печенегами, путает имена и происхождение русских князей, измышляет события, указывает фантастические даты. Еще исследователями XIX в. было установлено, что основным источником сведений по истории России для Петрея послужил широко известный к началу XVII в. труд С. Герберштейна «Записки о Московии», в котором автор впервые познакомил европейскую аудиторию с содержанием русских летописей. Именно оттуда Петрей и позаимствовал их пересказ, но с грубыми ошибками, искажением хронологии и в интерпретации человека с явными пробелами в образовании.

Так, начало государственности в России и призвание варяжских князей он относил к 752 г. (тогда как по летописи и у Герберштейна это произошло в 6370, то есть, в 862 г.), правление Ольги — к IX в. (вместо X в.). Появление письменности на Руси он приурочил ко второй половине XIII в., приписывая ее создание греческому императору Михаилу

¹ Подробные сведения о карьере Петрея см. в статьях Ю.А. Лимонова [13, с. 10–22; 14, с. 106–108].

Палеологу, якобы приславшему в 1262 г. из Константинополя «славянские буквы» в Болгарию, откуда их получили русские. До этого времени, как уверял Петрей, русские не имели ни письменности, ни исторических сочинений. Князь Олег у него с позором бежит от стен Константинополя. Убийство князя Игоря он приписал печенегам, хотя печенеги убили не Игоря, а его сына Святослава. При этом древлянский князь Мал в пересказе Петрея превратился в печенежского князя Мальдитто, который отрубил Игорю голову в месте, называвшемся Хоресто. Послов к Ольге отправляют не древляне, а все те же печенеги — убийцы ее мужа Игоря. После отместки печенегам Ольга возвратилась в Киев в 876 году. Ошибка на целое столетие! При этом Ольгу он отправляет умирать в болгарский Переяслав, где правит ее сын Святослав (по летописи, она умерла в Киеве). Древлянскую землю он последовательно называет «печенежской». Святослав, по Петрею, был убит греческим полководцем, который сделал из его черепа чашу с надписью по-латыни: «ища чужого, потерял свое». Наложница Святослава Малуша у него — «дочь знатного новгородца», почему их сын Владимир и отправляется княжить в Новгород. Рогволод у него княжит в Пскове, который осаждает Владимир после отказа Рогнеды. Сыновей Ярослава он путает с сыновьями Владимира, и, соответственно, распрю между сыновьями Владимира отождествляет с конфликтом между Ярославичами. Петрей заявлял, что русские были данниками татар, начиная от Владимира Мономаха до Василия II (Темного), а освободились от татар «ловкостью своих жен». Мономах, по Петрею, умер в 1146 г. (в действительности в 1125 г.). В Москве у него сначала правит Григорий Данилович Калита, а затем Иван Калита [15, с. 89–111]. И так далее — более двух десятков страниц в духе «испорченного телефона». Учитывая, что у Герберштейна нет тех псевдосведений, которые сообщает Петрей, следует признать, что автор, имея под рукой добросовестный источник информации, прибегал к сознательной фальсификации.

При этом известный петербургский историк, доктор исторических наук А.А. Селин в своей статье о Выборгских переговорах Киприана признавался: «Мне не известно серьезных фактических ошибок, которые бы допустил Петрей в своих сочинениях о Московском государстве» [16, с. 93]. Видимо, приведенные выше измышления Петрея профессор Селин «фактическими ошибками» не считает. В то время как один из современных комментаторов текста Петрея, историк С.Ю. Шокарев (на которого Селин прямо ссылается), заметил, что изложение русских летописей у Петрея «создает ощущение страшной путаницы». Он даже выделил два уровня дезинформации у Петрея: фактологический и идеологический, присущий «определенной категории сочинителей, писавших по чьему-либо заказу» [22, с. 471]. Однако эта «страшная путаница», или, говоря точнее, откровенная дезинформация не помешала советскому историку Ю.А. Лимонову аттестовать Историю Московского княжества Петрея как «научный труд, вобравший в себя разные виды источников» [14, с. 112].

Каким образом труд Петрея «вбирал источники», поведали исследователи сочинений иностранцев о России — Ф.П. Аделунг и И.И. Смирнов, а также русский переводчик сочинения Петрея А.Н. Шемякин. Все

они вынуждены были признать, что Петрей беззастенчиво заимствовал целые страницы из сочинения своего современника Конрада Буссова, не делая при этом никаких ссылок на первоисточник. Аделунг констатировал, что Петрей «нередко списывает Бусова от слова до слова». «Особенно важны известия, им сообщаемые, относительно истории великого князя Бориса и Лжедмитрия; тут он многое мог говорить, как очевидец... Впрочем, не подвержено сомнению и то, что он, именно при рассказе о событиях вышеозначенной поры, не только пользовался рукописным сочинением Конрада Буссова, своего современника и сослуживца, но и не в одном месте выписывает из этого сочинения целые страницы и, что особенно неприятно, ни разу не упоминает об источнике своих выписок» [1, с. 29, 145]. Переводчик Петрея А.Н. Шемякин оправдывал это тем, что такова была обычная практика того времени [21, с. 1]. Однако Н.Г. Устрялов (хотя и заблуждался относительно авторства «Московской хроники», приписывая ее зятю Буссова Мартину Беру) уточнил, что Петрей не просто использовал рукопись, а переписал «почти целиком, с немногими выпусками и дополнениями» [18, с. 7]. Более того, исследователи отмечали, что Петрей скомпрометировал Буссова как изменника шведской короне, тем самым лишив его возможности публиковаться в Прибалтике и дружественных с Швецией германских княжествах [17, с. 41–42]. То есть Петрей не только обокрал Буссова, переписав его работу и выдав за свою, но еще и постарался весьма ловко скрыть свой плагиат, лишив конкурента возможности опубликовать свой труд и вывести плагиатора на чистую воду². Таким образом, наиболее ценная часть сочинения Петрея, посвященная Смутному времени, не более чем плагиат у другого лица.

Однако списанным у Буссова дело не ограничилось. Как установили исследователи, большинство историко-географических сведений о России «шведский ученый» позаимствовал у С. Герберштейна, используя также труды польских историков: М. Меховского, М. Стрыйковского, М. Бельского, А. Гваньини. По эпохе опричнины Петрей опирался прежде всего на биографию Ивана Грозного немецкого пастора П. Одерборна [12, с. 262]. В общем, «серьезный ученый» ободрал своих предшественников как липку, так что на рубашку и посмертную славу ему хватило с лихвой. Правда, к своей задаче Петрей подошел творчески и, в отличие от своих литературных доноров, не стремился к соблюдению исторической истины.

Искажая свои источники и сочиняя вымышленные «сведения», то есть прибегая к грубой фальсификации исторического материала, он не устает неизменно подчеркивать «грубость» и «варварство» русских. Вот как он излагает свою выдумку о возникновении письменности в России: русские «были таким грубым, необузданным и варварским народом, что даже не имели букв для описания дел и учреждений своих князей и государей и истории их, ... пока греческий император Михаил Палеолог не прислал из Константинополя славянские буквы в 1262 году

² О безуспешных попытках К. Буссова переработать текст, скрыв свое авторство, и опубликовать рукопись анонимно в Риге и у себя на родине в Люнебурге см. у И.И. Смирнова: [17, с. 42–51]. Одна из таких анонимных редакций и попала в руки П. Петрея, который приписал ее Мартину Беру. Вслед за Петреем эту мысль повторили Н.М. Карамзин и Н.Г. Устрялов. Об ошибочности такой атрибуции и ее причинах см.: [17, с. 35–36].

в Болгарию, откуда получили их наконец и русские, научились писать их, читать и понимать, а потом изложили и написали этими буквами все, случившееся прежде и еще бывшее у них на памяти» [15, с. 89–90].

В другом месте он так характеризует жителей Московского государства: «Их жестокость, гнусная жизнь, варварская и немилосердная природа достаточно известны многим, бывавшим в земле их... Русские днем и ночью думают и ломают голову, какими бы новыми способами мучить людей: вешать, или варить, или же жарить их? И ни один народ, ни турок, ни татарин, не сделают ничего страшнее и ужаснее». Для пущего запугивания европейской аудитории Петрей не преминул приписать москвитам «содомию», то есть гомосексуализм: «В нравах, обычаях и обрядах они так отвратительны, грубы и невежественны, что не только оскверняют и пакостят себя всякими содомскими грехами, но еще и хвастают и похваляются тем, что они то-то сделали и так-то поступили» [15, с. 87]. Хотя уж чего-чего, а содомитов во все времена хватало в самой Европе. Даже сам эвфемизм для обозначения гомосексуалистов — «голубые» — европейского происхождения и имеет свой исток в традициях кельтов³.

Итак, сочинение Петрея по истории Московского государства представляет собой не оригинальный научный труд, а компиляцию предшествующих сочинений о России. В своей наиболее ценной части о современном Петрею Смутном времени оно являет собой, по оценке исследователей, «настоящий плагиат из Хроники Буссова» [17, с. 41], а в исторической — сознательную дезинформацию в пересказе русских летописей. По справедливому замечанию Е. Козубского, «большая часть Петрея или переписана у Герберштейна и Буссова, или содержит небывлицы» [8, с. 10]. В целом из-под пера Петрея вышел убедительный политико-идеологический пасквиль с целью дискредитации русских в глазах европейской аудитории. Как подытожил свой анализ С. Шокарев, «сочинение Петрея можно отнести к тем трудам, которые создавали отрицательный образ России у западноевропейцев» [22, с. 472]. Недаром еще сербский просветитель XVII в. Юрий Крижанич крайне негативно оценивал «Историю Московского княжества» Петрея-немчина, неизменно называя его «лаятелем и хулителем» «нашего (то есть, славянского) народа». С присущей ему экспрессией он писал, что каждая ее страница полна «ядовитых, оскорбительных, обидных слов и лживых рассказов. Он называет свою книгу «Русской историей» или исторической книгой, но правильнее назвать ее пасквилем, то есть клеветнической, язвительной, шутовской, ругательной книгой. ...Он делает нас хуже турок, татар, самоедов и всех адских бесов». При этом Крижанич пронизательно отмечал умолчания в биографии Петрея, намекая на его роль тайного агента шведской короны: «А о себе самом он пишет, что жил, дескать, я четыре года на жалование великого государя и чуть ли не всю Россию повидал сам, своими глазами. А как он потом попал к шведскому королю, ни он не говорит, ни я ниоткуда не могу узнать» [11, с. 488, 624].

³ По сообщениям античных авторов, кельты сражались обнаженными, выкрасив тела вайдой, — растительной краской голубого цвета. А поскольку в профессиональных воинских союзах у кельтов, типа галльских гесатов («копейщиков»), широко практиковался гомосексуализм, то термин «голубые» закрепился за этим видом сексуальной практики.

За что же это хулительное сочинение удостоилось лестных оценок со стороны российских историков как «первое сочинение Нового времени о России» и как «научный труд, вобравший в себя разные виды источников»⁴? За то, что «серьезный шведский ученый» Петр Петрей в своем «научном труде» поведал миру, что варяги — это шведы. Эту цитату стоит привести целиком, несмотря на ее обширность:

«В русских сказаниях и летописях упоминается народ, называемый у них Варягами (Waregi), с коими они вели большую войну, и были принуждены платить им дань ежегодно по белке с каждого дома. Но я нигде не мог отыскать, что за народ был варяги, и потому должен думать и войти в подробные разыскания, что они пришли из шведского королевства, или из вошедших в состав его земель, Финляндии и Ливонии. Потому что в наших летописях есть ясные известия, что шведы с русскими вели сильные войны, взяли страну их и области вооруженной рукой, покорили, разорили, опустошили и погубили ее огнем и мечом до самой реки Танаиса, и сделали ее своею данницей. К тому же и русские называют варягами народы, соседние Балтийскому морю, например, шведов, финнов, ливонцев, куронов, пруссов, кашубов, поморян и вендов, а Балтийское море зовут Варяжским. Но как это название нельзя найти ни у нас, ни в других местах, то многие стали держаться мнения, [что] варяги были родом из Энгерна (Engern) в Саксонии, или из Вагерланда (Wagerland) в Голштинии; но это невозможно и не имеет никакого основания, потому что они не могли так далеко плавать на своих кораблях по морю, да и не были так многочисленны, чтобы воевать с русскими. <...> Оттого кажется ближе к правде, что варяги вышли из Швеции, или имели главного вождя, который, может быть родился в области Вартоффа (Wartoffta) в Вестерн-Готландии, или в области Веренде в Смаланде, вероятно, назывался Вернер, и оттого Варяг (Waregus), а его дружина — Варяги...» [15, с. 90–91].

Мало того что Петрей здесь верен себе, перевирая русские летописи даже в мелочах (дань по «белеи веверице» от «дыма», согласно Начальной летописи, славяне платили не варягам, а хазарам, что и отразил в своем пересказе Герберштейн) и вставляя выдумку о завоевании шведами России «до Танаиса» (Дона), почерпнутую им у другого шведского сказочника — Иоганна Магнуса. Но и сам вопрос о варягах он решает в духе гадания на кофейной гуще. Прежде всего, он признает, что «неизвестно, что за народ был варяги». И здесь он пишет правду. О том же заявлял и С. Герберштейн, за сто лет до Петрея побывавший в России: «ни про хазар: кто они и откуда, ни про варягов никто не мог сообщить мне ничего определенного, помимо их имени» [4, с. 60]. В то же время Петрей

⁴ В действительности характеристика Ю.А. Лимоновым труда Петрея как «первого сочинения о России Нового времени» не соответствует истине. В библиографическом обзоре В.И. Кордта об иностранных путешествиях по Восточной Европе до 1700 г. только для периода с 1601 по 1613 г. отмечен 51 автор-иностранец, писавший о России [10, с. 66–90]. До Петрея в начале XVII в. были написаны как минимум три крупные работы европейских авторов о России периода Смуты: француза Жака Маржерета (опубликована в Париже в 1607 г.), голландца Исаака Массы (1610) и немца Конрада Буссова (рукописью которого пользовались многие, в том числе Петрей). Однако последние две увидели свет только в XIX в. Из опубликованных, помимо Ж. Маржерета, следует указать описание посольства в Москву английского посла Томаса Смита в 1604 г. (вышедшее в Лондоне в двух изданиях в 1605 и 1607 г.) и анонимную брошюру «Московская трагедия или рассказ о жизни и смерти Димитрия», выдержавшую в 1605–1606 гг. голландское, английское и французское издания [10, с. 82–83].

отмечает, что у русских это собирательный термин для народов циркумбалтийского региона: шведов, финнов, ливонцев, куронов, пруссов, кашубов, поморян и вендов. В ситуации такой информационной неопределенности он начинает гадать: кажется, из Швеции, а может, Финляндии или Ливонии. Может, их вождь был из Вартофта, а может, из Веренде и звали его, наверное, Вернер, и оттого — Варяг (!). А в начале своего исторического опуса он пишет, что варяги пришли из Пруссии: русская история начинается с трех князей, Рюрика, Синеуса и Трувора, «надобно полагать, родных братьев, родом из Пруссии, господствовавших в России в 752 г. по Р.Х.» [15, с. 1]. Какая блистательная наука! Пруссия, Швеция, Финляндия, Ливония — автор все собрал на всякий случай, чтобы не промахнуться. Судя по тому, что Пруссия так и осталась в качестве родины варягов в самом начале петреевского труда, счастливая догадка о Швеции появилась у автора не сразу, а в процессе творческого переосмысления русской истории.

Впрочем, Петрей понимал, что свое предположение о шведском происхождении варягов необходимо подкрепить аргументами. Таких аргументов он выдвигал три: сходство шведских и русских гербов, шведских и варяжских имен и переговоры в Выборге. Что касается гербов, то с таким же успехом можно сказать, что русские гербы похожи на польские, немецкие, французские, так как все они действительно принадлежали к одной — общеевропейской — геральдической традиции. Но Петрей, заявляя, что среди шведских дворянских гербов есть похожие на русские, делал отсюда вывод, что «эти трое братьев пришли из Шведского государства». По его мнению, «нет также особенной разницы между именами варяжских князей и шведских». Так, имя Рюрик он сопоставлял со шведскими именами Эрик, Фридерик, Готфрид, Зигфрид или Родриг; Синеус — Сигге, Свен, Симон или Самсон; Трувор — Туре, Тротте или Туфве [15, с. 92]. Очевидную разницу между этими именами находчивый лингвист объяснял тем, что «русские не могут так правильно произносить иностранные слова, как шведы», а искажают их, особенно имена собственные. Этот этноцентристский аргумент был взят на вооружение всеми его последователями, которые до сих пор уверяют, что варяжские имена — всего лишь «испорченные» шведские. Но как раз то обстоятельство, что имена Рюрик, Синеус и Трувор прирожденный швед Петрей считал «искажением» шведских и подгонял под привычные для шведов имена (Эрик, Сигге, Туре и т.п.), обнаруживает их абсолютную чуждость шведскому именованию.

Третьим козырем в пользу шведского происхождения варягов Петрею служат заявления новгородской делегации о шведском происхождении Рюрика на переговорах в Выборге после приезда туда в июне 1613 г. шведского принца Карла Филиппа. Новгородцы уговаривали герцога приехать в Новгород и принять власть над Новгородской землей. Шведы отказывались ехать в Новгород до тех пор, пока не придут уполномоченные от других русских земель, так как принца приглашали на правление всей Русской землей, а не только Новгородской. Новгородцы же «все настаивали на своей прежней просьбе, поставляя на вид, что Новгородская область, до покорения ее московским государем, имела своих особенных великих князей, которые и правили ею; между ними

был один, тоже шведского происхождения, по имени Рюрик (Rurich), и новгородцы благоденствовали под его правлением» [15, с. 312].

Как показали современные исследователи, в основе этого заявления лежали сфальсифицированные шведскими дипломатами протоколы шведско-новгородских переговоров о приглашении шведского принца на русский престол. При сличении официального варианта протоколов с черновой записью речи главы новгородской делегации Киприана, которая также сохранилась в документах Государственного архива Швеции, оказалось, что слов о шведском происхождении Рюрика новгородский архимандрит не произносил. В действительности Киприан говорил, что у новгородцев был «собственный великий князь по имени Родорикус, родом из Римской империи» [19, с. 24, 52; 6, с. 322–323]⁵. То есть хутынский архимандрит озвучил официальную московскую точку зрения, которая с середины XVI в. насаждалась русской стороной по всем дипломатическим каналам.

Таким образом, «народная этимология» и сфальсифицированные документы — вот что лежит в основе «научных» доводов Петра. Впрочем, «отец норманизма» и не претендовал на истину в последней инстанции, уклоняясь от полемики с оппонентами: «однако ж, некоторые жестоко спорят и говорят, что эти три брата, варяги, пришли из других стран, а не из Швеции: я оставляю это во всей его силе и не буду очень оспаривать». Более того, на случай, если варяги окажутся все же не шведами, он заготовил другой вариант: «шведы пособили русским в этом деле по доброму соседству, дружбе и сношениям, и лучше хотели видеть иноземных государей на царстве у русских, нежели их собственных правителей, потому что шведам довольно была известна их варварская, отвратительная и бесстыдная жизнь и природа, почему они и старались лучше иметь своими соседями чужеземных князей, нежели русских природных государей; потому-то и оказали тем чужеземцам всякое пособие, и проводили их через Швецию по Варяжскому морю» [15, с. 92–93]. Если не из Швеции, то хотя бы через Швецию... Такая вот русская история «от Петра» — на все случаи жизни.

В заключение следует еще раз напомнить, что именно «История великого княжества Московского» является первым сочинением европейского автора, в котором предпринята попытка обосновать шведское происхождение варягов⁶. Отсчет «норманнской теории», которую до сих пор выдают за вывод неподкупной и «объективной» науки, начинается

⁵ Не оспаривая доказанный факт расхождения официальных и неофициальных записей выборгских переговоров 28 августа 1613 г., следует все же заметить, что позиция новгородской делегации на этих переговорах была далеко не однозначной. Ряд документов свидетельствует, что новгородцы в собственных политических целях действительно могли прибегнуть к обману, приписав Рюрику шведское происхождение.

⁶ Справедливости ради следует отметить, что идею шведского происхождения варягов подсказали П. Петрею его предшественники: С. Герберштейн и М. Стрыйковский. Герберштейн, по его собственному признанию, первоначально думал, что призванные на Русь князья были «шведы, датчане или пруссы». Но затем отдал предпочтение славянам из области Вагрия — в силу сходства имени, языка и веры [4, с. 60]. Стрыйковский вслед за Герберштейном тоже считал вероятным, что на Руси «правили либо шведские, либо датские, либо прусские князья», но в целом предпочел прусскую версию. Немаловажным фактором в окончательном оформлении мысли Петра стали русско-шведские переговоры в период Смутного времени. Как показывают наказы новгородским делегациям, а также «Сказание об осаде Тихвина монастыря» (где шведы 8 раз названы варягами), рожденная политической конъюнктурой мысль о шведском происхождении варягов присутствовала в умах новгородских идеологов Смутного времени.

не с научной гипотезы, а с дилетантски-неуклюжих рассуждений идеолога шведской короны. В основе норманизма лежат не факты, а тенденциозный вымысел, высказанный к тому же в качестве предположения. Но то, что было лишь лукавым предположением хитроумного шведа, аккуратно вставлявшего дезинформацию в свое лоскутное повествование о Московском княжестве, у его последователей превратилось в непреложный факт русской истории, сомнение в котором равноценно сомнению в библейских догматах.

Таким образом, сторонники норманизма выставляют в ложном свете саму историю варяжского вопроса, фальсифицируя ее по всем пунктам. Возникновение варяжского вопроса они относят к середине XVIII в., в то время как эта проблема была поставлена на двести лет раньше — в середине XVI в., и не в русской, а в западноевропейской науке. Родоначальником славянской гипотезы происхождения варягов был австрийский дипломат С. Герберштейн, а не русский химик М.В. Ломоносов, как утверждают норманисты. Они приписывают норманизму первичный характер, изображая антинорманизм как националистическую реакцию его противников-дилетантов. Тогда как в исторической реальности, наоборот, норманизм носил вторичный характер и возник как шведская националистическая версия в противовес существовавшим в европейской науке гипотезам о славянском и прусском происхождении варягов. Вопреки уверениям ее адептов, идея шведского происхождения варягов зародилась не в уважаемой академической среде, а в сочинении человека без научного образования, дилетанта и плагиатора, придворного историографа и политического агента шведской короны. Его замешанная на шведском национализме «История великого княжества Московского» и послужила отправной точкой для норманской теории.

Список источников

1. Аделунг Ф. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений. Ч. 2. Москва: В университетской типографии, 1864. 256 с.
2. Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVII — первая четверть XVIII в.). Москва: Наука, 1976. 455 с.
3. Верхотуров Д.Н. Три века спора о варягах. Летопись и варяги. Москва: Вече, 2020. 320 с.
4. Герберштейн С. Записки о Московии. Москва: Изд-во МГУ, 1988. 430 с.
5. Грот Л.П. Призвание варягов: Норманнская лжетеория и правда о князе Рюрике. Москва: Алгоритм, 2012. 368 с.
6. Грот Л.П. Утопические истоки норманизма: мифы о гиперборейцах и рудбекианизм // Изгнание норманнов из русской истории. Сб. статей и монографий. Москва: Русская панорама, 2010. С. 321–338.
7. Коваленко Г.М. Великий Новгород в европейской письменности XV — начала XX вв. Великий Новгород, 2007. 216 с.
8. Козубский Е. Заметки о некоторых иностранных писателях о России в XVII веке // ЖМНП. Санкт-Петербург, 1878. Т. 197. Кн. 5. С. 1–28 (второй пагинации).
9. Конецкий В.Я. Русь Новгородская: первые века. Санкт-Петербург: Крига, 2022. 400 с.
10. Кордт В. Чужоземні подорожні по Східній Європі до 1700 р. Киев, 1926. 205 с.
11. Крижанич Ю. Политика / Подг. к печати В.В. Зеленин; пер. и комм. А.Л. Гольдберг. Под ред. М.Н. Тихомирова. Москва: Наука, 1965. 735 с.

12. Лимонов Ю.А. История о великом княжестве Московском Петра Петрея // Скандинавский сборник. Вып. XII. Таллин: Ээсти раамат, 1967. С. 260–269.
13. Лимонов Ю.А. Петр Петрей и его сочинение о России начала XVII в. // Реляция Петра Петрея о России начала XVII в. Москва, 1976. С. 7–29.
14. Лимонов Ю.А. Сочинение шведского историографа начала XVII в. Петра Петрея о России // Скандинавские чтения 1998 года. Санкт-Петербург: Наука, 1999. С. 104–113.
15. Петр Петрей из Эрлезунда. История о Великом княжестве Московском / Пер. с нем. А.Н. Шемякина. Москва, 1867. XII + 575 с.
16. Селин А.А. Что говорил архимандрит Киприан в Выборге в 1613 г. // Мининские чтения: Сборник научных трудов по истории Восточной Европы в XI–XVII вв. Нижний Новгород: Кварц, 2011. С. 86–97.
17. Смирнов И.И. Конрад Буссов и его хроника // Конрад Буссов. Московская хроника. 1584–1613. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1961. С. 5–62.
18. Устрялов Н.Г. Сказания современников о Дмитриии самозванце. Ч. 1. Изд. 3-е. Санкт-Петербург, 1859. 463 с.
19. Фомин В.В. Варяги и варяжская Русь: к итогам дискуссии по варяжскому вопросу. Москва: Русская панорама, 2005. 488 с.
20. Фомин В.В. Варяго-русский вопрос и некоторые аспекты его историографии // Изгнание норманнов из русской истории. Москва: Русская панорама, 2010. С. 339–512.
21. Шемякин А.Н. Предисловие переводчика // Петр Петрей из Эрлезунда. История о Великом княжестве Московском / Пер. с нем. А.Н. Шемякина. Москва, 1867. С. I–IV.
22. Шокарев С.Ю. Сочинения И. Массы и П. Петрея о Смутном времени // О начале войн и смут в Московии. Москва: Фонд Сергея Дубова; Рита-Принт, 1997. С. 465–472.
23. Шольц Б. Варяжский вопрос в Записках Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии России // Скандинавские чтения 1998 года. Санкт-Петербург: Наука, 1999. С. 194–204.
24. Шольц Б. Немецко-русский полемика по «варяжскому вопросу» в Петербургской академии // Русские и немцы в XVIII веке: Встреча культур. Москва: Наука, 2000. С. 105–116.

FEDOTOVA P. At the origins of Normanism: Petrus Petrejus and his «History of the Grand Duchy of Moscow»

Fedotova Polina — Candidate of Philosophy, an independent researcher
Saint-Petersburg, Russia, e-mail: polinafedotova@yandex.ru

ABSTRACT

The article considers the question of the origins and ancestor of the Norman theory. Such a source was not an article by Siegfried Bayer about the Varangians, but an essay by a Swedish diplomat of the early 17th century Petrus Petrejus «The Story of the Grand Duchy of Moscow». The author shows the independent nature of Petrejus's «History», built on compilation and direct plagiarism of other people's works. Petrejus systematically resorted to disinformation of both a factual and ideological nature, trying to substantiate his assumption about the Swedish origin of the Varangians. Petrejus's work is not a scientific work, but a political and ideological pamphlet aimed at protecting the interests of the Swedish crown.

Key words: Normanism, Petrus Petrejus, problem of the origin of the Varangians.

УДК 025.7/9
ББК 79.0

Т.Д. Великова, Н.Ю. Мамаева, Н.И. Подгорная

МЕТОДИКА КОМПЛЕКСНОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ ФОНДОВ БИБЛИОТЕК ФЦКБФ РНБ

Великова Татьяна Дмитриевна — заместитель руководителя Федерального центра консервации библиотечных фондов Российской национальной библиотеки, кандидат технических наук
Санкт-Петербург, Россия, e-mail: velikova@nlr.ru

Мамаева Наталья Юрьевна — заведующий сектором профилактики и долговременного хранения документов Федерального центра консервации библиотечных фондов Российской национальной библиотеки, кандидат биологических наук
Санкт-Петербург, Россия, e-mail: mamaeva@nlr.ru

Подгорная Наталья Ивановна — главный специалист научно-исследовательской лаборатории Федерального центра консервации библиотечных фондов Российской национальной библиотеки
Санкт-Петербург, Россия, e-mail: conservation@nlr.ru

АННОТАЦИЯ

Представлена методика обследования фондов библиотек, состоящая из трех основных этапов: оценка состояния помещений для хранения фондов, оценка условий хранения документов, оценка сохранности документов. Приведены сведения об основных приборах и методах, используемых в работе, алгоритме обследования документов на предмет их сохранности.

Ключевые слова: консервация, режим хранения, сохранность, обследование фондов.

Систематическое обследование условий хранения и состояния документов в фондах библиотек — это необходимое требование обеспечения их сохранности, возможности предоставления читателям, экспонирования, то есть полноценного осуществления всех функций библиотеки: хранения, просвещения, воспитания.

В Федеральном центре консервации библиотечных фондов Российской национальной библиотеки (ФЦКБФ РНБ) разработана методика обследования, состоящая из нескольких взаимосвязанных направлений.

Методика обследования начала складываться как единый комплекс с начала реализации Национальной программы сохранения библиотечных фондов в 2001 году. Но это не значит, что до этого никакие обследования в фондах РНБ не проводились. На протяжении долгих лет с момента образования в нашей библиотеке в 1934 году службы консервации в виде небольшого подразделения, которое получило название «группы гигиены книги», велось наблюдение за микроклиматом хранилищ и состоянием фондов [1]. В хранилищах библиотеки были организованы метеопосты, где регулярно регистрировали температуру и влажность воздуха.

С организацией в 1948 году в РНБ научно-исследовательской лаборатории, а также с приходом в нее в начале 1951 года Юлии Петровны Нюкши работа по обследованию фондов и условиям их хранения стала носить не только прикладной, но и научно-исследовательский характер. Уже в 1952 году инженером-химиком лаборатории Н.А. Филипповой

подготовлен научный отчет по теме «Химический анализ воздуха в книгохранилищах ГПБ за 1952 г. (определение сернистого газа)».

С 1950-х годов по настоящее время в хранилищах и читальных залах нашей библиотеки осуществляется мониторинг температуры и влажности воздуха. Постоянно велся надзор за состоянием документов. Под руководством Ю.П. Нюкши проводилась экспертиза по выявлению книг с биоповреждениями, отбор документов для дезинфекции и реставрации. Периодически оценивалась зараженность воздуха. Остальные виды обследований фондов и хранилищ осуществлялись по запросам хранителей, после выявления каких-либо нештатных ситуаций либо в результате спланированных научных исследований.

В 80-е годы прошлого века С.А. Добрусиной (в то время научным сотрудником Отдела консервации документов) и Л.К. Кильдюшевской, возглавлявшей Отдел картографии РНБ, разработана методика оценки физического состояния документов из коллекции западно-европейских гравированных атласов, имевших многочисленные повреждения зеленой краской ярь-медянккой. По результатам обследования на основе программного пакета Fox Pro сформирована база данных сохранности коллекции атласов, в которой возможен поиск томов по шифру, автору, степени сохранности, либо по их сочетанию.

На сегодняшний день в ФЦКБФ РНБ выработана комплексная программа по всесторонней оценке фондов библиотеки с точки зрения их сохранности. Методика обследования состоит из трех этапов: оценки состояния помещений для хранения фондов, оценки условий хранения и определения сохранности документов.

1 этап: Оценка состояния помещений для хранения фондов

На первом этапе оценивают состояние помещений для хранения фондов. Абсолютная влажность строительных конструкций имеет большое значение, так как десорбция воды приводит к локальному увеличению влажности, что в свою очередь — к повреждению документов. Повышенная влажность часто бывает в цокольных этажах, в местах нарушения гидроизоляции, на стенах с частыми протечками.

В ФЦКБФ используются цифровые измерители влажности: влагомер МГ-4 и testo 616, с помощью которых можно определять влажность кирпича различных марок, бетона разной ячеистости, дерева различных пород.

С помощью инструментальных методов оценивается микробиологическое и гигиеническое состояние ограждающих поверхностей и библиотечного оборудования. Для этого с поверхностей стен, потолка, полок отбирают пробы на содержание микроорганизмов и пыли. Затем оценивают качественный и количественный состав микроорганизмов в пробах и определяют количество пыли на исследуемых поверхностях.

При необходимости проводится исследование отделочных материалов и покрытий с точки зрения их безопасности для документов, например, определяется возможная эмиссия летучих органических веществ [2].

2 этап: Оценка условий хранения документов

На втором этапе комплексного обследования определяют условия, в которых находятся документы, поэтому данные мониторинга условий

хранения в хранилищах библиотек при обследованиях и их анализ являются необходимым этапом перед описанием состояния документов.

Второй этап включает в себя оценку параметров светового, температурно-влажностного и санитарно-гигиенического режимов хранения.

Контроль светового режима

Световой режим играет важную роль в сохранности документов, поскольку неправильное освещение может привести к их быстрому старению и повреждению. Для контроля светового режима можно использовать специальные измерительные приборы, такие как люксометры.

В книгохранилищах РНБ световой режим с 80-х годов XX века оценивали с помощью люксометра Ю-116. С середины 1990-х годов для измерения общего светового фона и ультрафиолетового излучения использовали комбинированный прибор — люксометр-УФ-радиометр ТКА-01/3.

На сегодняшний день для оценки общей освещенности документов и количества ультрафиолетовой составляющей в световом потоке в помещениях хранилищ замеры выполняются с помощью широко известных и хорошо себя зарекомендовавших люксометров и УФ-метров типа «ТКА Хранитель». Также для измерения уровня освещенности используется Data logger light meter PCE-174 (люксометр PCE 174), позволяющий автоматически определять пиковое значение освещенности, если данное значение сохраняется в течение 10 мкс.

Реализуемая в данных приборах возможность выбора диапазона измерения позволяет получать результаты с высокой точностью.

Измерения проводятся в различных точках книгохранилища. Это позволяет определить, насколько равномерно распределен свет и соответствует ли он требуемым нормам.

Обычно замеры проводят на уровне верхней, средней и нижней полок, располагая датчик прибора вертикально или горизонтально относительно хранящихся на стеллажах документов.

Оценка температурно-влажностного режима

Одни из главных показателей условий хранения документов — температура и относительная влажность воздуха в помещении. Температура часто бывает выше нормативных значений, а влажность, наоборот, — ниже, и в таких случаях совокупность этих двух параметров оказывает негативное влияние на библиотечные материалы. Особенно опасны резкие перепады и температуры, и влажности.

С середины 1930-х годов в нашей библиотеке замеры температуры и влажности воздуха вели с помощью термометров, психрометров и гигрометров, установленных в хранилищах и читальных залах. С 1995 года мониторинг ведется с помощью портативных термогигрометров. С середины 2002 года в нескольких фондах РНБ были установлены логгеры, которые регистрируют температуру и относительную влажность воздуха с заданной периодичностью (3 раза в час), обеспечивают хранение и передачу информации. В хранилищах РНБ к концу 2003 года эксплуатировались 20 логгеров фирм Comark и Rotronic, на сегодняшний день их более 60. В 2010 году объединены в единую сеть логгеры, находящиеся в Отделе рукописей, Отделе редкой книги и Отделе картографии.

С помощью логгеров получают реальную картину изменения климатических параметров в хранилищах во времени.

Оценка санитарно-гигиенического режима

В РНБ ведется периодический контроль показателей санитарно-гигиенического режима: содержания вредных примесей, пыли и микроорганизмов в воздухе хранилищ.

При ограниченной циркуляции воздуха в книгохранилищах происходит накопление летучих органических соединений, газов, микроорганизмов. Для выявления застойных зон рассчитывается кратность воздухообмена: с помощью цифрового анемометра определяется скорость потока воздуха, лазерной линейкой — объем помещения и затем рассчитывается кратность воздухообмена [3].

В хранилищах источниками вредных примесей являются наружный воздух, поступающий при проветривании, и летучие вещества, выделяющиеся из материалов внутри помещений. Более 80 % выбросов в атмосферу от различных предприятий и транспорта составляют оксиды азота, серы, углерода, углеводороды, твердые вещества. Различные материалы, например, мебель, линолеум, пластиковые рамы, отделочные покрытия могут выделять вредные вещества. В лакокрасочных материалах содержится множество летучих органических соединений, таких как ацетон, ксилол, толуол, этилбензол. Кроме того, сами книги, журналы, фотографии, кино- и фото пленки при естественном старении могут выделять агрессивные химические вещества [2, 4, 5].

В воздухе помещений определяют содержание вредных примесей с помощью переносного универсального газоанализатора ГАНК-4, оснащенного встроенными датчиками и специальными химкассетами. Газоанализатор ГАНК-4 работает в автоматическом режиме. На одно измерение затрачивается 2–3 минуты.

Контроль концентрации пыли при анализе воздуха может проводиться с помощью приборов для отбора проб с их дальнейшей обработкой или автоматическими анализирующими приборами.

Для оценки запыленности воздуха в РНБ сначала использовали аспиратор модели 822 и аспиратор БРИЗ-1, отбирая пробы воздуха на фильтры, и затем фильтры с осевшей пылью взвешивали и рассчитывали запыленность [5].

Приобретение автоматических анализирующих приборов, таких как газоанализатор ГАНК-4, пьезобалансный измеритель массовой концентрации пыли KANOMAX 3521, детектор качества воздуха SEM DT-9680, позволило существенно сократить затраты сил и времени на определение количества пыли в воздухе.

Приборы KANOMAX 3521 и SEM DT-9680 имеют режимы измерения концентрации частиц PM_{2,5} и PM₁₀. Детектор DT-9680 также позволяет измерить концентрацию формальдегида (НСНО, мг/м³) и суммарное содержание летучих органических соединений (TVOC, мг/м³). Обычно пробы отбирают на трех уровнях: на высоте верхних, средних и нижних полок стеллажей.

Многие коллекции находятся в хранилищах с ограниченной циркуляцией воздуха, поэтому показатели кратности воздухообмена, содер-

жания газов и пыли также являются определяющими для сохранности документов.

Зараженность воздуха микроорганизмами в хранилищах возможно оценить двумя методами: седиментационным и аспирационным. В настоящее время в РНБ используется аспирационный метод отбора проб с помощью приборов ПУ-1Б или MAS-100 ECO.

3 этап: Оценка сохранности документов

Третий этап комплексного обследования — это определение сохранности документов.

Сначала фонд обследуют на предмет степени его запыленности, а также на наличие в нем документов с биоповреждениями. Запыленность документов оценивается по специально созданной в ФЦКБФ методике [6]. На основании большого количества данных разработаны показатели допустимой запыленности поверхности документов, которые являются определяющими при оценке сохранности фондов и коллекций.

При обследовании фонда особое внимание обращают на те экземпляры, где обнаружены плесневые налеты, пигментация, вызванная жизнедеятельностью микроорганизмов, затеки и биологическая деструкция бумаги. Для определения количества жизнеспособных микроорганизмов на поверхности документов отбирают пробы методом отпечатков, соскобом или специальными стерильными тампонами с последующим культивированием проб и определением зараженности документов.

Экспресс-методы выявления жизнеспособных микроорганизмов ускоряют получение данных о состоянии фонда. В течение нескольких минут можно определить степень заражения по величине АТФ люминесцентным методом используя люминометр Lumitester PD [7]. Самое начало роста грибов можно определить с помощью лампы Вуда [8].

Процесс обследования состояния фондов включает сбор общей информации о массиве документов (название, размещение, объем), оценку повреждений документов с заполнением паспортов сохранности и формирование на их основе электронной базы данных состояния коллекции или фонда.

Выборка должна быть репрезентативной (охват обследуемых документов), случайной (на отбор книг не влияют конкретные интересы), достаточной (количество обследуемых документов для достоверности прогноза состояния фонда). По данным литературы, наиболее часто применяются метод малой выборки, метод репрезентативной выборки, отбор для обследования каждого пятого, десятого, двадцатого документа. Если коллекция содержит 500–1000 единиц хранения, то обследуются все документы [9].

При обследовании документа его повреждения классифицируют и описывают по нескольким основаниям. Оценивается состояние документа с точки зрения сохранности материала носителя информации и материала записи информации. По основным элементам книги выделяют повреждения блока и переплета, в зависимости от природы повреждающего агента повреждения подразделяются на механические, физико-химические и биологические.

Данные о повреждениях документа заносят в Паспорт сохранности, который разработан на основе программного пакета MS ACCESS, входящего

в MS OFFICE, так как прикладная задача требует хранения и обработку различной информации о большом количестве объектов и предполагает возможность многопользовательского режима. Достоинством MS ACCESS является простой интерфейс, который дает возможность хранить все данные в одном файле, хотя и распределенные по разным формам.

Все записи, включенные в электронный паспорт состояния, состоят из полей, в которых хранятся данные. Каждое поле записи содержит одну характеристику объекта и имеет строго определенный вид данных, например, текстовое поле содержит текст, логическое поле — ответ да/нет, цифровое поле — оценку повреждений.

MS ACCESS имеет все необходимые средства для определения, обработки и управления внесенными в базу данными и позволяет осуществлять последовательный просмотр информации по всем заполненным документам; редактирование введенных данных; вывод данных на принтер или в файл; поиск по любой информации, занесенной в базу данных, с применением фильтров; поиск по качественным признакам в режиме логического ДА и НЕТ; сортировку информации по всем полям; ввод новых данных (пополнение базы данных).

Анализ информации, внесенной в базу данных, осуществляется стандартными средствами MSACCESS: поиском, сортировкой, применением фильтров, которые помогают ускорить поиск и сортировку данных [10].

С середины 90-х гг. XX в. ФЦКБФ ведет систематическую работу по оценке сохранности документов различных коллекций. С этой целью разработаны формы электронных паспортов сохранности документов различного вида, в числе которых редкая книга, манускрипт, фотографии, открытки, рукописные карты, восковые пластинки, гравированные атласы. Все паспорта сохранности имеют аналогичную структуру, однако каждая характеризуется определенными отличиями, продиктованными видом документов [11].

Результаты внедрения методики комплексного обследования фондов в работу специалистов ФЦКБФ позволяют констатировать, что данная методика позволяет детально оценить состав фонда по видам переплета, материаловедческим характеристикам и особым характеристикам (наличие штампов, штемпелей, филиграней, помет). Кроме того, возможно оценить сохранность как каждого документа, так и фонда в целом по отдельным видам повреждений и по совокупности повреждений, оценить риски, с которыми могут столкнуться при дальнейшем хранении фондов.

Применение комплексной методики обследования дает возможность детально разработать программу консервации обследованных документов на ближайшую и долгосрочную перспективу, а также спланировать финансовые затраты.

Список источников

1. Чернина Е.С. Возвращаясь к истокам // Теория и практика сохранения памятников культуры: сб. науч. тр. / ГПБ. Санкт-Петербург, 1998. Вып. 19. С. 8–13.
2. Великова Т.Д., Горяева А.Г. Методические рекомендации по определению устойчивости материалов, используемых в хранилищах // Лабораторные методики и

технологические инструкции по практической консервации документов / Санкт-Петербург, РНБ, 2019. С. 264–271.

3. Трепова Е.С. Попихина Е.А. Инструкция по определению кратности воздухообмена // Лабораторные методики и технологические инструкции по практической консервации документов. РНБ. Санкт-Петербург, 2019. С. 87–91.

4. Великова Т.Д. Определение количества вредных примесей в воздухе хранилищ // Комплексное обследование книгохранилищ. Методическое пособие. Санкт-Петербург, 2007. С. 92–106.

5. Мамаева Н.Ю. Оценка запыленности воздуха // Комплексное обследование книгохранилищ. Методическое пособие. Санкт-Петербург, 2007. С. 76–91.

6. Мамаева Н.Ю. Инструкция по обеспыливанию документов и мест их хранения // Лабораторные методики и технологические инструкции по практической консервации документов / РНБ. Санкт-Петербург, 2019. С. 43–49.

7. Трепова Е.С., Горяева А.Г. Инструкция по определению зараженности документов с помощью прибора Lumitester PD // Лабораторные методики и технологические инструкции по практической консервации документов. РНБ. Санкт-Петербург, 2019. С. 60–65.

8. Трепова Е.С. Инструкция по определению зараженности документов с помощью лампы Вуда // Лабораторные методики и технологические инструкции по практической консервации документов / РНБ. Санкт-Петербург, 2019. С. 57–59.

9. Привалов В.Ф., Бобкова В.Н., Куроедова Л.В. Оценка физического состояния документов. Способ малой выборки / ВНИИДАД. Москва, 1996. 20 с.

10. Электронный паспорт сохранности редкой книги. Создание базы данных состояния документов // Н.И. Подгорная, Е.М. Лоцманова, С.А. Добрусина, Е.С. Быстрова / Теория и практика сохранения памятников культуры. Санкт-Петербург, 2017. Вып. 25. С. 38–90.

11. Добрусина С.А., Подгорная Н.И. Оценка состояния фондов библиотек и архивов // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. № 4 (37), декабрь. 2018. С. 157–165.

VELIKOVA T., MAMAIEVA N., PODGORNAYA N. Methodology of Library Collections Comprehensive Examination Created in the FDCC of the NLR

Velikova Tatiana — Deputy head of the Federal Document Conservation Center, the National Library of Russia

Saint-Petersburg, Russia, e-mail: velikova@nlr.ru

Mamaeva Natalia — Head of the Subdivision for Prevention and long-term document storage of the Federal Documents Conservation Center, the National Library of Russia

Saint-Petersburg, Russia, e-mail: mamaeva@nlr.ru

Podgornaya Natalia — Main Specialist of the Scientific Researched Laboratory of the Federal Documents Conservation Center, the National Library of Russia

Saint-Petersburg, Russia, e-mail: conservation@nlr.ru

ABSTRACT

A methodology for examining library collections is presented. It consists of three main stages: storage facility condition assessment, indoor environmental condition assessment, document preservation status assessment. Information is provided on the main devices and methods used in the work, the algorithm for examining documents for its preservation.

Key words: conservation, storage mode, preservation, preservation evaluation.

В.В. Митрофанов

О СТАТУСЕ БИБЛИОТЕКИ С.Ф. ПЛАТОНОВА: 1918–1925 гг.

Митрофанов Виктор Владимирович — доктор исторических наук, профессор кафедры «Гражданско-правовых дисциплин». Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС
Санкт-Петербург, Россия, e-mail: viktor-n1962@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Вводятся в научный оборот документы, позволяющие судить о меняющемся статусе библиотечного собрания академика Сергея Федоровича Платонова (1860–1933) в первые годы советской власти. По ним же можно судить о системе органов власти, ведающих книжными собраниями и в период библиотечного строительства.

Ключевые слова: Сергей Платонов, «Список книг», книжное собрание, статус библиотеки, органы власти, охрана частных библиотек.

Собирать свою библиотеку будущий академик С.Ф. Платонов начал еще в студенческие годы, об этом свидетельствует его фраза из письма К.Н. Бестужеву-Рюмину, написанная 16 июня 1883 г.: «Эта встреча (с названным профессором, произошедшая «три года тому назад» — В.М.) долго останется в моей памяти, как и тот день: тогда я получил от отца в подарок “на рожденье” “Собр[ание] госуд[арственных] грам[от] и дог[оворов]”, положившее начало моей библиотеке» [1, с. 320]. Следовательно, начало этого процесса, продолжавшегося всю жизнь, относится к 1880 г.

А для поисков редких книг Платонов привлекал и своих родственников в Москве. Так, 1 марта 1883 г. он писал своей двоюродной сестре по материнской линии Серафиме Поповой: «Будет у меня просьба к тебе. Есть книжечка величиною ровно в этот почтовый листок, не особенно толстая — 320 страниц, называется: «Сказание о осаде Троицкого Сергеева монастыря от поляков и литвы, и о бывших потом в России мятежах, сочиненное Онаго же Троицкого монастыря Келаре Авраамием Палицыным», Издание второе М. в Синодальной Типографии. 1822. (Есть первое издание: в Москве в 1784 г. — тоже годится). Если не трудно, спроси у книжников на Сухаревой. Спрашивать надобно так: «Сказание Авраамия Палицына об осаде Троицкой Лавры». Книжка редка, поэтому можно дать 3, даже 4 рубля. Если найдешь, то благодетельствуешь меня, но помни, что это не к спеху — к лету. Заглавие должно быть с моим слово в слово, иначе и брать не стоит. Этой книжки я здесь ищу 2 года уже и напрасно» [2, с. 210].

Почему именно эту книгу? Дело в том, что к этому времени он определился с темой своей магистерской диссертации — отражение Смуты в сказаниях, одобрение которой и ждал от К.Н. Бестужева-Рюмина.

Книги собирались быстро, хотя и не без трудностей. С.Ф. Платонов несколько театральных сезонов регулярно посещал спектакли, но когда

вставал вопрос выбора траты денег, он отдавал предпочтение книгам. Так, 5 февраля 1881 г. он писал сестре: «...деньги есть, да жаль тратить, нужно на книги» [2, с. 207].

А уже в 1881 г. С.Ф. Платонов составляет «Список книг» [3, Д. 1151]. Он написан в отдельной тетради, страницы которой разделены на 4 колонки: № п/п., название книги, тома, переплетено. В конце списка имеется помета: «Списан 15 августа 1881 г., исправлен 3 ноября». Составленное оглавление указывает на разделы, по которым систематизирована библиотека.

«Стран[ицы]

1. Философия	1
2. Каталоги и библиография	4
3. Акты	6
4. Летописи	9
5. Памятники исторические	12
6. Сказания современников, мемуары	14
7. Старые исторические труды	16
8. Русская история и право	18
9. Всеобщая история и право	26
10. Памятники словесности	32
11. История словесности, критика	34
12. Изящная словесность	38
13. Смесь	41 См. на обороте
14. Словари	45
15. Периодические издания	47
Статистика	57» [3, д. 1151, л. 35–35 об].

Страницы списка заполнены не полностью, оставлено место под последующие записи для приобретаемых книг, поэтому и нумерация не сквозная, а разбросанная. Очередной книге присваивался порядковый номер, и в соответствующем разделе делалась новая запись.

Как видим, уже на первом этапе формирования своей библиотеки С.Ф. Платонов пытался творчески и профессионально подходить к этому делу, применяя определенные навыки библиотечной работы: систематизация, классификация по разделам, нумерация, частичное библиографическое описание. Хотя, получившийся список был не совершенен: не было нумерации по порядку, отсутствовало полное библиографическое описание.

Помимо научной литературы, С.Ф. Платонов много читал и художественной, поэтому мог давать советы, например, сестре Серафиме: «...читай хорошие книги, а не глупые романчики. Я читаю теперь “Анну Каренину”. Покуда очень нравится, а говорят, что дальше хуже. Вот увижу, скажу. Прочти-ка “Обрыв” Гончарова, вот великолепии» [2, с. 204], написано в письме Серафиме от 19 февраля 1880 г.

Много позже, уже состоявшимся ученым, С.Ф. Платонов проявлял интерес к профессорским собраниям [4], которые после смерти их владельцев продавались, порой разрозненно, теряя свою полноту и общий смысл собранной книжной коллекции. Он же оказывал большую помощь краеведам в формировании провинциальных библиотек [5].

Мы же перенесемся в XX век, когда советская власть устанавливала свои правила, формировалась нормативная база в области библиотечного строительства. Этот процесс можно проследить по отложившимся документам в архивном деле личного фонда С.Ф. Платонова, касающиеся его собственного библиотечного собрания, имеющее название: «Материалы по охране книг библиотеки С.Ф. Платонова» [3, Д. 1152].

Хронологически они находятся в рамках датировки официальных документов. Здесь и Декрет Совнаркома от 17 июля 1918 г., и Приказ Наркомпроса от 10 сентября того же года. Большинство документов являются официальными, имеют соответствующие атрибуты: орган власти, выдавший документ, его номер, дату выдачи, подпись руководителя, скрепление печатью. Представляется важным указанные фамилии чиновников, которые позволяют восстановить их уже забытые имена.

Примечательно, что в стране идет кровопролитная Гражданская война, власть большевиков была ограничена 1/10 частью государства, а правительство озаботилось сохранением частных библиотечных собраний, приравненных к культурным ценностям.

Собранные документы позволяют проследить как менялся правовой статус личной библиотеки профессора. Уже 2 марта 1918 г. она перешла в ведение и под охрану Петроградского университета. С 17 сентября переходит в ведение Библиотечного Отдела при Наркомпросе¹, буквально через 3 недели, 7 октября, одновременно переходит еще и в ведение ЦК Государственных библиотек. В 1921 г. установлена новая юрисдикция (документ № 10). Последняя смена статуса произошла в 1925 г., и библиотека перешла уже под охрану самого владельца, который многие годы только пользовался своим библиотечным собранием. После признания коллекции книг не «представляющими музейного значения» библиотека снята с государственного учета, охрана ее возлагалась уже на владельца, о чем и была дана подписка (№ 16), правда без всякого удостоверения, следовательно, это было простой формальностью.

Важен документ (№ 11) и аналогичная рукопись, написанная С.Ф. Платоновым, по которой и была составлена «опись». Именно здесь указан объем собрания — свыше 6000 т., здесь же перечислены наиболее ценные экземпляры книг и художественные произведения, находившиеся в квартире ученого. Среди наиболее ценного указан комплект 10-верстных карт России. Официальная «Опись» рукописная, форматом j часть листа, объемом в одну страницу с оборотом, но при этом прошита и опечатана сургучной печатью.

Библиотеку, как свидетельствует приходный ордер, осмотрела специальная комиссия, за процедуру пришлось заплатить установленную прејскурантом плату. При этом бланк ордера, несмотря на уже значительный период существования новой власти, датируется еще 1905 г.

Книги занимали две комнаты квартиры, оборудованные стеллажами и шкапами. Рабочий кабинет и его хозяин среди книг запечатлен на известной фотографии.

¹ Обратим внимание, что в документах имеются разночтения в названии этого правительственного органа.

С.Ф. Платонов в своем рабочем кабинете. ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5278. Л. 1

Среди документов имеется расписка, которая позволяет судить о рассмотрении вопроса уплотнения семьи академика Платонова.

Публикуемые документы иллюстрируют процесс формирования и трансформации системы органов власти, в сферу компетенции которых были включены частные библиотечные собрания и другие культурные ценности: Библиотечный Отдел при Наркомпросе, в 1921 г. действовал уже Отдел по охране, учету и регистрации памятников искусства и старины Наркомпроса, затем Главнаука.

Даже такие общественные органы, как Жилищные отделы, районные Жилищные Коллегии, Домкомы бедноты были привлечены к охране библиотечных собраний, они выдавали разрешение на их перемещение, например, во время переезда.

Подборка документов, сделанная С.Ф. Платоновым, является документальным свидетельством отношения новой власти к книж-

ным собраниям — они признавались ценностью, брались под охрану соответствующими государственными структурами, устанавливался контроль над наиболее ценными собраниями.

В публикации опущены: 1) копия удостоверения от 2 марта 1918 г., ее текст идентичен публикуемому с небольшими расхождениями в последней части: Подл[инная] под[пись] Ректор Университета Э. Гримм. /Без подписи/. Скреп[лено] и верно: Секретарь Совета /Подпись/ (Л. 2.), 2) черновик рукописи «Описи», написанной рукой С.Ф. Платонова (имеются исправления, зачеркивания, сокращения, вставки), адресованной «В отдел по охране и регистрации памятников искусства и старины К[омиссариата] [по] Пр[освещению]» (Л. 13). Текст написан на именном листе. Несколько документов не имеют официальных бланков, а представляют собой рукописные (№ 13) или машинописные варианты (№ 16).

Библиотечное собрание С.Ф. Платонова было важной частью его творчества, тематика книг отражала его научные предпочтения, немало было книг с дарственными надписями от друзей и коллег.

Список источников

1. Малинов А.В. К.Н. Бестужев-Рюмин: Очерк теоретико-исторических и философских взглядов. Санкт-Петербург: «Русская культура», 2021. 328 с.
2. Митрофанов В.В. «...я друг всякого образования»: письма С.Ф. Платонова двоюродной сестре Серафиме в 1880-е гг.// Петербургский исторический журнал. 2021. № 1. С. 199–221, 210 с.
3. ОР РНБ, Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1151. Л. 1–44; Д. 1152. Л. 1–17.
4. Митрофанов В.В. Участие С.Ф. Платонова в судьбе отдельных частных библиотечных собраний// Наука и библиотека: сборник научных трудов. Вып. 6 / отв. ред. Н.В. Колпакова. Санкт-Петербург: БАН, 2023. С. 187–193.

5. Митрофанов В.В. «Без хорошей специальной библиотеки... работать нельзя»: о сотрудничестве С.Ф. Платонова с Н.И. Драницыным по созданию библиотеки НГУАК// Клио. 2015. № 2. С. 26–49.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 1

2 марта 1918 г.

Удостоверение

Сим удостоверяется, что квартира заслуженного профессора Петроградского Университета Сергея Федоровича Платонова (Петрогр[адская] ст[орона]. Каменноостровский пр[оспект] д. 73/75, кв. 13), как содержащая библиотеку и иные предметы научного характера, находится в ведении и под охраной Университета.

Ректор Университета /Подпись/

Секретарь совета /Подпись/

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1152. Л. 1.

В левом верхнем углу штамп с надписью: «МНП Ректор Петроградского университета. № 391». На удостоверении синяя печать Петроградского университета с «орлами» в центре.

№ 2

Декрет об охране библиотек и книгохранилищ

Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

Все библиотеки ликвидируемых и эвакуированных государственных учреждений, а также библиотеки отдельных обществ и лиц, поступившие в полном составе или частью в распоряжение правительственных учреждений, общественных организаций и т.д., состоят во всех местностях Российской Социалистической Федеративной Советской Республики под охраной и на учете Народного Комиссариата Просвещения: дальнейшее назначение этих библиотек, распределение их, предоставление их в пользование населения, пополнение их, ведаются состоящим при Народном Комиссариате по Просвещению Отделом библиотек Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. В отношении библиотек, уже состоящих в ведении тех или иных Народных Комиссариатов, Отдел Библиотек осуществляет перечисленные функции по соглашению с соответствующими Комиссариатами.

Все учреждения и организации, за которыми числятся или в распоряжении коих имеются какого-то бы ни было рода библиотеки, обязаны не позже 15 августа довести о сем до сведения Отдела Библиотек Народного Комиссара по Просвещению: неисполнение сего правила рассматривается как нарушение революционного правопорядка и влечет за собою судебную ответственность.

Председатель Совета Народных Комиссаров Вл. Ульянов /Ленин/.

Управляющий делами Совета Народных Комиссаров Влад. Бонч-Бруевич

Секретарь Совета Н. Горбунов

Москва, 17 июля 1918 года

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1152. Л. 3.

На документе стоит круглая печать с текстом: «Комиссариат по Народному просвещению Северной обл[асти]. Библиотечный отд[ел]».

№ 3

Приказ

Народного Комиссариата по Просвещению

В дополнение к декрету Народных Комиссаров от 17 июля с.г. Народный Комиссариат по Просвещению разъясняет, что никакие реквизиции общественных и частных библиотек отдельными лицами или учреждениями вне Контроля Библиотечного Отдела при Народном Комиссариате по Просвещению недопустимы и будут рассматриваться как нарушение революционного правопорядка.

Все охранные грамоты отдельным библиотекам, выдаваемые Библиотечным Отделом, Центральным Комитетом Государственных библиотек /секция Государственных и Ученых Библиотек/ и Библиотечным Подотделом Отдела Внешкольного Образования /секция библиотек общественно-просветительских/ при Народном комиссариате по Просвещению имеет действительную силу при подписи их заведующими названными отделами и секциями.

Народный Комиссар по Просвещению /под/ А. Луначарский.

Секретарь Коллегии Комиссариата /под/ А. Решетников.

10 сентября 1918 года.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1152. Л. 4.

На документе стоит круглая печать с текстом: «Комиссариат по Народному просвещению Северной обл[асти]. Библиотечный отд[ел]»

№ 4

17 сентября 1918 г.

Охранное свидетельство

Сим удостоверяется, что принадлежащая профессору Сергею Федоровичу Платонову библиотека и библиотечное имущество, находящееся в его квартире (Каменноостровский пр., д. 75, кв. 13) состоят в ведении и под охраной Библиотечного Отдела при Комиссариате Народного Просвещения.

Заведующий Библиотечным Отделом /Подпись/

Секретарь/Подпись/.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1152. Л. 5.

На бланке с надписью: РСФСР. Союз коммун Северной области. Комиссариат Народного Просвещения. Библиотечный Отдел. № 227/15.

На документе стоит круглая печать с текстом: «Комиссариат по Народному просвещению Северной обл[асти]. Библиотечный отд[ел]».

№ 5

7 октября 1918 г.

Удостоверение

Настоящим удостоверяется, что библиотека Сергея Федоровича Платонова, находящаяся по Каменноостровскому пр. 73/75, кв. 13., подлежит ведению Центрального Комитета Государственных Библиотек и его охране в силу декрета Совнаркома от 17 июля с.г. и приказа Наркома по Просвещению Союза Коммун Северной Области, согласно коего никакие реквизиции частных библиотек вне контроля Севпроса недопустимы и будут рассматриваться как нарушение революционного порядка.

Зав. Управляющего делами Центрального Комитета Государственных Библиотек
Правительственный Комиссар В. Андерсон /Подпись/.

Заведующий справочной секцией /Подпись/

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1152. Л. 6.

На бланке РСФСР Народный Комиссариат по Просвещению Центральный Комитет государственных библиотек. № 62. На документе стоит круглая печать, аналогичная указанной в № 4.

№ 6

10 октября 1918 г.

В жилищный отдел Совдепа Петроградской стороны

Профессор Сергей Федорович Платонов состоит на службе Народного комиссариата по Просвещению в Главном Управлении Архивными Делами и занимает должность Заместителя Заведующего означенном Главным Управлением, при чем ему по занимаемой им должности отведена квартира в доме Народного Комиссариата по просвещению (Надеждинская ул., 27). В виду сего С.Ф. Платонов нуждается в разрешении перевезти библиотеку и свое движимое имущество из ныне занимаемой им квартиры (Каменноостровский пр., 75) в названное новое помещение.

Вследствие изложенного Главное Управление Архивным Делом просит жилищный отдел Совдепа Петроградской стороны дать С.Ф. Платонову разрешение на упомянутый перевоз вещей на новую квартиру, где не имеется никакой мебелировки.

Заведующий Главным Управлением Д. Рязанов/Подпись/

Заведующий Делопроизводством /Подпись/

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1152. Л. 7.

На бланке Главного Управления Архивным делом. Круглая печать.

№ 7

Со стороны Домового Комитета Бедноты нет никаких препятствий к перевозу на Надеждинскую ул., д. 27 как всего движимого имущества проф. С.Ф. Платонова из кварт[иры] 13 по Каменноостровскому пр. 73/75, так и библиотеки его, состоящей в ведении и под охраной Библиотечного Отдела Комиссариата Народного Просвещения.

11 октября 1918 г.

Председатель домового комитета /Подпись/

Член домового комитета /Подпись/

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1152. Л. 8.

Имеется круглая печать домового комитета.

№ 8

5 декабря 1918 г.

Охранное удостоверение

Дано сие гражд[анину] Платонову Сергею Федоровичу в том, что его квартира и находящееся в ней имущество не подлежит ни реквизиции, ни конфискации, ни уплотнению без ведома Жилищной Коллегии Петербургского Районного Совдепа, что удостоверяется подписями и приложением печати.

Основания: отношение Отд[ела] Изобразительных Искусств за № 0189, а также удост[оверение] № 1027

Зав. Отделом /Подпись/

Завед. Канцелярией /Подпись/

Делопроизводитель /Подпись/

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1152. Л. 9.

На бланке № 3531 Жилищной Коллегии.

Имеется круглая печать домового комитета.

№ 9

11 апреля 1921 г.

Удостоверение

Настоящее удостоверение выдано Сергею Федоровичу Платонову в том, что принадлежащие ему и находящиеся в квартире его в доме № 75 по Каменноостровскому проспекту художественно-культурные ценности, заключающиеся в библиотеке, гравюрах и картинах, перечисленных в прилагаемой описи, как имеющие значение национально-культурного достояния, находятся на учете и под охраной Правительства и состоят в ведении Отдела по охране, учету и регистрации памятников искусства и старины Комиссариата Народного Просвещения, а потому без особого на то разрешения означенного Отдела не могут быть перемещаемы и не подлежат никаким реквизициям.

Заведующий Отделом /Подпись/

Заведующий 2-й Секцией /Подпись/

Секретарь /Подпись/.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1152. Л. 10.

На бланке названных учреждений. Имеется круглая государственная печать.

№ 10

Опись художественно-культурных ценностей в квартире профессора С.Ф. Платонова.

1. Библиотека по истории свыше 6000 томов заключающая между прочим:
«Древности Российского государства»
«Русские портреты» издания В.К. Николая Михайловича,
«Полный фотографический текст «Временника Ив. Тимофеева», издание летописей XVIII века.
«Полное собрание Законов Росс[ийской] империи»,
Иллюстрированное издание иностранных писателей о России (де Бруну в издании 1711 года, текст Флетчера в издании Бодянского и другие редкие и ценные издания).
Библиотека размещена в 2-х комнатах в специальных стеллажах и шкафах.
2. Картины новой школы: Богданова-Бельского, Вещилова, Васкова, Кондратенка, С. Милорадович — всего 7 картин, гравюры, фотографические работы (между прочим, полный комплект 10-верстных карт России).
С. Платонов.
С подлинным верно:
Делопроизводитель /Подпись/
ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1152. Л. 11–11 об.

№ 11

[Расписка]
Охранное свидетельство, выданное на имя профессора Платонова Комиссаром Народного Просвещения на кв. 13 дом 75 по Каменноостровскому проспекту, взято в районную тройку по уплотнению для рассмотрения. Член тройки /Подпись/ 30/IX.
ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1152. Л. 14.

№ 12

24 марта 1925 г.
Приходный ордер № 5762
Управление госуд[арственного] музейного фонда² На бланке имеется другая надпись: «Придворной конторы Великого Князя Михаила Николаевича». Типографский бланк 1905 г.»
От гр. Платонова. За экспертизу его собрания получено три руб. 80 коп.
Получил Инсп-об. /Подпись/
ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1152. Л. 15.

№ 13

14 марта 1925 г.
Удостоверение
Дано сие Ленинградским Отделением Главнауки Наркомпроса на основании постановления ВЦИКа и Совнаркома от 8 марта 1923 года (Собр[ание] Узакон[ений] и Распор[ажений] Раб[оче]-Крест[ьянского] Прав[ительства] 1923 от 4 мая № 20 ст. 245) гр[ажданину] С.Ф. Платонову в том, что состоящие на учете Государственного Музейного Фонда (б[ывшем] Отделе по охране, учету и регистрации памятников искусства и старины) предметы, зарегистрированные согласно удостоверения за № 873 от 11 апреля 1921 г., после перерегистрации, на основании п. 3-го упомянутого выше постановления ВЦИКа и Совнаркома, признаны не представляющими музейного значения и сняты с учета.
Заведующий Ленинградским Отделением Главнауки Кристи /Подпись/
Заведующий музеями Г. Ятманов /Подпись/
Секретарь М. Каценеленбоген /Подпись/
ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1152. Л. 16.
На ведомственном бланке. Круглая государственная печать.

№ 14

[Подписка]
В виду снятия с учета моего собрания даю настоящую подписку в том, что существующие узаконения об учете и охране книжных материалов мне известны и

выполнение их, поскольку они будут относиться к имеющимся у меня материалам, я принимаю на себя.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 1152. Л. 17.

MITROFANOV V. On the status of the S.F. Platonov Library: 1918–1925

Mitrofanov Viktor — Professor of the Department of “Civil Law Disciplines”, University at the Interparliamentary Assembly of EurAsEC
Saint-Petersburg, Russia, e-mail: viktor-n1962@mail.ru

ABSTRACT

Documents are introduced into scientific circulation that allow us to judge the changing status of the library collection of academician S.F. Platonov in the early years of Soviet power. They can also be used to judge the system of authorities in charge of book collections during the period of library construction.

Keywords: Sergey Platonov, “List of books”, book collection, library status, authorities, protection of private libraries.

В.А. Стасевич

АММАН И АММИАН

Стасевич Владислав Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, научно-исследовательский отдел Редкой книги, Библиотека Российской Академии наук Санкт-Петербург, Россия, e-mail: vlad.stasevich87@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье показано, что книги, происходящие из первоначального фонда БАН и надписанные загадочным Иоанном Аммианом, принадлежали к личной библиотеке академика Иоганна Аммана, несмотря на то, что он не тождествен автору надписи. Для доказательства этого привлекаются книги из библиотеки М.В. Ломоносова, также принадлежавшие Амману и его предкам.

Ключевые слова: Иоганн Амман, Амманы из Шаффхаузена, Михаил Васильевич Ломоносов, личные библиотеки.

В вышедшей недавно коллективной монографии о ботанике в России в первой половине XVIII века раздел, который было доверено написать нам, посвящен библиотеке Иоганна Аммана, а точнее говоря — реконструкции ее ботанической части [1, с. 302–336]. К сожалению или к счастью, только недавно нам стал ясен один недостаток нашей работы, выразившийся в том, что мы учли и упомянули меньше книг Аммана, чем могли бы, пусть даже эти пропущенные книги не имеют отношения к ботанике. В данной небольшой статье мы хотели бы наверстать упущенное.

Во введении к разделу упоминается небольшая книжка по медицине, принадлежавшая Амману и переведенная с нидерландского на латынь его родственником Иоганном Конрадом Амманом (1). Как мы отметили, книжка не фигурирует в сохранившейся описи библиотеки Аммана, приобретенной Академией наук после его смерти [2, с. 863–866], что, впрочем, является нормальным случаем для частных библиотек, влившихся в первоначальный фонд БАН в первые десятилетия ее истории (2). К тому же, в опись явно включены только официально «приобретенные» книги, а не весь состав библиотеки Аммана (о чем ниже). Но, что важнее, таких книг значительно больше, и часть из них уже была нам известна, просто мы не могли их уверенно атрибутировать Амману. Дело в том, что ключевые доказательства для этой атрибуции содержатся в книгах из библиотеки Ломоносова, а соответствующие наблюдения, опубликованные в каталоге этих книг [3], не попали в широкий оборот и потому были замечены нами уже после выхода нашей реконструкции.

Еще прежде работы над реконструкцией мы нашли в фондах БАН две книги, происходящие из первоначального фонда и надписанные неким Иоанном Аммианом (*Ammianus*), который в одном случае указал свою ученую степень доктора медицины («MD») (3). Отнести их к библиоте-

ке Аммана мешали не только различие в фамилии владельца, но и отсутствие в описи купленной библиотеки Аммана, а также, в одном случае, — невозможная дата в надписи (1692 г., т.е. за 15 лет до рождения академика). Но стоило лишь обратиться к каталогу книг Ломоносова и самим книгам, хранящимся в БАН, как основание для атрибуции появилось. Среди этих книг есть три с надписями некоего Аммиана или же Амана (так — Aman, Amani). Одна из них, отмеченная такими именами, а также надписями неких Генриха и Иоанна Скрета (Screti), еще не позволяет отождествить владельца с Амманом (4). В другой встречается уже знакомая нам надпись Аммиана с датой 1690 г., зачеркнутая Ломоносовым, который расписался ниже, но легко читаемая (5). Но главное доказательство заключено в третьей книге (6). Уже на ее переплете вытиснено имя некоего Иоанна Аммиана с датой 1655 г. На форзаце нам встречаются надписи Амиана (Amiani), на гравированном титульном листе — уже Аммиана с докторской степенью. Надписи на следующем развороте уже не оставляют сомнений в том, кому принадлежала книга. На обороте титульного листа «Амиан» поставил под своим именем дату 1721 г., а напротив, на первом листе с наборным текстом, — дату 1722 г. Во втором случае расположение имени, фамилии и даты на странице и относительно друг друга совершенно схоже с вышеупомянутой надписью Аммана в книжке, отсутствующей в описи (рис. 1).

Итак, в данном случае «Амиан», а также, видимо, более ранний «Аман», писавший тем же почерком — это сам будущий академик Амман, еще не решивший окончательно, как писать свою фамилию по-латыни. Что касается другого или других Амманов, живших раньше петербургского академика, то это наверняка его родственники, и, скорее всего, прямые предки (к ним мы вернемся чуть ниже).

Составители каталога книг Ломоносова совершенно верно отождествили автора рассмотренных надписей (по крайней мере, самых поздних из них) с Иоганном Амманом, и предложили свою версию попадания этих книг к Ломоносову: непосредственно от Аммана, у которого в последние полгода его жизни Ломоносов должен был учиться натуральной истории и минералогии и под руководством которого составил каталог Минералогического кабинета Кунсткамеры [2, с. 120]. Это вполне правдоподобно, но стоит принимать во внимание и другую версию: что Ломоносов каким-то путем (не обязательно криминальным) получил уже после смерти Аммана те из его книг, что не были включены в опись приобретения. То, что такие книги сохранились, мы уже показали. Добавим,

Рис. 1. Надписи Аммана в книге из библиотеки Ломоносова (слева) и в книге из первоначального фонда БАН (справа)

Рис. 2. Герб Амманов из Шаффхаузена в книге из библиотеки Иоганна Аммана

что, во-первых, опись заведомо неполна. Хотя в ее изданной версии значится 104 номера книг, сохранилась и другая, в которой, по сообщению С.П. Луппова, содержание то же самое, но номера идут с № 1 по № 451 с разрывами, то есть, видимо, сохраняется нумерация первоначального, полного каталога аммановской библиотеки, который до нас не дошел [4, с. 236–237] (7). Во-вторых, если учесть обстоятельства условной «покупки» (фактически — отбора книг по указанию академической Канцелярии, когда наследники бездетного Аммана находились в Швейцарии) [1, с. 302–303], можно понять, что множество книг, за которые даже условно не были выплачены деньги, могли попасть в Библиотеку помимо описи или разойтись по рукам тех, кто имел к ним доступ.

Остается ответить на вопрос, кем же были те родственники Аммана, что оставили свои имена на книгах до него? Главный труд

по истории рода Амманов из Шаффхаузена — монография Эрнста Рюэди [5; 6] — на данный момент нам недоступен. Однако он пересказан в подробной статье, свободно доступной в Интернете [7], благодаря чему мы можем сделать уверенные, хотя и не детально точные выводы. Так, в принципе допустимо, но маловероятно предположение, что Амманом, подписывавшим книги в конце XVII в., был известный врач и сурдопедагог Иоганн Конрад Амман, который, похоже, приходился академику дядей. Иоганн Конрад получил в 1687 г. степень доктора медицины в Базеле, а затем обосновался в Северных Нидерландах и умер под Лейденом в 1730 г. Амман-академик, который обучался в Лейдене около этого времени, вполне мог встречаться с родственником и, в принципе, получить книги от него. Главный довод против — тот факт, что одна из надписей «Аммиана» с докторской степенью встречается на той же книге, которую Амман надписал в 1721 и 1722 гг., то есть еще до своего отъезда из Шаффхаузена (8). Более вероятный кандидат на роль прежнего владельца — дед академика, официальный городской врач Шаффхаузена Иоганн Амман (1640–1702) [7, с. 38–39]. Но мог ли он быть и тем человеком, чье имя было вытеснено на переплете одной книги в 1655 г.? 15 лет — весьма ранний возраст для обладания собственными переплетами даже для юноши из богатой бюргерской семьи. Но этому есть два возможных объяснения. Во-первых, книга могла принадлежать его отцу Иоганну (Хансу) Генриху

(1607–1669). Гравер и видный муниципальный чиновник Ханс Генрих вполне мог быть достаточно образован, чтобы не только иметь, но и читать издание римского классика, тем более что был сыном пастора [7, с. 27–29]. Во-вторых, мы можем иметь дело с примером наградного издания, полученного во время или по окончании учебы в школе. Содержание книги вполне соответствует такому подарку (9).

Напоследок упомянем одну книгу, обнаруженную нами совсем недавно в фонде НИОРК. Она происходит из первоначального фонда БАН и представляет собой конволют, в котором на титульном листе первого аллигата расписался «Иоанн Аммиан, доктор медицины» (10). На этот раз соответствующая запись (по первому аллигату) значится в описи библиотеки Аммана [2, с. 865 (№ 99)]. Напротив фронтисписа же приклеен гравированный герб — не что иное, как герб Амманов из Шаффхаузена (рис. 2) [7, с. 23–26].

Примечания

1. Francisci Mercuri[i] Ab Helmont Observationes Circa Hominem Ejusque Morbos. [...] Per Paulum Buchium Med. Doct. Et è Belgico in latinum sermonem translatae per Johan. Conrad. Amman Med. Doct. — Amstelaedami: Apud Joannem Wolters, 1692. Шифр НИОРК 16079.о/34233.R.

2. Нам известны такие примеры книг из библиотек Роберта Арескина, Георгия Поликолы и Даниэля Готлиба Мессершмидта, а также нескольких книг, с высокой вероятностью происходящих из библиотеки Арчибальда Питкерна, но не значащихся в ее описи.

3. 1) Конволют из двух аллигатов, первый: Steno N. Observationes Anatomicae. Шифр VIII Dd/I. Надпись «Joannes Ammianus». 2) Havers C. Osteologia nova. Francofurti, 1692. Шифр VIIIDa/I. Надпись «S. Joannis Am[m]ianj MD. 1692».

4. Golius T. Thepohili [sic] Golii Educationis Puerilis Linguae Graecae Pars Prima [–Secunda]. Argentorati, 1684–1687. Два тома в одном переплете. Шифр: Ломоносов/8. Описание: [3, с. 118–120 (№ 21)].

5. Pomey F.A. Novus Candidatus Rhetoricae [etc.] Lugduni, 1668. Шифр: Ломоносов/4. Описание: [3, с. 138–140 (№ 30)].

6. Cornelius Nepos. Cornelii Nepotis, vulgo Aemilii Probi, De Excellentibus Viris, Quae extant. Argentorati, 1648. Шифр: Ломоносов/53. Описание: [3, с. 129–132 (№ 27)].

7. По Луппову: ЛОААН (СПбФ АРАН). Ф. 158. Оп. 1. Д. 257. Л. 3–3 об.

8. Книга из примечания 6.

9. Самый ранний случай награждения учеников в швейцарских школах отмечен в 1579 г. Как утверждается, в раннее Новое время в Швейцарии учеников чаще награждали медалями, чем книгами. См.: [8, Р. 85].

10. Конволют из четырех аллигатов, первый: Meara, E. de. Examen Diatribae Thomae Willisii. Amstelodami, 1667. Шифр: НИОРК 16083.о/34238-41.R.

Список источников

1. Стасевич В.А. Библиотеки ботаников Даниэля Готлиба Мессершмидта и Иоганна Аммана // От кунсткамеры к травопознанию. Развитие ботаники в России в первой половине XVIII века / Сост. А.К. Сытин, Д.Д. Сластунов; отв. ред. А.К. Сытин. Санкт-Петербург, 2022. С. 283–336.

2. Материалы для истории императорской Академии наук. Т. 5. Санкт-Петербург, 1889.

3. Библиотека М.В. Ломоносова. Научное описание рукописей и печатных книг / Сост. А.Е. Карначев, И.Н. Лебедева, Е.А. Савельева; отв. ред. И.М. Беляева. Москва, 2010.
4. Луппов С.П. Книга в России в послепетровское время. 1725–1740. Ленинград, 1976.
5. Rüedi E. Die Familie Ammann von Schaffhausen. Thayngen, 1950.
6. Rüedi E. The Ammann Family of Schaffhausen, Switzerland, 1450–1950 / transl. by M. Ammann Durrer. Rockport, Maine, 2005.
7. Ammann Durrer M. Honorable Ancestors, Stories of the Swiss Family Ammann // Swiss American Historical Society Review, Vol. 42, № 2 (2006). P. 7–62. (URL: https://scholarsarchive.byu.edu/sahs_review/vol42/iss2/3/). Доступ свободный. Дата доступа 16.04.2024).
8. Coppens C. The Prize is the Proof: Four Centuries of Prize Books // Eloquent Witnesses. Bookbindings and Their History. A volume of essays dedicated to the memory of Dr Philoze Randeria / Ed. by M.M. Foot. New Castle, Delaware, 2004. P. 53–105.

STASEVICH V. Ammann and Ammianus

Stasevich Vladislav — Candidate of historical sciences, senior researcher, research department of rare books, Russian Academy of Sciences Library
Saint-Petersburg, Russia, e-mail: vlad.stasevich87@gmail.com

ABSTRACT

The article serves to show that the books from the original holdings of RASL which had been signed by the mysterious Joannes Ammianus have belonged to the library of the academician Johann Ammann, even though he is not identical with the author of the inscription. To prove this, the author draws upon the books from the library of Mikhail Lomonosov which also had belonged to Ammann and his ancestors.

Keywords: Johann Ammann, Ammann family of Schaffhausen, M.V. Lomonosov, personal libraries.

А.В. Кульматова

ОБРАЗ АБЭ-НО СЭЙМЭЯ В РОМАНЕ «ОММЁДЗИ» ЮМЭМАКУРА БАКУ И ЕГО СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Кульматова Александра Владимировна — магистрант РГПУ им. А.И. Герцена, направление — Культурология. Восточная культура: традиции и современность, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
Санкт-Петербург, Россия, e-mail: kulmatova.day6@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена краткому обзору романа «Оммёдзи» Юмэмакура Баку, вновь открывшему современникам таинственный образ великого мастера инь и ян. Абэ-но Сэймэй — историческая и легендарная личность, великий оммёдзи эпохи Хэйан, ставший после выхода книги в свет популярным персонажем современной культуры.

Ключевые слова: Юмэмакура Баку, Абэ-но Сэймэй, Сэймэй, оммёдзи, японская литература, сю.

20 марта 2024 г. в Отделе литературы стран Азии и Африки БАН состоялось открытие выставки, приуроченной к юбилею трех выдающихся японских писателей: Ясунари Кавабаты (125 лет), Кобо Абэ (100 лет) и Харуки Мураками (75 лет), и читательской конференции, на которой и прозвучал настоящий доклад, посвященный еще одному японскому автору, широко известному у себя на родине в Японии.

Юмэмакура Баку (род. 1 янв. 1951 г.) — писатель, сценарист и фотограф. Имеет множество наград в области литературы, среди них: премия в области научной фантастики (1989 г.), главный приз японской ассоциации приключенческих романов (1998 г.), премия Рензабуро Сибата (1998 г.), литературные премии Идзуми Кёка (2011 г.), Сэйити Фунахаси (2011 г.), Эйдзи Ёсикавы (2012 г.), Хироши Кикучи (2017 г.), а также премия Японии в области мистической литературы (2017 г.).

Одним из известных романов Юмэмакура Баку является «Оммёдзи». Это целая серия книг, первая из которых вышла в 1988 г. и выдержала уже более 42 переизданий. Роман сразу же завоевал большую популярность в Японии (на данный момент вышло более 20 томов). На русский язык целиком переведена только первая книга и несколько рассказов из второй и третьей. Перевод с японского выполнен С. Колышкиной, фразу которой хочется процитировать: «Пока в России читают Мураками, Япония зачитывается книгами Юмэмакура Баку» [12]. В настоящей работе речь пойдет о переведенной на русский язык части.

Действие романа происходит в эпоху Хэйан (794–1185). Главный герой книги — Абэ-но Сэймэй (安倍晴明), оммёдзи. Оммёдзи — человек, который знает астрологию и астрономию, умеет гадать, наблюдает за погодой, составляет календари, рассчитывает благоприятные и неблагоприятные дни (как в целом, так и для конкретного человека или события), а также умеет изгонять злых духов, защищать от проклятий

или наоборот насыщать их. Европейским аналогом оммёджи можно считать мага-экзорциста, но это довольно условно.

Понятие оммёджи появилось в Японии в VII веке, учение оммёдо (陰陽道) достигло своего расцвета в VIII–X вв. Тогда же было создано Оммёрё (陰陽寮) — Управление темного и светлого начал (инь и ян). Управление представляло собой часть государственного аппарата, подчинялось Министерству центральных дел и отвечало за составление личных календарей, наблюдение за ветрами, движением облаков и светил, ведение счета времени, толкование необычных явлений, а также гадания и проведение ряда церемоний.

Впервые служащие Оммёрё упоминаются в хронике «Нихон сёки» в 675 г. [1], а юридически существование учреждения было закреплено сводом законов «Тайхо рицурё» [5] в начале VIII века. Начальник Оммёрё не только отвечал за работу управления, но также в случае возникновения необычных явлений, представлял государю секретный доклад.

Абэ-но Сэймэй (921–1005 гг.) — реальная историческая личность. Практически сразу после его смерти факты из его жизни начали обрастать всевозможными легендами. Сэймэй служил в ведомстве Оммёрё и был уважаемым оммёджи. Сведений о его жизни сохранилось немного. Вскоре историческая личность превратилась в легендарную.

Развитие и трансформацию его образа условно можно разделить на 3 этапа: 1) через два года после его смерти в 1007 г. по инициативе императора на месте его дома был построен храм в его честь; 2) спустя несколько веков после его смерти в XIII в. в «Удзи сюи моногатари» («рассказы, собранные в Удзи») были записаны легенды о нем, первоначально существовавшие в устной традиции; 3) современность (XX–XXI вв.) — романтизация и популяризация в произведениях литературы и визуальной культуры.

Прочитать о легендарном Сэймэе можно в рассказах жанра *сэцува* («литература устных рассказов»). Так, например, в «Удзи сюи моногатари» [4] Сэймэю посвящены четыре рассказа. Некоторые из них послужили основой для романа «Оммёджи». Это два рассказа из одиннадцатого свитка: «Про монаха, который испытывал Сэймэя» и «Про то, как Сэймэй лягушку убил». Оба сюжета из этих рассказов нашли отражение в книге Юэмакура Баку в самой первой истории: «Как бива, называвшаяся Гэнсе, была похищена демоном».

По легенде, матью Абэ-но Сэймэя была кицунэ (лиса-оборотень), от которой он и унаследовал чудесные магические способности. В романе и разных адаптациях данный момент часто обыгрывается: в диалоге персонажей, во внешнем облике Сэймэя, в его поведении.

Литературный портрет Абэ-но Сэймэя в «Оммёджи» — это внешне молодой человек с правильными и красивыми чертами лица. В действительности же он старше, чем кажется. По характеру он предстает как человек довольно сдержанный и спокойный, даже хладнокровный, однако часто говорит, что думает. Он начитанный и хорошо знает поэзию.

«Этого человека окутывала удивительная атмосфера. Абэ-но Сэймэй — оммёджи. Белая кожа. Правильный нос. Глаза черные со светло-коричневыми крапинками» [8, с. 49].

«Для постороннего взгляда Сэймэй выглядит моложе. И не только моложе, пригожее на вид: прямой изящный нос, а губы красны, как будто впитали светлый кармин» [8, с. 9].

«Сэймэй высокий и белокожий. Изумительно прекрасное лицо с холодными глазами. На губах, словно впитавших светлый кармин, играет улыбка. Возраст по нему определить невозможно. Не будет странным, если ему окажется уже за сорок, но при этом он выглядит юношей, которому не исполнилось еще и тридцати» [8, с. 33].

«Среди всех гадателей и геомантов, чародеев и прочих типов оммёдзи Сэймэй был белой вороной. Когда он проводил таинства искусства Инъ-Ян, он никогда не шел по древнему пути. Все, служащее украшением таинству он отбрасывал совершенно и действовал по-своему, но при этом, в официальных случаях, он мог провести и церемонию по всем правилам. Он мог предаваться разврату с женщинами, торгующими своим телом на окраине столицы, но, неожиданно для всех, в случае какого-либо высокого собрания, мог легко и быстро сочинить стихотворение, даже китайское иероглифическое, и вызвать своим произведением восхищенные возгласы придворных. Как облако, он ничем не был связан. И вот, такой Сэймэй и прямая душа — Хиромаса, как ни странно, друг другу подходили и оставались друзьями и собутыльниками» [8, с. 39].

Вторым главным героем является Минамото-но Хиромаса — аристократ, военный и музыкант, который состоит в родстве с императорской семьей и служит императору (также имеет реального исторического прототипа).

«Высококочтимый Минамото-но Хиромаса — воин, на левом боку у него висит меч. На вид ему за 35. В походке и манерах есть свойственная военному человеку грубоватость, но на вид он вовсе не груб. На вид он очень аккуратен» [8, с. 8].

«Хороший вечер, Сэймэй..., — сказал Хиромаса, высококочтимый Минамото-но Хиромаса, воин. Он выглядит простоватым, но где-то, нельзя сказать точно где, в его чертах проглядывает миловидность. Только это вовсе не слабая бабская миловидность — в этом мужчине даже миловидность, и та грубоватая. И “хороший вечер” — это тоже сказано с грубоватой прямоотой. “Хороший вечер” — это не похвала, Хиромаса не старается выглядеть изящным, говоря это. Он сказал так именно потому, что так подумал, и его собеседник это хорошо понимает. Если бы там была собака, Хиромаса сказал бы: “Там собака”, — вот к этому близка сказанная им фраза» [8, с. 49].

Роман состоит из отдельных историй, каждая из которых вполне самостоятельна и связана с другими только двумя главными героями, общим пространством развития событий, последовательной сменой сезонов и диалогом героев о «сю», который развивается по мере повествования (об этом будет сказано позже). В остальных же рассказы, за редким исключением, можно читать в любом порядке. Вначале повествование ведется от третьего лица, автор знакомит читателя с Абэ-но Сэймэем, рассказывая, кто он, и дальше мы погружаемся в те события, которые происходят с героями книги. Текст изобилует метафорами и разного рода сравнениями, раскрывающими загадочную личность Сэймэя. «Расскажу о странном человеке. Расскажу о человеке, похожем на пльву-

щее по ветру облако в пустом ночном небе. Облако появилось во тьме, мгновение, другое — а оно уже изменилось, но эти изменения можно увидеть, только если пристально вглядываться. Это должно быть то же самое облако, но кто поймет, какой оно формы...» [8, с. 2]. «Будем свободно вести кисть, следуя за ходом событий — именно так лучше всего рассказывать об Абэ-но Сэймэе» [8, с. 2].

Хиромаса и Сэймэй представляют собой тандем обычного и необычного, простого и таинственного, наивного и хитрого. В каком-то смысле их можно сравнить с дуэтом Шерлок Холмс и доктор Ватсон, только вместо обычных преступлений — преступления мистические, где виновниками часто оказываются не люди, а духи, сверхъестественные силы. Как в случае с великим сыщиком, о котором мы узнаем благодаря запискам доктора Ватсона, образ Сэймэя и его незаурядность нам раскрываются на контрасте с его другом Хиромасой, который в каком-то смысле является неким собирательным образом обычного человека, никак не связанного с мистической, необычной стороной жизни. Различия в их характере еще больше подчеркиваются описанием их внешности и занимаемых должностей: военный — оммёдзи. Военный олицетворяет грубую физическую силу, а оммёдзи — тонкую, мистическую.

Повествование в романе строится следующим образом: Хиромаса приходит в гости к Сэймэю с какой-то просьбой. У его знакомого или родственника случилось что-то странное, или же в столице произошло какое-то необычное происшествие и нужна помощь Сэймэя. Поскольку Сэймэй человек необычный, порой общаться с ним сложно, а потому будет лучше, если с просьбой о помощи будет обращаться к нему кто-то хорошо с ним знакомый, т.е. Хиромаса. Рассказ о том, что случилось, происходит, как правило, на открытой веранде в доме Сэймэя с видом на заросший сад. Образ сада очень важен в романе, он помогает автору полнее раскрыть характер Сэймэя и его мировосприятие. «Дикое поле — ну, может, и не настолько, но похоже, что за этим садом практически не ухаживают ... Он, конечно, знал, что Сэймэй — любитель оставлять траву и деревья расти, как им вздумается, но это, перед глазами, это слишком даже для него» [8, с. 8].

«Как обычно, ворота были распахнуты настезь и, если встать у ворот, через них хорошо был виден сад, буйно заросший травой так, словно здесь не усадьба. Словно здесь — какая-то поляна из диких гор, без изменений обнесенная изгородью» [8, с. 32].

«Сад был заросшим. За ним почти не ухаживали. Он словно кусок земли из гор, обнесенный изгородью в китайском стиле» [8, с. 53].

«— Вот, когда я так, отсюда смотрю на твой сад... Почему-то последнее время мне начало казаться, что он хорош и так. — Да? — Что здесь не просто окончательно все заросло, а совсем наоборот. Мне кажется, это нечто другое, — Хиромаса говорил, рассматривая сад. Сад, в котором трава росла как ей угодно. Никакого ухода. Все оставлено на произвол судьбы. Как будто кусок земли из каких-то гор вырезали без изменений и поместили в сад. — Это странно... — сказал Хиромаса. — Что странно? — Сад что весной, что летом, что осенью выглядит всего лишь одинаково заросшим травой, но в каждое время года он другой. В зависимости от времени года есть заметные глазу травы, а есть незаметные.

Вот с кустов леспедецы цветы уже давным-давно опали, и сразу стало непонятно, где она растёт. А взамен стали видны горечавка и колокольчик. А кто может сказать, где они были до сих пор?» [8, с. 101].

Красной нитью через роман проходит диалог героев о «сю». «Сю» — это некое заклятье, название предмета, явления или даже имя человека. Имя — это слово, которое обозначает сущность. И с одной стороны, раскрывает свойства называемого, а с другой, ограничивает, связывает.

«— Что есть самое короткое сю в этом мире? ... Самое короткое сю в этом мире — имя...

— Твое «Сэймэй» и мое «Хиромаса» — наши имена?

— Именно! И «гора», и «море», и «дерево», и «трава», и «насекомые» — и такие имена тоже — одно из сю. Вот так вот... — Сю — это ведь, в сущности, то, что связывает вещи. То, что связывает фундаментальное состояние вещей — имя! Предположим, что в этом мире была бы вещь, которой не было бы дано имя. Эта вещь была бы ничем. Наверное, можно было бы сказать даже, что она не существует... — Например, твое имя «Хиромаса». И ты, и я — оба люди, но ты — человек под сю «Хиромаса», а я — под сю «Сэймэй». Вот так получается... — То есть, если у меня нет имени, то человека, который я, в этом мире нет, так что ли? — Нет, ты есть. А вот Хиромаса исчезнет. — Хиромаса — это я. Если исчезнет Хиромаса, то и я исчезну, разве не так? Не утверждая, но и не отрицая, Сэймэй слегка покачал головой. — Есть вещи, невидимые глазу. И даже эти невидимые глазу вещи можно связать с помощью имени, которое есть сю... — Мужчина думает о женщине: «возлюбленная». Женщина думает о мужчине: «возлюбленный». Если этим чувствам дать имя, связав, будет — «любовь»... — Однако ж, если не придумать имя «любовь», мужчина будет думать о женщине: «возлюбленная», а женщина думать о мужчине: «возлюбленный»... — сказал Хиромаса. — Само собой! — просто ответил Сэймэй, — То и это — разные вещи, — и поднес ко рту sake... — Посмотри на сад! Сэймэй указал пальцем на видневшийся сбоку сад, тот самый, где была глициния. — Там есть глициния? — Ну, есть. — Я дал ей имя Мицумуси... В смысле, заколдовал, наложил сю. — И что из этого? — Она просто ждала моего возвращения. — Чего-чего? — Цветок ведь еще цветет... — Слушай, а ты проще выразаться не умеешь? — сказал Хиромаса. — Ну что, похоже, я должен объяснять на мужчинах и женщинах, да? — сказав так, Сэймэй посмотрел на Хиромасу. — Допустим, что у тебя есть женщина, в которую ты влюблен. И вот, с помощью сю, ты можешь этой женщине подарить с неба луну... Укажи на луну пальцем и скажи только: «Любезная девица, давай я подарю тебе эту луну!»... И если девица ответит да, то тут луна станет ее. — И это сю? — Это станет основой сю» [8, с. 11–13].

В XIX веке учение оммёджи было объявлено предрассудком и запрещено. Запрет сняли только в 2006 г., но из-за долгого перерыва оммёдо утратило свою прежнюю силу и значение. Однако в 1988 г., после выхода в свет первой книги из серии «Оммёджи» Юэмакура Баку, где главным героем является легендарный оммёджи Абэ-но Сэймэй, оммёдо обрело новую силу, правда, уже совсем в другом ключе — как часть современной популярной культуры. Роман возродил образ Сэймэя, сделал его привле-

кательным, вызвал большой интерес к герою и задал совершенно новый вектор развития этого исторического персонажа. Роман «Оммёдзи» и образ Сэймэя в нем оказал большое влияние на кинематограф (причем не только японский, но и китайский) и манга- и аниме-индустрию. Образ Сэймэя очень удачно вписался в такие популярные жанры как исторический, мистика, сверхъестественное, приключения, детектив.

Роман имеет несколько прямых японских манга-, кино- и аниме-адаптаций [6–7], а также две китайских кино-адаптации [10–11], правда довольно вольных. Помимо этого, Абэ-но Сэймэй является персонажем нескольких игр и многих манга и аниме.

Произвольная программа «Сэймэй» двукратного олимпийского чемпиона по фигурному катанию Юдзуру Ханю основана на фильме «Колдун» (экранизация книги «Оммёдзи» 2001 и 2003 гг., реж. Ёдзира Таки-та). Он выступил с ней на зимней Олимпиаде 2018 г. в Пхёнчхане [9].

Также в честь Сэймэя назвали астероид с номером 5541, открытый в японской обсерватории Кисо.

В Киото находится храм, посвященный историческому Абэ-но Сэймэю. После выхода романа Юэмакура Баку и различных его экранизаций популярность данного места значительно возросла. Святилище Сэймэй-дзиндзя основано в 1007 г. по повелению императора Итидзё на том месте, где раньше находился дом Сэймэя. Ежегодно в день осеннего равноденствия в храме проводится праздник — Сэймэй-мацури.

В заключение следует сказать, что Юэмакура Баку в своем романе на основе исторической и легендарной личности создал привлекательный и загадочный образ молодого образованного аристократа, мастера оммёдо Сэймэя, обладающего выдающимися магическими способностями. И этот образ был успешно воспринят современной культурой.

Список источников

1. Нихон сёки — Анналы Японии: в 2 т. / пер. и коммент. Л.М. Ермаковой и А.Н. Мещерякова.
2. Кикнадзе Д.Г. Магико-мантическая практика Оммёдо в средневековой Японии (по материалам сборника «Удзи сюи моногатари», XIII в.) // Религиоведение / Амурский государственный университет. 2013. № 4. С. 48–58.
3. Коляда М.С. Объяснить и исправить: Сэймэй, знаток темного и светлого начал, в поучительных рассказах сэцува // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2020. № 4 (54). С. 5–14.
4. Рассказы, собранные в Удзи (Удзи сюи моногатари) / пер. с яп. и коммент. Г.Г. Свиридова; под ред. А.Н. Мещерякова. Санкт-Петербург: Издательский Дом «Гиперион», 2019. 439 с. (Литературные памятники древней Японии; т. 11).
5. Свод законов «Тайхо рицуре», 702–718 гг.: Рицу (Уголов. кодекс) / АН СССР, Ин-т востоковедения; вступ. ст., пер. с древнеяп., коммент. и слов. К.А. Попова. Москва: Наука, 1989. 110, [2] с.
6. «Колдун». Япония, 2001. Реж. Ёдзиро Таки-та. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/7788/> (дата доступа: 1.04.2024 г.).
7. Аниме «Оммёдзи». Япония, 2023. Реж. Соби Ямамото. URL: <https://www.kinopoisk.ru/series/5399514/> (дата доступа: 1.04.2024 г.).
8. Баку Юэмакура. Оммёдзи / пер. с яп. С. Колышкина. URL: https://vk.com/doc-149570467_645088431?hash=xtuxkRknr3gLDnNiuiOLknlC5ZdT5pnxnFgzetnwkyс (дата доступа: 1.04.2024 г.).

9. Выступление Юдзуру Ханю с произвольной программой «Сэймэй» на зимней олимпиаде 2018 г. в Пхёнчхане. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=23EfsN7vEOA> (дата доступа: 1.04.2024 г.).

10. Колдун. Китай. 2021 г. Реж. Ли Вэйжань. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/1367771/> (дата доступа: 1.04.2024 г.).

11. Колдун: мечта о вечности. Китай. 2020 г. Реж. Го Цзинмин. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/1331017/> (дата доступа: 1.04.2024 г.).

12. Личный сайт С. Кольшкиной. URL: <https://hikari.narod.ru/onmyoji.html> (дата доступа: 1.04.2024 г.).

KULMATOVA A. The image of Abe No Seimei in the novel «Onmyoji» by Yumemakura Baku and its modern interpretations

Kulmatova Aleksandra — graduate student of the A.I. Herzen State Pedagogical University, direction — Cultural Studies. Oriental culture: traditions and modernity, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University
Saint-Petersburg, Russia, e-mail: kulmatova.day6@gmail.com

ABSTRACT

The article is devoted to a brief review of the novel «Onmyoji» written by Japanese author Baku Yumemakura, who rediscovered to his contemporaries the mysterious image of the great master of yin and yang. Abe no Seimei is a historical and legendary figure, the great onmyoji of the Heian period, who becomes a popular character of modern culture after the novel's release.

Key words: Yumemakura Baku, Abe no Seimei, Seimei, onmyoji, Japanese literature, shu.

Ю.А. Мельникова

ОСОБЕННОСТИ РЕСТАВРАЦИИ КНИГ, РЕМОНТИРОВАННЫХ СКОТЧЕМ, НА ПРИМЕРЕ КНИГИ М.А. АЛДАНОВА «ЗАГОВОР» ИЗ ФОНДА ЛИТЕРАТУРЫ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ ОФО БАН

Мельникова Юлия Андреевна — младший научный сотрудник, отдел НИОКиРФ БАН Санкт-Петербург, Россия, e-mail: MelnikovaJ.A@ya.ru

АННОТАЦИЯ

Рассматриваются проблемы сохранности документов на бумажной основе, датированных второй половиной XIX и XX веков, изготовленных из некачественного сырья. В статье описывается опыт реставрации книги 1927 года издания, отремонтированной скотчем. Разбираются способы удаления скотча с бумажной основы.

Ключевые слова: реставрация, консервация, сохранность, древесная масса, бумажная основа, ремонт, ремонт скотчем, скотч, Библиотека Академии наук, ОФО БАН.

Бумажная основа — материал органического происхождения, который со временем утрачивает свои первоначальные свойства, что приводит к различным химическим и физическим повреждениям.

До XIX века большая часть бумажных документов изготавливалась способом ручного отлива, с добавлением хлопковых, льняных и пеньковых волокон, которые не содержат в своем составе древесины.

Начиная со второй половины XIX века увеличивается спрос на печатную продукцию, что приводит к развитию бумажной отрасли. Этот период характеризуется активным поиском недорогого сырья и новых технологий его производства для получения большого объема бумажной продукции. Первоначально в качестве одного из таких сырьевых заменителей стала использоваться солома [8].

Значительные изменения произошли в 1844 году, после изобретения оборудования для получения древесной массы ткачом Готтлибом Келлером, когда бумажная промышленность начинает использовать древесину для изготовления бумаги [10].

Такие изменения в сырьевой базе привели к ухудшению свойств бумаги. Качество бумаги значительно падает, поскольку используется большое количество древесной массы с сульфитной целлюлозой из хвои. Основными отрицательными факторами использования древесины в качестве сырья для изготовления бумаги являются наличие лигнина и применение кислотной проклейки.

Лигнин входит в состав древесины, содержание его и других органических веществ, которые ухудшают качество бумаги, варьируется в пределах 20–30%, в то время как в хлопковом волокне лигнин отсутствует. Присутствие лигнина в бумаге ускоряет процессы ее старения, что приводит к снижению прочности, а применение кислотной проклей-

ки повышает кислотность бумаги и также ускоряет процессы старения бумажной основы [10].

Использование древесины для изготовления бумажной продукции значительно ухудшает свойства бумаги в связи с тем, что макромолекулы, которые содержит целлюлоза в волокнах древесины, намного короче, чем в том же хлопке и других однолетних растениях, а у лигнина отсутствуют волокнообразующие свойства, способствующие образованию нитей. Все эти факторы препятствуют взаимному сцеплению волокон, что придает им ломкость и жесткость [8].

Изготовленная из древесной массы бумага со временем желтеет, это связано с появлением продуктов деструкции и с процессами окисления лигнина, который окрашен в желто-коричневый цвет. Как итог, примеси лигнина ускоряют процессы старения бумаги, изменяя ее химические, физические и оптические свойства [7].

Внедрение дешевых технологий и сырья также значительно ухудшали свойства бумаги. До начала XX в. проблема сохранения печатных изданий не стояла так остро. Исследователи и хранители фондов отмечают ухудшение состояния документов на бумаге (в основном печатных), датированных второй половиной XIX в. и веком следующим, когда резко возрос спрос на печатную продукцию, что привело к изменению и удешевлению сырьевой базы [7].

В Научно-исследовательский отдел консервации и реставрации библиотечных фондов Библиотеки Российской академии наук (НИОКиРФ) в 2017 году поступила на реставрацию книга «Заговор» писателя Марка Алданова, книгоиздательства «Слово», Берлин, 1927 г. из отдела ЛРЗ ОФО БАН.

Автор книги Марк Александрович Алданов (1886–1957 гг.) — выдающийся русский писатель, прозаик, публицист и автор очерков на исторические темы, создавший глубокие, всемирно известные историко-философские литературные произведения. Наряду с писательской деятельностью он также был философом и химиком [6].

Будучи в эмиграции, Марк с успехом дебютировал в качестве исторического романиста, выпустив тетралогия «Мыслитель» из истории Французской революции и наполеоновских войн — «Девятое термидора» (1923), «Чертов мост» (1925), «Заговор» (1927), «Святая Елена, маленький остров» (1921).

Исторические романы Марка Алданова переведены на 24 языка. Помимо сложно построенных сюжетов и ярких характеристик исторических лиц, произведения Алданова включают в себя историко-философские рассуждения от имени вымышленных автором персонажей-резонеров, которые, будучи умудренные опытом, призваны обличать других героев, высказывая длинные нравоучительные суждения. Помимо подобных действующих лиц, в романах фигурируют и наивные персонажи, которые, сталкиваясь с великими историческими событиями, воспринимают их с «простой» точки зрения [6].

Исторический роман «Заговор» впервые издавался в 1926–1927 годах на страницах журнала «Современные записки», а первое книжное издание вышло в свет в 1927 году. Роман является частью тетралогии «Мыслитель». Действие романа происходит в 1800–1801 годах. Его

Рис. 1. Общий вид состояния книги «Заговоръ», поступившей в отдел НИОКиРФ на реставрацию

Рис. 2. Состояние книжного блока книги «Заговоръ»

главный герой — молодой русский офицер по фамилии Штааль, который становится участником заговора против императора Павла I.

Экземпляр книги «Заговор» 1927 года издания, переданный в НИОКиРФ для проведения реставрационных работ, является одним из первых изданий данного исторического романа. Издание состоит из 450 страниц размером 21 × 14 см в мягкой обложке. Текст выполнен печатной краской. Книга поступила в руинированном состоянии. Листы книги пожелтели, утратили прочность, стали хрупкими и ломкими. При каждом открытии блока и пролистывании страниц происходило осыпание бумажной основы. Такое состояние книги обуславливается тем, что бумажная основа содержит большое содержание древесной массы (см. рис. 1).

В ходе оценки общего состояния книги реставратором были выявлены следующие повреждения: мягкий переплет книги (верхняя и нижняя обложка) был отсоединен от блока, корешок и капталы отсутствовали. Блок книги был в плохом состоянии, отмечалось выпадение первых и последних тетрадей (см. рис. 2). Тетради в блоке прошиты нитками, а также скреплены железными скобами, которые со временем дали ржавчину. Блок и обложки скреплены широким скотчем.

Листы книги были подвержены осыпанию, множественным утратам, разрывам и заломам. Основные повреждения пришлись на первые и последние тетради, также присутствовали значительные повреждения тетрадей в середине книги. Несколько листов утратили часть текста. Разрушенные листы первых и последних тетрадей либо выпадали

ли из блока, либо были прикреплены узким скотчем к другим листам. Стоит заметить, что на некоторых листах, где использовался скотч, он был наклеен не только на поля книги, но затрагивал и сам текст (см. рис. 3, 4).

Оценка повреждений выявила следующие ключевые проблемы:

- Скотч на 21 листе: в начале книги 4 листа, в центре — 11 листов, в конце — 6 листов;

- Самые разрушенные листы с 3 по 16 стр. (7 листов), в центре — с 221 по 254 (17 листов), в конце — с 441 по 450 (5 листов).

После оценки состояния книги было принято решение о необходимости ее реставрации, так как нынешнему состоянию книги угрожало дальнейшее разрушение и утрата текста.

Специалистами отдела был разработан план реставрационных мероприятий и подобраны реставрационные материалы.

Реставрационные мероприятия заключались в следующем: был произведен демонтаж блока, удален клей с корешковой части при помощи компресса из мучного клея и острого скальпеля с последующим удалением растворенного клея, книжный блок просушен и разброшюрован, удалены нити шитья и ржавые скобы, произведена пагинация всех листов книги карандашом [3]. Также было проведено обеспыливание листов блока мягкой кистью с обеих сторон, так как листы не были сильно загрязнены и не имели пальцевых захватов и других загрязнений. В связи с тем, что листы были значительно повреждены, сухая чистка резиновой крошкой не применялась. Мягкая обложка переплета была в удовлетворительном состоянии, но частично загрязнена, поэтому подверглась полной сухой очистке с использованием резиновой крошки.

После проведенных манипуляций встал вопрос, каким способом удалять скотч с листов. Было выбрано несколько щадящих способов его удаления.

Сперва был опробован метод с применением спирта и ацетона. На место, где был наклеен скотч (с оборотной стороны) наносился ватным тампоном спирт, сразу после — ацетон и скальпелем удалялась пленка скотча, а затем сам клей. Таким способом удалось снять без особых усилий пленку скотча, а вот сама клеевая основа без повреждения бумаги и текста удалению не поддавалась, а после высыхания спирта и ацетона становилась липкой [4, 5], в связи с этим был опробован метод с применением ацетона и его нагрева. На место, где располагался скотч, также с обратной стороны, наносился ацетон и при помощи реставрационного утюжка при нагреве в 180° проходились по пленке скотча. В итоге данного метода получался результат, схожий с первым — хорошо отделялась пленка, но не удалялся клей [4, 5].

Рис. 3, 4. Состояние листов. Результат «ремонта» книги скотчем

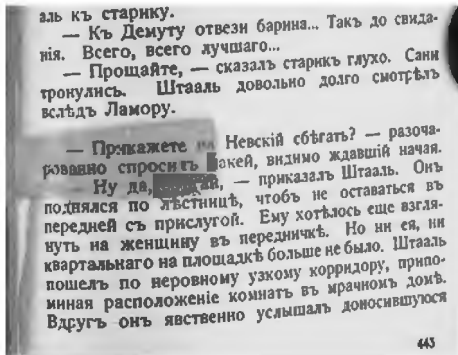

Рис. 5. Результат нанесения на липкий слой реставрационной чары

Таким образом было принято решение удалить пленку скотча со всех листов, а далее на оставшийся липкий клеевой слой от скотча нанести реставрационную бумагу — чару, которая смогла бы устранить липкость, но при этом не перекрывала бы его в тех местах, где скотч заходил на текст (см. рис. 5).

Следующим этапом была промывка листов от загрязнений, желтизны и других видов деструкции. Листы погружали в ванночку с теплой водой, отделяя их друг от друга сетками. Промывка осуществлялась до того момента, пока листы не отдавали всю желтизну воде.

После промывки от загрязнений производилась промывка листов в нейтрализующем растворе карбоната кальция CaCO_3 (мел). Суспензию заливали в ванночку и погружали в нее один за другим листы бумаги так, чтобы каждый лист был смочен нейтрализующим составом до погружения следующего листа. Операция была проделана дважды [1].

При нейтрализации бумаги водными растворами продукты нейтрализации, а также некоторые растворимые в слабощелочном растворе продукты деструкции целлюлозы и сопутствующих веществ были удалены из бумаги, что благоприятствовало ее стабилизации. Избыток карбоната в бумаге после нейтрализации призван предотвратить повышение ее кислотности в будущем. Затем листы помещались на фильтровальную бумагу и просушивались [1].

В ходе реставрации использовался мучной клей. Для восполнения утрат была использована реставрационная тонированная бумага — марка Б, а для подклейки разрывов и заломов использовалась чара.

Разрывы подклеивались локально, не по всему периметру листа. Это обуславливалось тем, что сама книга имеет достаточную толщину и применение подклейки по всему периметру привело бы к значительному утолщению книжного блока.

Был изготовлен твердый переплет для лучшего сохранения блока, на верхнюю и нижнюю крышку переплета были установлены сохранившиеся обложки книги. Корешок выполнен из материала коленкор (см. рис. 6, 7).

По завершении реставрационных работ были проведены замеры кислотности книжных листов с помощью измерительного прибора Hanna. Измерения показали, что средний показатель рН в местах со следами скотча равен 5,65, а бумажной основы — 5,04.

Таким образом, можно сделать вывод, что после проведения реставрационных обработок бумага, содержащая древесную массу, стала менее кислотной. Это обусловлено тем, что при промывке были удалены продукты деструкции и введен щелочной агент — карбонат кальция [2, 9].

Измерение кислотности бумаги показало, что оставшийся клеевой слой от скотча после реставрационных мероприятий не увеличивает кислотность бумаги и не разрушает бумажную основу. Полученные результаты для такого типа бумаги характеризуются как удовлетворительные.

Рис. 6, 7. Отреставрированный блок тетрадей. Изготовление твердого переплета

Рис. 8, 9. Книга «Заговоръ» после реставрации

Данная работа наглядно показывает, как применение нереставрационных материалов для ремонта книг негативно влияет на последующую реставрацию и возможность удаления последствий подобного «ремонта» (см. рис. 8, 9).

Список источников

1. Добрусина С.А. Стабилизация бумаги документов / С.А. Добрусина: учеб. пос. Москва: МЦБС, 2014. 174 с.
2. Комплексное обследование книгохранилищ. Методическое пособие. Измерение рН бумаги документов / Т.Д. Великова, Н.Ю. Мамаева. Москва: Санкт-Петербург, 2013. С. 103–116.
3. Консервация и реставрация книг. Методические рекомендации / Всесоюзная государственная библиотека иностранной литературы. Москва, 1987. 281 с.

4. Реставрация произведений графики: Методические рекомендации / Сост.: Л.Л. Метлицкая, Е.А. Костикова. Москва: ВХНРЦ им. И.Э. Грабаря, 1995. 183 с.
5. Сохранение библиотечных и архивных материалов (руководство) / пер. с англ.; под ред. Ш. Огден. Санкт-Петербург: Европейский дом, 1998. 257 с.
6. Уральский М.Л. Марк Алданов. Писатель, общественный деятель и джентльмен русской эмиграции / М.Л. Уральский. Москва: Алетейя, Санкт-Петербург, 2019. 802 с.
7. Шапкина Т.В. Издание книг и газет в революционный период (1905–1923 гг.) в России: актуальные проблемы сохранности и реставрации // Наш Край: прошлое, настоящее, будущее. Материалы XII региональной научной конференции. (Челябинск, 09.11.2018) Челябинск, 2019. С. 75–80.
8. Методичка по реставрации книг. Бумага в реставрации. [Электронный ресурс]. URL: <https://maxbooks.ru/restor/restor16.htm>
9. Методичка по реставрации книг. Нейтрализация бумаги. [Электронный ресурс]. URL: <https://maxbooks.ru/restor/restor6.htm>
10. Сибирская графика 1920–1930-х годов проблемы сохранности и реставрации. [Электронный ресурс]. URL: <https://antiqueland.ru/articles/1487/>

MELNIKOVA J. Features of the restoration of books repaired with tape, using the example of M.A. Aldanov's book "Conspiracy" from the fund of literature of the Russia abroad of the DFS RASL

Melnikova Julia Andreevna — Junior Researcher, Research Department of Conservation and Restoration of Library funds, Russian Academy of Sciences Library
Saint-Petersburg, Russia, e-mail: MelnikovaJA@ya.ru

ABSTRACT

The problems of preservation of paper-based documents dated to the second half of the 19th and 20th centuries, made from low-quality raw materials, are considered. The article describes the experience of restoring a book published in 1927, repaired with tape. The methods of removing adhesive tape from the paper base are being described.

Keywords: restoration, conservation, preservation, wood pulp, paper base, repair, repair with adhesive tape, scotch tape, Russian Academy of Sciences Library, OFO RASL.

**ФОРМИРОВАНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ПРОЕКТА «ОПТИКА» —
ФЦП «ИНТЕГРАЦИЯ». Историческая справка**

Золотарев Владимир Михайлович — доктор физико-математических наук, независимый исследователь
Санкт-Петербург, Россия, e-mail: ban-rio@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В статье дается историческая справка по проекту «Оптика». Работа над ним проводилась с учетом требований Федеральной целевой программы «Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки на 1997–2000 годы», утвержденной Правительством РФ от 9 сентября 1996 г. в соответствии с Указом Президента РФ. Была поставлена задача: выделение и концентрация в проекте основных направлений развития оптики, наполнение их научным содержанием.

Ключевые слова: оптика, интеграция, федеральная целевая программа, высшее образование, фундаментальная наука.

Работа над проектом «ОПТИКА» начала проводиться практически сразу после появления в газете «Поиск» информации о развертывании Федеральной целевой программы «Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки на 1997–2000 годы», утвержденной Правительством РФ от 9 сентября 1996 г. в соответствии с Указом Президента РФ.

С информацией в газете «Поиск», где была публикация о целях и задачах ФЦП Интеграции, меня ознакомил проф. В.Л. Ермолаев, который на тот момент работал в ГОИ им. С.И. Вавилова и по совместительству в ИТМО(ТУ) на кафедре «Физической оптики и спектроскопии». Следует отметить, что к этому времени уже был накоплен опыт по организации в 1994 г. проекта Центра коллективного пользования «Северо-западный центр спектральных исследований» при РФФИ, куда наряду с ИТМО(ТУ) входили еще ряд организаций Санкт-Петербурга. Естественным при организации нового проекта в рамках ФЦП Интеграция было опереться на ведущих специалистов отдельных организаций РАН, входивших в этот ЦКП и которые специализировались на развитии оптических направлений. Среди участников, которые первыми поддержали идею о создании УНЦ оптического профиля, следует отметить проф. О.В. Мазурина ИХС РАН и ведущего научного сотрудника Б.З. Волчка ИВС РАН, с которым мне неоднократно приходилось советоваться по рабочим вопросам.

Следует отметить, что работа по формированию нового проекта протекала на фоне реорганизации оптического образования в ИТМО(ТУ) и смены руководства института. Предложение об организации проекта оптической направленности активно поддержал недавно избранный ректор В.Н. Васильев. ФЦП «Интеграция» была заявлена как «программа интеграции высшей школы — по преимуществу классических уни-

верситетов и академической науки по естественно-научным направлениям развития наук» на основе создания учебно-научных центров. Исходя из постановки задачи с В.Н. Васильевым была обсуждена концепция и направленность учебно-научного центра, а также определен круг его потенциальных участников. После принципиального согласования вопроса о формировании оптической направленности Проекта работа над его текстовой частью начала быстро продвигаться. Этому, как отмечалось ранее, в значительной мере способствовало то обстоятельство, что к этому моменту был уже накоплен опыт по организации в 1994 г. проекта Центра коллективного пользования «Северо-западный центр спектральных исследований» при РФФИ, куда наряду с ИТМО(ТУ) входили еще ряд организаций Санкт-Петербурга, в том числе ИВС РАН, ФТИ РАН, ВНЦ ГОИ, СПбГУ, РНЦ «Прикладная химия», СПбГТИ(ТУ) и др. Большая часть из перечисленных организаций находится в территориальной близости (в Петроградском районе и на Васильевском острове), что облегчало организационные решения об их участии при согласовании нового совместного проекта в рамках ФЦП Интеграции.

Как всегда при формировании крупного организационного проекта с большим числом участников, изначально был вопрос, что по существу должен представлять собой УНЦ «Оптика» и каковы в общих чертах должны быть его контуры, а также круг задач и вопросы соподчиненности отдельных звеньев структуры. По преимуществу обычно все проекты формируются вокруг конкретных задач, традиционно решаемых теми или иными научными коллективами, это и закладывается в основу большинства проектов, что, в общем, довольно естественно. Однако в данном случае задача была поставлена по-иному: выделить и сконцентрировать в проекте основные направления развития оптики, а уже эти направления наполнять конкретным научным содержанием. Таким образом, УНЦ «Оптика» формировался не под конкретные существующие административные структуры (кафедры, лаборатории и т.п.), а с учетом требований ФЦП «Интеграция» — под разделы естественнонаучного деления направления «Оптика». Такой подход позволил, на наш взгляд, сформировать системно-детерминированную и, следовательно, наиболее устойчивую структуру проекта. Поскольку такая структура проекта формируется в рамках официально признанной классификации, то тем самым создаются наиболее объективные и благоприятные предпосылки для последующей успешной работы над проектом.

Основные деления (подразделы) классификатора ББК по разделу «Оптика»: измерительная аппаратура оптики, оптические системы и изображения, физическая оптика, спектроскопия, лазерная физика — было решено, при обсуждении с В.Н. Васильевым, положить в основу названий учебно-научных направлений (отделений) УНЦ «Оптика» с учетом объединения отдельных подразделов. Для системной замкнутости проекта, а также с учетом наиболее полной реализации научно-технического потенциала участников проекта в структуре направлений с учетом их актуальности, были дополнительно включены направления оптического материаловедения, информационного обеспечения оптики и отделение базового оптического образования. Последнее из числа перечис-

ленных отделений по начальному замыслу авторов этого предложения должно было заниматься вопросами начального оптического образования на младших курсах и прививать студентам интерес к современным проблемам оптики.

Под соответствующую структуру УНЦ «Оптика» естественным образом вписывался ВНЦ «ГОИ им. С.И. Вавилова», который по своей тематике охватывает все направления, а сотрудники института издавна принимали участие в учебном процессе на кафедрах оптического профиля ИТМО(ТУ). Сотрудники академических институтов ИВС РАН (лаборатория спектроскопии полимеров), ИХС РАН им. И.В. Гребенщикова (лаборатория физико-химических свойств стекла) традиционно сотрудничали с ИТМО и ВНЦ ГОИ и поэтому вошли в число участников проекта. Органично входит в проект и БАН России — ее деятельность по своей сути направлена на библиотечно-информационное обеспечение фундаментальных научных исследований, а также выполнение научных исследований в области библиотековедения, информатики и др. Все это говорит о БАН России как об универсальном участнике проекта, который располагает библиотечными фондами по всем отраслям наук, включая оптику.

К работе над проектом в 1996 г. удалось привлечь целый ряд известных специалистов и ученых, представителей разных научных школ. В первую очередь следует отметить вклад почетного директора ГОИ, чл.-кор. РАН, проф. М.М. Мирошникова, который, благодаря своему авторитету и опыту, способствовал становлению Проекта в части его структурного и кадрового компонентов. Мне довелось лично познакомиться с М.М. Мирошниковым в 1982 г., когда я переходил из ГОИ на преподавательскую работу. Он тогда был директором ГОИ и принял меня в своем кабинете, где внимательно выслушал мои доводы, которые побудили меня к переходу в ЛИТМО. Неожиданно для самого себя в затянувшейся продолжительной беседе я тогда высказал смелое мнение об улучшении (с моей точки зрения) организации взаимодействия научных подразделений внутри ГОИ. Эта тема тогда заинтересовала Михаила Михайловича, и он сделал мне ряд предложений о продолжении сотрудничества. Когда мы снова встретились в 1996 г. для обсуждения организационных вопросов по части программы Интеграции, нам удалось быстро достичь согласованного решения по принципиальным вопросам формирования структуры УНЦ «Оптика» благодаря предшествовавшим рабочим контактам.

Центральным местом работы над проектом являлась выработка предложений по формированию структуры УНЦ «Оптика» с остальными участникам проекта. Эта часть проекта потребовала наибольших редакционных усилий при ее формировании, поскольку приходилось обсуждать и согласовывать альтернативные предложения по преимуществу терминологического характера. Достаточно сказать, что на совещаниях в ГОИ были рассмотрены не менее пяти вариантов проектов-заявок (два от ИТМО(ТУ) и три от ГОИ) с разными названиями и концептуальными решениями, прежде чем был принят окончательный вариант проекта. Все наиболее ценные предложения, содержащиеся в этих проектах, были аккумулялированы в окончательном его варианте.

После того как результаты переговоров с потенциальными участниками по поводу формирования согласованного проекта с оптическим вектором развития получили поддержку и, таким образом, подготовили почву для принятия совместного решения, по инициативе В.Н. Васильева было решено провести учредительное заседание по проекту «Оптика». Заседание состоялось 26 декабря 1996 г. в ГОИ в неформальной обстановке в кабинете Г.Т. Петровского. В работе заседания приняли участие: от ИТМО(ТУ) — В.Н. Васильев, Н.А. Ярышев, В.М. Золотарев; от ИВС РАН — Б.З. Волчек; от ИХС РАН — О.В. Мазурин; от ГОИ — Г.Т. Петровский, М.М. Мирошников. Итогом этого заседания было одобрение целей, задач и методов решения, выдвинутых в Проекте. Кроме этого, получили поддержку и одобрение предложения по организационной структуре учебно-научного центра «Оптика», сформированного на базе ИТМО(ТУ). Руководителем проекта был избран ректор ИТМО(ТУ) В.Н. Васильев. На этом совещании также были приняты решения по организации координационного совета и центральной рабочей группы для оперативного управления Проектом. В состав координационного совета входят: В.Н. Васильев (руководитель совета), чл.-кор. Е.Ф. Панарин (ИВС РАН), чл.-кор. В.Я. Шевченко (ИХС РАН), проф. В.П. Леонов (БАН России), акад. Г.Т. Петровский (ГОИ); в состав центральной рабочей группы — проф. В.М. Золотарев (председатель), Ю.Л. Колесников (уч. секретарь) (ИТМО(ТУ)), канд. физ.-мат. наук Б.З. Волчек (ИВС РАН), проф. О.В. Мазурин (ИХС РАН), канд. пед. наук Н.В. Колпакова (БАН России), чл.-кор. М.М. Мирошников, проф. Г.Н. Герасимов (ГОИ).

Таблица. Организационная структура Учебно-научного центра «ОПТИКА»

Учебно-научные отделы	Научные руководители	ИТМО (ТУ)		Учреждения РАН	ВНЦ ГОИ Структурные подразделения
			Руководители отделений		
1. Базовый учебный отдел	проф. Ярышев Н.А.	Филиалы кафедр, базовые кафедры. ИТМО(ТУ) и ВНЦ «ГОИ им. С.И. Вавилова»	доц. Козлов С.А.		
2. Информационная оптика	чл.-кор. РАН Мирошников М.М. проф. Грамматин А.П.		проф. Родионов С.А.		
3. Физическая оптика и спектроскопия	акад. РАН Александров Е.Б. акад. РАН Денисюк Ю.Н.		проф. Золотарев В.М.	ИВС РАН	—»—
4. Лазерная физика. Фотофизика и силовая оптика	д.ф.-м.н. Мак А.А. чл.-кор. РАН Бонч-Бруевич А.М.		проф. Вейко В.П.		—»—
5. Оптическое материаловедение	акад. РАН Петровский Г.Т.		проф. Путилин Э.С.	ИХС РАН	—»—
6. Информационно-аналитический центр по оптике	чл.-кор. РАН Мирошников М.М., проф. Леонов В.П.		проф. Васильев В.Н.	БАН России	—»—

Практика работы за период 1997–1999 гг. подтвердила жизнеспособность УНЦ «Оптика» и эффективность организационной и управленческой структур, положенных в ее основу. В процессе работы регулярно проводились ежегодные конференции участников УНЦ «Оптика» и публиковались тематические выпуски Оптического журнала и сборников работ участников проекта (см. список источников).

Заложенные в проект изначальные принципы широкого охвата проблемы, вытекающие из задач ФЦП «Интеграция», сыграли в конечном счете свою положительную роль и позволили в 1999 г. объединить вокруг проекта «Оптика» и ИТМО(ТУ), как головной организации, ряд проектов Санкт-Петербурга. Эти проекты носили по преимуществу материаловедческий и приборостроительный профиль. В результате объединенный проект получил название «Оптика и научное приборостроение», а частные ассоциированные проекты получили статус самоуправляемых отделений внутри объединенного Проекта.

Учитывая большой вклад руководства ИТМО(ТУ) и ряда сотрудников в интеграционную, учебно-педагогическую и научную деятельность в области оптики в связи со 100-летием СПбГИТМО(ТУ) Оптическим обществом им. Д.С. Рождественского, было принято решение наградить:

ректора, профессора В.Н. Васильева медалью С.Э. Фриша;
профессора В.М. Золотарева медалью С.Э. Фриша;
профессора С.А. Родионова медалью С.Э. Фриша;
профессора С.А. Козлова медалью акад. А.А. Лебедева.

Следует отдельно отметить *социальный и экономический эффект* от работы в области совершенствования методических подходов в оптическом образовании: в процессе работы УНЦ «Оптика» подготовлены аналитические материалы по оптике и оптическому приборостроению с использованием новых результатов экспертного анализа научных разработок. Сформирован набор новых оптических терминов и издан Англо-русский словарь по Оптике для студентов, магистров, инженеров и научных работников. Словарь содержит более 2000 основных терминов и понятий, включая их определение и толкование, из всех основных разделов оптики. Полученные аналитические и методические материалы использованы при подготовке нового Государственного образовательного стандарта (ГОС) второго поколения по направлениям ОПТОТЕХНИКА и ПРИБОРОСТРОЕНИЕ.

Список источников

1. Волчек Б.З., Новак И.И. Северо-Западный центр спектральных исследований. Оптич. журнал, 65(10), 135 (1998).
2. Васильев В.Н., Золотарев В.М. Организационная структура Учебно-научного центра «ОПТИКА» и направления его научной деятельности. Оптич. журнал. 65 (10), 3 (1998).
3. Колпакова Н.В., Васильев В.Н., Рогова И.В. Библиометрический анализ документального потока по проблемам оптики. Оптич. журнал. 65 (10), 127 (1998).
4. Золотарев В.М. Исторические предпосылки формирования проекта «Оптика» — ФЦП «Интеграция». Оптический вестник — Бюллетень оптического общества (ООР). Санкт-Петербург. № 93, 18 (2000).

5. Васильев В.Н., Золотарев В.М., Мирошников М.М. Формирование проекта «Учебно-научный центр «Оптика и научное приборостроение»» федеральной целевой программы «ИНТЕГРАЦИЯ». Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. ИТМО, Санкт-Петербург, (13), (5) 2004.
6. Оптические технологии в фундаментальных и прикладных исследованиях. «Разработки УНЦ «Оптика и Научное приборостроение»». Сб. статей под ред. В.Н. Васильева, ИТМО, Санкт-Петербург, 2001.
7. Васильев В.Н., Золотарев В.М., Карасев В.Б., Колесников Ю.Л. Реализация проекта «ОПТИКА и Научное приборостроение» ФЦП Интеграция в 1997–2000 гг. и новые возможности по подготовке кадров по оптическим специальностям. Тез. докл. конф. Оптика и оптич. образование. ИТМО, Санкт-Петербург, 16–20 окт. 2000 г.
8. Васильев В.Н., Золотарев В.М., Карасев В.Б., Колесников Ю.Л., Петровский Г.Т., Герасимов Г.Н., Панарин Е.Ф., Волчек Б.З., Шевченко В.Я., Мазурин О.В. Подготовка специалистов по оптическим специальностям на базе Учебно-научного центра «ОПТИКА и Научное приборостроение» ФЦП «Интеграция». Тез. докл. юбил. науч.-технич. конф. проф.-препод. состава, посвящ. 100-летию ун-та. ИТМО, Санкт-Петербург, 2000.
9. Васильев В.Н., Золотарев В.М., Рогова И.В. Анализ классификационных рубрикаторов и материалов по разделам «Оптика и Оптические приборы». Оптич. журнал. 65 (10), 117 (1998).
10. Российская научно-практич. конф. «Оптика-1998». ФЦП «Интеграция», ИТМО, Санкт-Петербург, 27–29 марта 1998 г.
11. XXXIII научно и учебно-методич. конф. СПбГУИТМО, (Секция № 1 — Результаты исследований, выполненных в 2003 г. в рамках Федеральной целевой программы «Интеграция»), ИТМО, Санкт-Петербург, 3–6 февраля 2004 г.
12. Оптический журнал. Спец. выпуск — «Учебно-научный центр «Оптика» — фундаментальные и прикладные исследования». Оптич. журнал. 65 (10), 1998.
13. Оптический журнал. Спец. выпуск — «Интеграция высшего образования и фундаментальной науки. Оптика и научное приборостроение». Оптич. журнал. 69 (3), 2002.
14. Оптический журнал. Спец. выпуск — «Интеграция науки и высшего образования-2003. Оптика и научное приборостроение». Оптич. журнал. 70(1), 2003.
15. Оптический вестник. Тематич. выпуск. Учебно-научный центр «Оптика и научное приборостроение» — Бюллетень оптического общества (ООР). Санкт-Петербург № 95. 2000. Международный оптический конгресс «Оптика — XXI век». Санкт-Петербург, 17–19 октября, 2000.
В рамках конгресса проведены конференции:
Фундаментальные проблемы оптики. Санкт-Петербург, 16–20 окт. 2000
Прикладная оптика. Санкт-Петербург, 16–20 окт. 2000
Оптика и образование. Санкт-Петербург, 16–20 окт. 2000
Научно молодежная школа «Оптика-2000». Санкт-Петербург, 16–20 окт. 2000
16. 2-я Международная конференция молодых ученых и специалистов «ОПТИКА-2001» Санкт-Петербург, 16–18 октября, 2001.
18. Тематическая выставка работ в связи со 100-летием СПбГИТМО(ТУ) проведена в 2000 г. в БАН России в рамках ФЦП Интеграция.
19. Сб. научных трудов молодых ученых и специалистов. Вып. 1. Ч. 1, 123 с. ИТМО, Санкт-Петербург, 2000 г.
20. Парвулюсов Ю.Б., Родионов С.А., Солдатов В.П., Шехонин А.А., Якушенок Ю.Г. Проектирование оптико-электронных приборов. Учебник под ред. Ю.Г. Якушенок. Москва: Логос, 2000. 487 с.
21. Англо-русский словарь по Оптике. Составитель В.С. Запасский. Под общей ред. В.Н. Васильева и В.М. Золотарева. ИТМО, Санкт-Петербург, 2002.

ZOLOTAREV V.M. Formation and formation of the OPTICS project — Federal Target Program “Integration”. Historical background

Zolotarev Vladimir — Doctor of Physical and Mathematical Sciences, independent researcher Saint-Petersburg, Russia, e-mail: ban-rio@yandex.ru

ABSTRACT

The article provides a historical background on the Optics project. The work on it was carried out taking into account the requirements of the Federal Target Program “State support for the integration of Higher Education and Fundamental Science for 1997–2000”, approved by the Government of the Russian Federation on September 9, 1996 in accordance with the Decree of the President of the Russian Federation. The task was set: to identify and concentrate the main directions of optics development in the project, to fill them with scientific content.

Keywords: optics, integration, Federal target program, higher education, fundamental science.

УДК 002.2
ББК 76.1я1

С.Н. Искюль

**ФРАНЦУЗСКИЕ ИЗДАНИЯ ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭПОХИ (1787–1788)
В ФОНДАХ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ОТДЕЛА РЕДКОЙ КНИГИ
БИБЛИОТЕКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК.**

Каталог. Авторы-составители: О.В. Субботина, И.Е. Кулименова.
Санкт-Петербург: БАН. 2024. 159 с.

Искюль Сергей Николаевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия, e-mail: iskiouls@yahoo.com

АННОТАЦИЯ

Рецензия посвящена критическому рассмотрению опубликованного каталога «Французские издания предреволюционной эпохи (1787–1788) в фондах научно-исследовательского отдела редкой книги РАН».

Ключевые слова: каталогизация, библиография, Библиотека Академии наук, Отдел редкой книги БАН, эпоха Просвещения, Французская революция.

Каталогу предшествует большая вводная статья О.В. Субботиной, в которой подробно раскрывается история выявления, классификации и составления сводного каталога изданий времен Французской революции, история, которая началась еще в 30-х годах прошлого века, отмеченная обращением к ней таких крупных специалистов в этой области, как Р.М. Тонкова (Яковкина-Тонкова), А.И. Малеин и др.

Во введении к настоящему каталогу отражены все этапы предпринятой с тех пор работы, которая, уже после того как сводный каталог изданий 1787–1794 гг. усилиями Р.М. Тонковой был завершен (1941), требовала, по мнению специалистов, продолжения с тем, чтобы были внесены исправления и уточнения. Впоследствии идея издания каталога неоднократно возникала и обсуждалась на заседаниях Ученого совета БАН, особенно в преддверии 200-летнего юбилея Французской революции, но большой объем работы и разные концепции, возникавшие у тех, кто так или иначе оказывался заинтересован в продолжении начатого Р.М. Тонковой, не способствовали осуществлению проекта. Особенно много и предметно занималась созданием и формированием коллекции печатных изданий эпохи Революции научный сотрудник рукописной и редкой книги Е.А. Савельева. Параллельно предпринимались шаги к включению в план мероприятий юбилейной комиссии Отделения истории Академии наук СССР издание каталога Р.М. Тонковой: по собственной инициативе этим занимался заведующий Группой по изучению Французской революции XVIII в. Института всеобщей истории РАН, доктор исторических наук профессор Г.Е. Кучеренко, который говорил об этом с Е.А. Савельевой и получил ее поддержку. Но и этот проект не состоялся. Впоследствии, когда возникла идея подготовки каталога в рамках двух хроно-

логических разделов — первый с 1787 по 1799 г., и второй, охватывающий эпоху Консульства и Империи, — участники поэтапного проекта постепенно обратились к предреволюционному периоду. Результатом предпринятого отбора и описания явилась работа по составлению настоящего каталога, куда вошли книги на французском языке, увидевшие свет преимущественно во Франции за указанный период 1787–1788 гг.

Каталог состоит из двух частей: в первой представлены экземпляры с точными указаниями места опубликования и даты издания, во втором — те, в которых указанные в них данные вызывали сомнения, вопросы и разного рода предположения. Внутри каждого раздела издания, в том числе и анонимные, располагаются по алфавиту, что представляется логичным и бесспорным.

В каталог оказались включенными сочинения самых разных авторов — как французских, так и переводных, большей частью английских, и по содержанию самые разнообразные, в большей степени актуально-политические, как показалось рецензенту, но помимо них еще и богословские, естественнонаучные и художественные произведения.

Среди включенных в каталог сочинений французских авторов значится, к примеру, брошюра Никола Бодо (1730–1792), священника, о котором известно, что он довольно рано покинул свою паству и посвятил себя штудиям в области экономики. Его называли «аббатом Бодо», что не помешало ему в конце концов стать ученым-экономистом. Более того, его имя вошло в учебники истории экономической мысли, в частности, благодаря положению основателя первого во Франции экономического журнала под названием «*Les ephemerides du Citoyen*», который был создан в 1765 г. Интеллектуальная карьера Бодо была многообразной, а его сочинения многочисленными. Так что помещенное в каталог сочинение Бодо далеко не последнее сочинение из тех, что привлекло внимание публики и правительства. Известно, что первоначально он выступал против физиократов, но впоследствии присоединился к ним, стал профессором богословия, но затем обратился к экономическим и социальным исследованиям, со временем получив признание как экономист.

Находим в каталоге и два сборника сочинений, принадлежащих перу Жака-Бениня Боссюэ, епископа Мо, проповедника и богослова. В обоих сборниках отразился один из предпочтительных жанров сочинений Боссюэ, который снискал ему прижизненную славу, а именно надгробные речи (*Oraisons funèbres*). Произнесенные по разным поводам, в том числе обращенные и к памяти усопших «сильных мира сего», эти речи представляют большой историко-литературный интерес: с тех пор, как они были произнесены (в том числе и в соборе Парижской Богоматери), они изучались и до настоящего времени изучаются как образцы вкуса и стиля.

В каталог вошло и несколько актуальных сочинений Шарля Александра де Калонна. Все они свидетельствуют о том, что генеральный интендант финансов, которым являлся Калонн, весьма обстоятельно относился к своей должности, занять которую было непросто. Но он вступил в управление расстроеными финансами Франции в 1783 г., когда успех первого же объявленного им займа, казалось, обеспечил ему поддержку со стороны финансовых кругов. Тем более, что генеральный контролер

обещал восстановить изрядно потрепанный бюджет и снизить налоги, что всегда вызывает симпатии публики. Правда, бывшему адвокату, генеральному прокурору и интенданту Калонну, получившему поддержку при дворе и в правительстве, пришлось немало потрудиться, прежде чем ему удалось поначалу оправдать оказанное доверие. Но в 1787 г., к которому относятся почти все представленные в каталоге сочинения Калонна, положение в корне изменилось: предшествовавшая ситуация с финансами и огромным дефицитом на фоне неудачных реформ в области финансов, предложенных ранее его предшественниками (в т.ч. Ж. Неккером), не оставила, что называется, ему шансов, несмотря на то, что именно он предлагал созвать собрание нотаблей для консультаций по финансовым вопросам.

Многочисленные сочинения графа Оноре Габриеля Рикети де Мирабо, знаменитого впоследствии деятеля Французской революции, также нашли свое место в каталоге. Среди тех, что имеют прямое отношение к внутривосточной ситуации страны, несколько томов скандально известного произведения совсем иного рода: «*De la monarchie prusienne, sous Frédéric le Grand; un appendice contenant des recherches sur la situation actuelle des principales contrées de l'Allemagne*». В этом сочинении, написанном во многом на основе впечатлений, вынесенных из предпринятой им по поручению «свыше» поездки в Пруссию в 1786 г., Мирабо без всяких стеснений приподнимает завесу, скрывавшую от посторонних глаз потаенные реалии жизни прусского двора, его нравы, продажность и ограниченность прусских государственных деятелей. Это сочинение Мирабо подверглось запрету со стороны французских властей, что только способствовало росту популярности и сочинения, и его автора. К двум томам произведения «О прусской монархии...» в каталоге примыкает другое сочинение Мирабо, а именно «*Lettre remise a Frédéric-Guillaume II, roi regnant de Prusse*», письмо племяннику великого короля Фридриху-Вильгельму II, в котором автор советует королю предпринять в Пруссии необходимые, по его мнению, реформы и предлагает отменить ряд законов, стеснительных, как он считал, для свободы.

Помещено в каталог и первое издание сочинения Константина Франсуа Шассбёф де Ла Жирод де Вольнея «*Considérations sur la guerre actuelle des Turcs*», одно из первых сочинений французского философа, писателя, ориенталиста и политика, издание редкое, выпущенное в Лондоне по-французски. Это сочинение сразу обратило на себя внимание и сделало автора известным среди читающей публики. В ближайшем последствии его прочел и Наполеон, который, всегда интересовавшийся Востоком и тем, что происходит, в частности, в Турции, уже после Египетской экспедиции познакомился с автором и в дальнейшем не раз встречался с ним. Графом, точнее графом Империи, Вольней становится в 1808 г., когда он уже был сенатором, а до этого, в 1804 г. Вольней был пожалован в кавалеры ордена Почетного Легиона.

В числе прочих изданий встречается и «*Mécanique analytique*» Жозефа-Луи Лагранжа, который в названии книги фигурирует как член Парижской Академии наук, а также Академий наук Берлинской, Петербургской, Туринской и т.д. (sic!). Итальянец, впоследствии натурализованный как француз, выпустил в 1788 г. «Аналитическую механи-

ку» в двух томах (второй — на следующий год, в 1789 г.). Сочинение тотчас заметили и специалисты, и любители, но это был только первый шаг на жизненном пути математика, физика и астронома, а в будущем и члена Института. Как и Вольней, он стал сенатором (1799) и графом Империи (1808).

Из переводных сочинений, включенных в каталог, привлекает внимание многотомное сочинение английского физика, больше известного как автор домашнего лечебника, Уильяма Бьюкена «*Médecine Domestique, ou traité complet des moyens de se conserver en santé, de guérir et de prévenir les maladies...*» — книга, выдержавшая огромное число изданий большими тиражами вплоть до начала XX в. Лечебник был переведен на французский по 7-му лондонскому изданию, а переводчиком выступил Ж.Д. Дюпланиль, профессор прославленного медицинского факультета Университета в Монпелье, который посещали многие знаменитости, в том числе и Д.И. Фонвизин. Переводы на русский язык этой книги с конца XVIII в. также издавались, при этом, как и многие другие из сочинений английских авторов, в переводе с французского, а не с английского языка.

Включены в каталог и другие переводы с английского, например, Эдварда Янга, которого с первых переводов на русский язык стали называть Юнгом: «*Esprit, maximes et pensées d'Young, extraits de ses nuits*». Стихотворные жалобы и иные непременно «ночные размышления» Юнга о тщете человеческих устремлений как образец литературы сентиментализма были весьма популярны в России. «Нощные мысли и другие некоторые сочинения г. Юнга» (СПб., 1780) наряду с другими переводами можно встретить во многих библиотеках. Судя по пометам, экземпляр, вошедший в каталог, надо полагать, был в частом употреблении у его владельца или же владельцев.

Каждое помещенное в каталог библиографическое описание обязательно включает в себя выходные данные в полном соответствии с титульным листом, характеристику иллюстраций и декора (виньеток, заставок и проч.), подробным указанием на все особенности того или иного экземпляра, включая переплет, бумагу и формат, а также рукописные пометы и иные указания (экслибрисы и проч.), которые служат уточнением данных о владельцах и библиотеках. Сказанное касается и тех случаев, когда те или иные экземпляры оказались переплетенными с другими изданиями. Все эти данные сопровождаются точными указаниями на страницы, так же, как и встречающиеся ошибки в пагинации во всех без исключения экземплярах. Все это свидетельствует не только о тщательном и вдумчивом просмотре каждой позиции *de visu*, но и о продуманной последовательности предпринятого поэкземплярного описания вкупе с обязательной атрибуцией всех особенностей, отличающих выявленные и включенные в каталог единицы хранения.

В предисловии к каталогу использованы многие полезные для каталога издания, включая и зарекомендовавший себя с давних пор компетентный словарь анонимов А.-А. Барбье. Правда, по мнению рецензента, в отдельных случаях следовало бы указать не только все шесть томов фундаментального каталога Ж.-Ш. Брюне, но и те тома, которые служат приложениями к основному содержанию этого каталога, — полагаю, что они не менее содержательны и важны своими библиографическими

наблюдениями, но, отнюдь не настаивая на этом, считаю, что это пожелание было бы целиком на усмотрение составителей.

Весьма полезным представляется помещенный в конце каталога и положенный в таких случаях список использованной литературы.

Дополняют содержание каталога отдельные иллюстрации из включенных в каталог книг, а также избранные титульные листы, заставки, концовки и гравюры портретов, помещенные на фронтисписах. Большинство из них можно отнести к подлинным шедеврам изобразительного и орнаментального искусства. Все иллюстрации снабжены атрибуциями и отсылками к каталогу.

В заключение еще один штрих к общему положительному суждению об опубликованном каталоге.

«В парижских книжных лавках творится нечто невообразимое, — записал в своем дневнике путешествовавший по Франции английский агроном Артур Янг (Юнг, однофамилец Э. Янга) вечером 9 июня 1789 г. — Я пошел в Пале-Рояль взглянуть на последние издания и приобрести каталог». Находясь в Париже, он все более и более склонялся к мысли о том, что «...все печатные станки Франции непрерывно работают»*.

Пристальное внимание ко всему тому, что произрастает на почве, всегда уравновешивалось у этого англичанина пытливыми литературными интересами и искренней любовью к театру. Но в июне 1789 г. к этому приплюсовывался еще и интерес политический, поскольку для Юнга было совершенно ясно, что ситуация, особенно в Париже, неуклонно приближалась к взрыву. Однако интерес к литературе, который во многом подкреплялся общением со знакомыми из числа ученого сословия, в то время способствовал приобретению им не только каталогов брошюрного жанра, напротив, он нередко погружался и в книгоиздательские перечни всего того, что по-прежнему продолжало интересовать читающую публику, формируя общественные вкусы на ниве изящной словесности. Этому способствовало и то обстоятельство, что цензурные ограничения, как правило, уже не представлялись чем-то непреодолимым для зарекомендовавших себя авторов и издательств. Что же касается общественных интересов и вкусов того предреволюционного времени, которые большей частью весьма характерным образом отразились на составе многих, если не всех без исключения библиотек, то они свидетельствуют о том, что еще задолго до Революции книгоиздательство было поставлено на весьма широкую ногу и способствовало развитию и плодотворному распространению Просвещения как во Франции и в самой Европе, так и далеко за пределами европейского пространства, свидетельством чему является и настоящий каталог.

Список источников

1. Савельева Е.А. Издания времени Великой Французской революции в собрании Библиотеки Академии наук СССР // Книга в России в эпоху Просвещения. Сб. науч. трудов. Ленинград: БАН. 1988. С. 15–25.

* Юнг А. Путешествия, предпринятые в 1787, 1788 и 1789 годах для познания земледелия, богатства и национального благосостояния Французского королевства. Пер. с англ. С. Искуля и Д. Соловьева. Санкт-Петербург: ИНАПРЕСС. 1996. С. 131.

2. Тонкова Р.М. Печатные издания эпохи Французской буржуазной революции конца XVIII в. в хранилищах СССР (1787–1794 гг.): сводный каталог. Ленинград, 1941. [Машинописная копия].

3. Юнг А. Путешествия, предпринятые в 1787, 1788 и 1789 годах для познания земледелия, богатства и национального благосостояния Французского королевства. Пер. с англ. Д. Соловьева при участии С. Искюля. СПб: ИНАПРЕСС. 1996.

4. Barbier A.-A. Dictionnaire des ouvrages anonymes et pseudonymes. Paris: Paul Daffis. 1872–1879. Vol. I–IV.

5. Brunet J.-C. Manuel du libraire et de l'amateur de livre. Paris: Librairie de Frimin Didot Frères, Fils et Co. Publ. 1860–1865. Vol. 1–6.

6. Brunet J.-C. Manuel du libraire et de l'amateur de livre. Paris: Librairie de Frimin Didot Frères, Fils et Co. Publ. 1878–1880. Supplément. Vol. I–II.

ISKIUL S. Review of the catalog «French publications of the pre-revolutionary era (1787–1788) in the collections of the Rare Book Research Department of the Russian Academy of Sciences Library». Authores O.V. Subbotina, I.E. Kulimeneva. SPb: BAN. 2024

Iskiul Sergei — Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Research Department of Saint-Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences
Saint-Petersburg, Russia, e-mail: iskiouls@yahoo.com

ABSTRACT

The review is devoted to a critical examination of the published catalog “French publications of the pre-revolutionary era (1787–1788) in the collections of the Rare Book Research Department of the Russian Academy of Sciences Library”.

Keywords: Cataloging, bibliography, Russian Academy of sciences Library, Rare Book Research Department of the RASL, Age of Enlightenment, Great French Revolution.

УДК 80

ББК 83.3(2Рос=Рус)6-5 Ненашев Р.Н.

В.В. Батхан

«ЧЕЛОВЕК В КВАДРАТЕ»

Роман Ненашев. Санкт-Петербург: «АураИнфо». 2022. 96 с.

Батхан Вероника Владимировна — поэт, прозаик, член Южнорусского союза писателей, Союза литераторов России, Интернационального союза писателей
Москва, Россия, e-mail: nikab2@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В рецензии рассматривается творчество поэта Романа Ненашева на основе стихотворений из книги «Человек в квадрате».

Ключевые слова: современная русская поэзия, современный литературный процесс, Роман Ненашев, Дмитрий Коломенский, Александр Башлачев, современные авторы.

Одиночество — запредельное экзистенциальное одиночество момента встречи со смертью — чувство, знакомое большинству поэтов. Та, что стоит за левым плечом, не упускает случая напомнить о себе,дохнуть холодком в затылок, остро сжать сердце — я здесь. И одни поэты бегут от нее в любовные переживания, другие рвутся навстречу, в бой за каждый глоток жизни. Но есть и те, кто бесстрашно и бесстрастно свидетельствует: жизнь конечна. И поэт Ненашев — среди них:

...Прожигаешь пространство на глобусе,
легкомысленно куришь, пока
синеглазая смерть на автобусе
догоняет тебя у ларька.

От стихов Романа остается удивительное ощущение — они прозаичны и сюжетны. Рассказывают, повествуют и романтизируют, оставаясь в рамках квадрата страницы. Это не недостаток поэтики и не недостаток вообще, скорее, особенность восприятия, вавилонская башня, сложенная из смыслов вместо кирпичиков. Прозаичность же создает ассоциативный ряд — при прочтении вспоминаешь фантазмагории Булгакова, мрачноватую мистику Погорельского, полифонию «Альтиста Данилова» — очевидная реальность в творчестве Ненашева трансформируется в магический реализм, бесовщину нехорошей квартиры:

...Цепляев, я и остальные
глядим, не закрывая рта,
как эти монстры временные
пространство роют как кроты.

Возьмем хотя бы стихотворение «Скорин» о безвестно пропавшем завскладом — в ином антураже эта история потянула бы на роман с продолжением, но Ненашев уложился в 12 строф. Читатель успевает погрузиться в неизвестность, услышать массу гипотез, провалиться в вещей

сон, по ощущениям сходный со сном Татьяны... И с размаху врезаться лицом в чужое горе, ощутить, как нестерпимо горчит июнь. А присыпанному песочком призраку курьера позавидовал бы и Гоголь.

Нечто подобное рисует в своих стихах петербургский поэт Дмитрий Коломенский. Северная столица построена на костях, прозрачность свойственна всем, кто впитал серый туман с молоком матери. Неживое, неясное, непредставимое нашептывает из-за строк, путь уводит от грешной земли ввысь [1]:

Алексей восходит в небо еле слышными шагами
и неспешно, по наклонной, набирает высоту —
то ли под его пятою воздух мят, как оригами,
то ли Бог ему ладошки подставляет под пяту?

Талант сопереживания, сочувствия и тем, кто уходит, и тем, кто теряет — одна из ведущих мелодий в звучании Ненашева. Неспроста в предисловии российский филолог Георгий Хазагеров проводит параллель с Чеховым — та же безжалостная, отстраненная доброта, то же принятие людских слабостей, та же ломкая, обугленная скорбь. Умер Вася Бородин, наклонился за окно и бесполезно говорить «Постой» — лишь наблюдать, как неотвратимо истаивает память о человеке, которого больше нет:

Мы перешли на красный свет
и не заметили,
среди живых нас больше нет,
но есть свидетели.

Место действия, обстоятельство действия, второстепенный, а порой и главный герой Романа — Питер. Свечной, Рыбацкое, Литейный, серая вода, стылый воздух, китовьи спины мостов и облупившаяся гордость бывшей столицы. Ветер, выдувающий душу и вставляющий в пустую грудь осколок неевского льда. Граница мира живых и неживых, блокадные тени и удушающая августовская жара — не хватает только Раскольникова. Конечно, и Москва не забыта, и Крыму перепала горсточка сосулей, но они лишь присутствуют, а Питер — царит в стихах:

...А спросит некто в плаще и гриме
про Пестель street,
молчи и помни, что он с живыми
не говорит.

Про чеканный слог, обманчивую простоту слов и многослойность смыслов, сложенных пирамидкой Хеопса, вы уже догадались сами. Из пятидесяти восьми стихотворений книги — может, два или три неглубоки. И ни одного проходного текста, включенного для объема, как тряпье в ящик с фарфором. Ненашев действительно по-хорошему классичен, не склонен к сомнительным экспериментам и не хочет никому ничего доказывать. Он четок как силуэт Адмиралтейства, громогласен как пушка Петропавловки, и очевиден как дождливая питерская погода.

Невольно вспоминается неживая легенда Серебряного века, Черубина де Габриак. Иные слова, иные ритмические узоры, но та же печаль

на разрыв строки, та же неистребимая ностальгия — по Питеру тоскуешь, даже сидя в кафе на Невском, его все время мало [2]:

Отходит обида глухая,
Смолкает застывшая кровь,
И плачет душа, отдыхая,
И хочется, хочется вновь

Туда, вместе с ветром осенним
Прижаться, припасть головой
К знакомым холодным ступеням,
К ступеням над темной Невой.

Чувствуется, что над текстами много работали, их шлифовали и отделявали. И по счастью, чистовая отделка не повредила тонкой материи стиха. В текстах есть Бог, есть вера, есть город — и нет ни фальши, ни лжи. Когда осознаешь, что поэт показывает читателям себя-Адама, раскрывается до нутра, прикрывшись фиговым листиком лирического героя, становится страшно. Не от увиденного, а от бездны, огромного космоса, в котором протуберанцем вспыхнуло это творчество:

...Господи, какой же я хороший!
Жаль, что ты не смотришь на меня.

Думаете, все так серьезно? По счастью, нет — Ненашеву свойственна и самоирония и внимание к актуальным вопросам современности, будь то включение автора в «список сепаратистов» на украинском сайте «Миротворец» или бесславная гибель санкционных сыров. Или непроезжимое в благопристойном обществе созвездие, горящее над миром. Смеяться, право, не грешно — и Роман одинаково зажигательно хохочет над дураками, невежами, близкими или самим собой. И от его скоморошьях коленец на душе становится веселее. Недаром один из разделов книги назван «Шапка с бубенцами».

В яростной иронии Ненашева слышится глубокое родство со стихами Александра Башлачева в петербургский период. Та же пьянящая горечь невской воды пополам с ледяным ветром, то же запредельное одиночество — и звенящий, пронзительный смех над собой [3]:

Подобие звезды по образу окурка,
Прикуривай, мой друг, спокойней, не спеши...
Мой бедный друг, из глубины твоей души
Стучит копытом сердце Петербурга.

Резюмируя — перед нами мощный, яркий, профессиональный и громко заявивший о себе сборник очень хороших стихов. Тексты затягивают, утаскивают, смывают и порой даже делают призрачной границу реальности. Их хочется вспоминать, они въедаются в память и остаются там на десятилетия, они вынуждают проехать лишнюю станцию в метро или остановку в автобусе — не оторваться. Их стоит читать — хотя бы затем, чтобы разделить с автором глубину абсолютно-го одиночества.

Список источников

1. Коломенский Д.Э. Журнал Зинзивер. № 3, 2016.
2. Черубина де Габриак. «Исповедь». Москва: Аграф. 1998.
3. Башлачев А.Н. «Посошок». Москва: Лира. 1990.

BATKHAN V. «The man in the square». Roman Nenashev. St. Petersburg: Aura-Info. 2022. 96 p.

Batkhan Veronika — poet, novelist, member of the South Russian Union of Writers, Union of Writers of Russia, International Union of Writers
Moscow, Russia, e-mail: nikab2@yandex.ru

ABSTRACT

The review examines the work of the poet Roman Nenashev based on poems from the book «Man in the Square».

Keywords: modern Russian poetry, modern literary process, Roman Nenashev, Dmitry Kolomensky, Alexander Bashlachev, modern authors.

Научное издание

НАУКА И БИБЛИОТЕКА.
Сборник научных трудов. Вып. 10

Выпускающий редактор *О.В. Холмогорова*
Оригинал-макет *А.В. Ухваловой*

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-03

Подписано в печать 14.08.2024
Формат 70 × 108 ¹/₁₆
Тираж 300 экз. (1-й завод 60 экз.)
Печ. л. 13,4 (469 тыс. зн.). Заказ № 74

Отпечатано в ОПП БАН
(199034, Санкт-Петербург, Биржевая л., д. 1)